

Копипаста: Приключения Генсокийских Нагибаторов — Lurkmore

Сырно

В Хакурейском храме этим вечером происходили нехорошие вещи. Сырно жалобно шмыгала носом, пытаясь сохранить остатки бодрого вида. Умелыми красивыми узлами её руки и ноги были скреплены за спиной – достаточно крепко, чтобы Сырно не могла даже пошевелить конечностями, но не так крепко, чтобы причинять её сильную боль. Рейму, поднапрягшись, подтянула перекинутую через перекладину верёвку, таким образом, чтобы связанная ледяная фея зависла в воздухе где-то на уровне груди человека. «Хорошо, так и оставь! Ну, как ты себя чувствуешь, Сырно?» - спросила Мариса. «Отпустите меня, тётяшки, я больше не буду!» - снова начала хныкать Сырно. «Тебя ведь никто не звал сюда, а ты всё равно пришла. И ведь не первый раз. А что делают с теми, кто приходит без разрешения?» - спросила Мариса, похлопывая Сырно по попке. «Я не буду, не буду, честное слово!» - молила Сырна. «Ты побеспокоила нас! Нарушила наше мирное чаепитие. Ты ведь собираешься компенсировать это?» - «Я компенсирую, я компенсирую! Возьмите что хотите! Пожалуйста, отпустите меня!» - «Сырна состоит из банта, кучки сосулук и дуры! Ну, что можно взять с Сырны? У Сырны ведь ничего нет!» - ехидно говорила Мариса, медленно проводя пальцем вдоль изогнутой Сырниной спины. - «Впрочем, поскольку ущерб был моральный, то и компенсировать ты можешь его морально. Ты можешь порадовать нас, доставить нам удовольствие». «Я не понимаю, о чём вы говорите?» - пищала Сырна. «Глупая-глупая Сырна! - улыбалась Мариса. - Я хочу увидеть на твоём лице раскаяние, сожаление о содеянном». «Я уже раскаялась!» - молила фея. Но у мучителей, похоже, были другие планы. «Расслабь попку! - приказала Мариса. - Не пытайся смотреть назад! Так будет только хуже!» «Не могла подумать, что у нашей Сырны такая отличная чистая попка! Жители озера все-таки такие чистоплотные!» - как будто пыталась поддержать Сырну Рейму.

Мариса взяла ручку метлы и внимательно проверила, чтобы на ней не было щепок или ещё чего-то. Но нет, инструмент был надёжный, полированный так, что даже отдавал матовым блеском. Мариса подтянула Сырну к себе и начала вводить рукоятку метлы в анальное отверстие феи. Сырно начала верещать, но Рейму дала прикусить ей свой рукав и успокаивающе прошептала: «Потерпи!» Но лицо феи исказила резкая боль. «Не перегибай палку!» - предупредила Марису Рейму. «Разве я её перегибаю?» - насмешливо спросила Мариса и сделала несколько вращательных движений рукояткой. Глаза Сырны помутнели. «Дух природы! Она как священный дуб в священном лесу! До нас никто не ковырялся в его дупле», - глаза Марисы щурились от удовольствия. Она на секунду потеряла контроль над собой и по подбородку побежала струйка слюны. «Маленькая грешная Сырно! Как ты чувствуешь себя сейчас? Ты осознаёшь свою вину? Я хочу, чтобы ты почувствовала страдание тех, кого мучила сама», - Мариса резко дёрнула рукоятку. «Я хочу услышать, как кричали лягушечки, когда ты их убивала! Покажи мне!» - приказала Мариса. «Ква...ааа... ква...» - слабым голосом проквакала Сырно. «Я уверена. Что они кричали гораздо громче!» - прошипела Мариса. «Мариса, не надо! Она на пределе!» - предупредила Рейму, которая всё это время внимательно контролировала дыхание Сырны, аккуратно придерживая фею. Мариса раздухарилась и остановиться ей было очень сложно. «Хватит для первого раза! Сегодня мы можем найти что-нибудь интересней» - уговаривала Рейму. Она знала, что нужно выиграть буквально несколько секунд, пока Мариса пройдёт пик фантазий. «А, ладно, - глаза Марисы потускнели. - Снимай её. На самом деле хватит». Рейму спустила Сырну на землю и стала развязывать. Фея была в состоянии близком к коматозному. Мариса вздохнула: «Дай ей чаю и пару мандаринов, чтобы успокоилась. И пускай идёт домой. Не хрен сидеть тут и брызгать слюнями и соплями».

Униженная Сырно, тихо всхлипывая, вразвалочку поковыляла в сторону леса. Мандарины вывалились из дрожащих рук, и так и остались валяться на храмовом холме. «Заходи ещё, Сырно!» - приветливо прокричала вслед Мариса. Вскоре тень Сырны исчезла, а Нагибаторы стали думать, чем им заняться дальше. А что вы думаете - как бы они могли продолжить вечер?

Теви и Рейзен

Сегодня Теви забралась в самый удалённый уголок ночного бамбукового леса. Не то что бы она кого-то боялась, просто больше не могла удержаться. «Как будто горит! Больше не могу - подумала Теви. - Нельзя, чтобы кто-то видел». Она забралась в кусты и села на корточки. Затем, осторожно осмотревшись, достала из кармана пачку сигарет, дрожащими пальцами вытащила одну. Закурила, чиркнув спичкой, затянулась и расплылась в удовольствии. У обитателей бамбукового леса давно были проблемы с никотиновым змием. Это портило имидж Эйентея, и он сильно уступал в популярности Особняку Алой Дьяволицы, где, как известно, жила куча спортсменов и библиотекарь, которые не курили и потребляли только натуральные продукты. «Пластырь бы какой-нибудь изобрела, карга! Нельзя же так на одних морально-волевых!» - зло подумала Теви про Эйрин. «Так-так-так! - раздался грубый голос, совсем неподалёку. - А кто это у нас тут сидит и портит мои лёгкие». Теви не успела вскочить, как её схватили чьи-то мускулистые руки. Сигарета упала в темноту. «Б-ы-ы-ч-о-о-к!» - успела прокричать ей вслед Теви. «Ха! Кажется, мы поймали невоспитанного толстого кролика! - проихихикала Мариса. - Я так и думала, что нас ждёт удача, просто нереальная удача». «Здесь частная территория! Немедленно

уходите!» - прохрипела Теви. Рейму, скрутившая Теви, и теперь восседавшая на ней как на стуле, заметила: «Я бы на твоём месте не злила её».

«Покажи грызуну, что ты умеешь, Рейму!» - распорядилась Мариса. Рейму принялась аккуратно раздевать и вязать кролика. Руки Теви оказались плотно привязаны к спине, а ноги Рейму оставила не связанными, но не позволяла жертве даже приподняться с колен. «Да, что такое... За что?» - голос Теви надорвался. Мариса приблизила лицо и, смотря кролику прямо в глаза, свирепо произнесла: «Не смей звать на помощь!» Древний кроличий инстинкт ввёл Теви в ступор и заставил подчиниться. «Самое время для нашего Посоха Боли!» - с вожделием провозгласила Мариса. «Ты про strapon? - спросила Рейму. - Мы его дома забыли». «Рейму, дура! Почему ты никогда не думаешь про инвентарь?! - Марису охватила досада. - Твою мать! Ты должна поднять мне настроение! Отхлестай её!» - «Ладно. Без проблем!» Рейму взяла свой гошей и отвинтила насадку с бумажными полосками «shade». Под насадкой скрывалась великолепная кожаная плеть. Рейму коленом прижала голову Теви к земле. Прежде, чем Рейму занялась своим любимым занятием, Мариса запустила на задницу Теви обе руки: «Вот она, самая жирная задница в Генсоке. Ну, одна из самых жирных...» - поправила Мариса, как будто что-то вспомнив. Помассировав кроличий зад, Мариса не удержалась и дёрнула Теви за хвостик. Теви громко вскрикнула от боли. «Да зачем!?!» - буркнула Рейму. Неожиданно неподалёку мелькнул луч лазерного прицела и раздался крик: «Эй, Теви! Ты здесь? Сколько можно?! Минздрав ведь предуп... Эй, что тут происходит?» На сцену экзекуции вышла Рейзен. Рейму среагировала быстрее всех, и стремительно вскочив, вырубилa Рейзен ударом кулака. «Ну, как всё замечательно! - прокомментировала Мариса. - От маленьких толстых кроликов к большим и длинным».

«Даже и не знаешь с кого начать», - облизывалась Мариса. Она тщательно осмотрела заднюю часть Рейзен, по-видимому, чтобы сравнить с Теви, и задумчиво дёрнула за хвост. И тут этот самый хвост совершенно неожиданно остался у неё в руке. «Что за мерзость!» - крикнула Мариса, брезгливо выкидывая ошмётки. «А ну, говори! Что это на хрен было?!» «Родовая травма! Это протез! Верни на место!» - хрипела Рейзен. «Что?! Ты так облажалась! Ты серьёзно думаешь, что не заплатишь за это? Рейму!!!» - крикнула Мариса. За долгое знакомство она и жрица научились понимать друг друга почти без слов. Рейму быстро сняла свои трусы и отдала Марисе. Мариса присела и принялась записывать труселя Реймы в рот Рейзен: «Кушай-кушай, инвалид! Я так тебе скажу, Реймины трусы, конечно, лакомством на любителя, но зато там много витаминов. Может у тебя там вырастет что-то». Рейзен проглотила трусы Рейму, но из-за того что запить было нечем, у ней начался жестокий приступ икоты, окончательно подавивший её волю. Кролики больше не пытались оказать сопротивление, и, грустно опустив уши, ждали своей участи. «Хочу увидеть - как вас унижают ваши хозяева. Для начала потритесь друг об друга попками! И жуйте при этом травку как обычные кролики». Стоявшие на четвереньках связанные кролики сумели как-то переползти и начали выполнять распоряжение Марисы, жуя травку. «Ну, как, Рейму?» - спросила Мариса. «Что меня не жарит», - пробурчала Рейму и хлестнула кроликов плетью, те взвизгнули. «Подожди, я тут видела кое-что». Рейму подобрала с земли приличных размеров морковку, которую, видимо, обронил кто-то из кроликов. Тонким концом она вставила её в анус Рейзен, а толстый - в анус Теви. Два кролика слились воедино. «Ну, вот, а теперь продолжаете то, что вы делали», - сказала Рейму. «Молодец, Рейму! Хорошая идея! Молодец!» - сказала Мариса и слегка похлопала Рейму по щеке. - Пока мы вместе, мы всегда сможем найти себе развлечение. Не так ли?!»

Несколько минут Рейму и Мариса смотрели на пару пыхтящих кроликов. «Тебе не кажется, что они совсем что-то не шебуршат? - спросила Рейму, запуская руку в штаны Марисы. - Кролики распространяют вокруг себя столько сексуальных мифов, а на поверку просто пшик». Мариса тоже была недовольна, зрелище не дотягивало даже до среднего уровня: «Заканчивайте эти сопелки!» «Мы так старались, Мариса-сама! Простите нас!», - простонала вспотевшая Рейзен. Мариса едва сдержалась, чтобы не плюнуть в неё, но потом она придумала что-то получше. Она вынула морковь из анальных отверстий несчастных, разломала её пополам и вручила каждому кролику по половинке, чтобы они могли попробовать на вкус задницы друг друга. «Молодцы! Вот ваша награда! Грызте, кроличики!» Пара призывных пинков и кролики тихо захрустели морковками. Мариса и Рейму могли обсудить дальнейшие планы. «Пойдём домой...» - предложила Рейму. «Перестань! - прикрикнула Мариса, вынимая руку Рейму из своей промежности. - Мне надо подумать!» Рейму понимала, что ни Сырна, ни кролики совершенно не удовлетворили потребности Марисы, и домой она не пойдёт. «Ты говорила, что знаешь ещё такие толстые задницы. Где можно найти ещё одни такие булочки?» - Рейму слегка хлестнула Теви по седалищу. В Генсоке действительно почти не было толстых задниц. И когда Рейму и Мариса слышали о чьих-то широких батонах, у них в глазах вспыхивал зелёный огонёк. Редкая добыча - редкое удовольствие! Мариса поняла, на что намекает Рейму, облизнулась и хитро прищурилась: «Не хочешь навестить одну нашу старую знакомую с подходящими булками?» Рейму улыбнулась и похлопала Марису по плечу. Решение было принято. «Только терпил этих надо в волчью яму посадить, или на дерево повесить, чтобы до утра не нашёл никто», - напомнила Рейму.

Ёму и Ююко

Ююко в шлёпанцах ходила по дому со стаканом молока в одной руке и французской булкой в другой. «Яишенки что-ли ещё порубать» - вздохнул призрак, томным взглядом разыскивая что-нибудь съестное по полкам. В этот момент в дверь постучали. Ююко недовольно положила еду, запахнула халат и пошла открывать дверь. «Кого там несёт на ночь глядя?» Последний раз так стучался Гитлер, когда умер. «Пиццу заказывали?» - раздался за дверью подозрительно знакомый голос. «Нет. Но Вы не уходите никуда!» - ответила Ююко, открывая дверь. За дверью никого не было, ни разносчика, ни пиццы. «Что это

за шутки?» - громко спросила Ююко. Она заметила какой-то силуэт, у валуна в саду. Подойдя, она обнаружила Ёму в бессознательном состоянии со следами Рейминого хука справа на лице. «Что за...» - воскликнула Ююко. В этот момент Рейму подошла сзади, накинула плетёную ленту на шею Ююко и стала душить. Ююко отчаянно вырывалась, но Рейму выбила у неё из руки веер. Рейму строго прошептала на ухо Ююко: «Гармония рождает порядок. Порядок рождает дисциплину. Дисциплина рождает повиновение». «Да, я поняла. Поняла...» - прохрипела Ююко и прекратила сопротивление. «Хорошая девочка, - похвалила Рейму. - Можешь выходить, Мариса. Мы их нагнули!» Мариса, покачиваясь, вышла из-за дерева, показывая трофей. «Ты только посмотри на это, Рейму!» Когда они напали на Ёму, Рейму вырубилась живую половинку, а Мариса схватила призрачную. Мариса вдруг почувствовала в своих руках что-то скользкое, влажное, и тёплое. Призрачная половинка, видимо, попыталась спрятаться, запрыгнула в Марисе в панталоны и начала там хлюпать. «Ого-го-го! - подумала Мариса, почувствовав приятное тепло в промежности. - Эта штука может пригодиться». Она вытащила призрака за хвост и вышла к звавшей её Рейме.

Рейму наклонилась к живой части Ёму, оценила её и сказала: «Садовник не нужен! Мы могли бы привязать её к тачке и спустить по той огромной лестнице». Марису пугали частые в последнее время асексуальные эскапады Рейму. «Даже не пробуй! - предупредила она жрицу. - Берём всех! Кашу маслом не испортишь». Ююко притворилась, что не понимает где находится и ни в чём не перечила нападавшим, только немного сожалела о прерванном ужине. В этот раз Мариса планировала привязать Ююко и Ёму друг к другу. Сырно была одна, связь между Рейзен и Теви была только с помощью морковки (наверно поэтому у них ничего и не получилось). Теперь Мариса твёрдо решила соединить два в одно. Кроме того, у неё была ещё эта скользкая возбуждающая штука. Рейму и Мариса затащили своих жертв в дом, там были потолочные балки, мебель и множество домашней утвари - всё это они собирались использовать для удовлетворения своих спонтанно возникающих фантазий. Внезапно Рейму осенила первая из них: «Не знаю, Мариш, видела ли ты, но когда я была в гостях у Юкари, то она показывала мне пьесу самодвижущихся картинок. Она называлась, кажется, «Девять с половиной недель». Там была такая сцена, которую сейчас было бы очень неплохо повторить. Пока я их вяжу, проверь, что тут у них из продуктов есть».

Пока Мариса умело потрошила домашнее имущество, Рейму быстро раздела пленников и стала прикручивать Ююко к Ёму. Ёму была всё ещё без сознания, а Ююко демонстративно зевнула. Рейму связала вместе их руки и туловища (спинами вместе) и перекинула несколько канатов с петлями через потолочные балки, чтобы, если вдруг взбредёт в голову, растянуть своих жертв по всей комнате. Ещё была опция - подтянуть этих двоих к балке, а потом со всей дури приложить их об землю. Для кого-нибудь другого Рейму посчитала бы это слишком жёстким, но мёртвые сраму не имут. Однако сейчас все мысли Рейму занимала подготовка к порочному ужину. «Не знаю, что ты там задумала, - сказала Мариса, занося пакеты с продуктами, - но я нашла пачку молока, булку, варёные яйца, клубнику, торт со взбитыми сливками, пару бутылок пива, зелёные перчики и мёд. Тут бы надо еще пошерстить, чую у неё тут схрон есть». «Времени нет!» - ответила Рейму, быстро раздеваясь. «Не спеши так. Куда нам спешить? Спешка - враг хорошего насилия!» - предупредила Мариса, обняла Рейму за талию и лизнула её подмышку. Во всём Генсоке только Мариса была без ограничений допущена на вылизывание подмышек Рейму. Капельки пота Рейму действовали на неё как афродизиак. Погладив друг друга и, поцеловавшись, Рейму и Мариса договорились о плане действий. Рейму взяла на себя Ююко, а Мариса - Ёму. Это была негласное соревнование - у кого первым получится по-настоящему завести свою жертву. Темой вечера была еда.

Рейму сократила дистанцию, посмотрела прямо в глаза Ююко и приказала: «Открой рот!» «Да, госпожа!» - Ююко покорно и лениво открыла рот, безразлично взирая на Рейму своими красноватыми призрачными глазами. В душе у Рейму шевельнулось что-то нехорошее. Она никогда не срывалась в беспредел, который был свойственен Марисе. Более того, она часто жалела своих жертв. Например, сегодня она гуманно отнеслась к Сырне, которая лишалась анальной девственности. Но всё-таки она всегда любила непослушных девочек, которых надо было наказывать. Демонстративное покорство её оскорбляло. Поэтому она дала Ююко хорошую профилактическую затрещину. У Ююко зазвенело в ушах, но она была очень опытной и быстро поняла, что хочет добиться от неё Рейму. Рейму левой рукой стимулировала весьма широкую небритую киску Ююко, а в правую взяла пакет молока и спросила: «Будешь?» Ююко изо всех сил сделала вид, что ей не всё равно и ответила: «Нет!» - «Ты меня не уважаешь?» - «Да за что тебя уважать?» Рейму схватила Ююко одной рукой за волосы и дёрнула назад, а второй рукой стала заливать ей в рот молоко из пачки. Но большая часть молока расплёскивалась и стекала вниз по изгибам тела Ююко. Рачительная Рейму попыталась предотвратить порчу продукта. Слизнув несколько струек, она сжала большие груди Ююка так, чтобы они образовали непротекающую ложбинку, которая в один миг наполнилась молоком. Рейму наклонилась и выпила молоко из ложбинки. Затем Рейму собрала языком оставшиеся капли с живота и пушистого лобка Ююко. Впервые у Ююко мелькнула мысль, что предстоящая ночь будет не такой ужасной, как казалось на первый взгляд. Теперь пришло время что-нибудь перекусить.

Тем временем, с другой стороны тоже происходили интересные события.

Пришедшая в себя Ёму хлопала большими удивлёнными глазами, взирая на Марису. Казалось бы, ещё несколько мгновений назад она работала в саду, а тут неожиданно обнаружила себя голой, связанной и безоружной в руках насильников - действительно было от чего удивиться. Мариса наклонилась к ней и показала её призрачную половинку: «Ты ведь любишь трогать себя, не так ли? Ведь эта штука не просто так залезла мне в штанишки, она уже хорошо обучена. Да? Правда ведь?» Ёму, ничего не отвечая, презрительно отвернулась. «Неужели твоя хозяйка совсем не балует тебя? Плохая хозяйка, да?» Ёму

вдруг услышала, как Ююко начала тихо стонать у неё за спиной, и не смогла сдержать приток крови к лицу. «Я помогу тебе, - сладким голосом пообещала Мариса. - Знаешь, почему твоя хозяйка игнорирует тебя? А?» Ёму по-прежнему не отвечала и отводила глаза. Тогда Мариса ответила сама себе: «Потому что ты пай-девочка! Я не говорю, что пай-девочки это плохо - с ними можно работать, разговаривать на философские темы, играть в го по вечерам и прочее... Но если ты хочешь, чтобы твоя хозяйка трогала тебя, ты должна вести себя как шлюха. Ты понимаешь, о чём я говорю?» Ёму мелко затряслась и Мариса поняла, что она внимательно её слушала. «Я научу тебя!»- объявила Мариса. Мариса взяла Ёму за подбородок и резко развернула на себя. Затем она засунула в рот Ёму средний и указательный пальцы правой руки. «Не смей кусать! - прошипела Мариса. - Мои пальцы, на них сок Рейму. Оближи их так, чтобы я даже не чувствовала её запаха!» Ёму метнула злобный взгляд на Марису, но начала вяло шевелить языком. «Сырно сегодня анусом работала лучше, чем ты языком», - рассердилась Мариса и пальцы левой руки во влагилице Ёму. «Думаешь я не раскошегарю тебя? Я ещё и не таких отличниц кочегарила», - входила в спортивный азарт Мариса. Ёму начала постепенно сдаваться...

Мариса вытащила пальцы изо рта Ёму. Они были вылизаны до блеска и Реймой больше не пахли. Это означало, что все четверо поймали свою волну. Действие приближалось к финальной части. Если сравнивать - как кончала Ююко и как кончала Ёму, то Ююко можно сравнить с большой закипающей кастрюлей, которая иногда ухала подобно сове. А вот Ёму, как и все хорошие девочки, кончала тихонько. Мариса опасалась, что Рейму из-за этого заявит о своей победе, но ситуацию спасало то, что у Ююко были многочисленные перерывы на еду. Рейму запикивала в неё продукты, а потом доедала остатки, падающие на обширное тело призрака. Ююко разомлела - ей удавалось одновременно, и кушать, и получать плотское удовольствие, это было как раз в её вкусе. Постепенно стоны превратились в созвучие, даже в мелодию, можно сказать, Рейму и Мариса играли на своих жертвах, как на музыкальных инструментах, зная в каком месте надо надавить, а в каком погладить, чтобы получить тот или иной тон. У Марисы когда-то уже была такая безумная мысль - устраивать концерты с такими «живыми инструментами», но Рейму сказала, что она против выставления их интимных увлечений на всеобщее обозрение. Дело стремительно шло к кульминации, мелодия стала распадаться, уже стояла просто сплошная какофония из уханья Ююко, писка Ёму, рыка Марисы и предвкушающих вздохов Рейму. «Только не туда!» - крикнула Мариса, совершенно взбесившаяся призрачная половинка Ёму прыгнула на неё сзади. Но теперь она уже не контролировала ту вакханалию, которую сама же и устроила. Звуки, которые стали издавать потерявшие над собой контроль девочки в финальной стадии, трудно описать, надо ехать в Генсоке и слушать самому. «Ююююко!» - прошептала Рейму, целуя призрака и глядя его по круглому животу. Ёму потеряла сознание, вернувшись в первоначальное состояние. Мариса стояла на четвереньках, побелевшая, с выпученными глазами, из попы у неё торчало что-то призрачное и извивающееся. Мариса редко опускалась до пассива, но это был как раз такой исключительный случай. Все признаки указывали на то, что вечер всё-таки удался.

Полчаса все отдыхали, приходили в себя, одевались, Ююко и Ёму были, наконец, развязаны. Рейму и Мариса помогли немного прибраться в доме и поблагодарили гостеприимных хозяев. Ююко, несмотря на усталость, пошатываясь, вышла проводить гостей. Главпризрак, конечно, был несколько зол на Рейму и Марису (про Ёму и говорить нечего, та была просто в бешенстве от того, в каком состоянии Мариса вернула её призрачную половину). Но такова была жизнь в Генсоке, и обижаться на такие выходы жрицы и волшебницы было просто глупо. В конце концов, Рейму и Мариса - люди, поэтому к ним надо было относиться вдвойне снисходительно. Во всяком случае, так думала Ююко, которая чего только не повидала на своём веку. Если бы она хотела, то могла бы рассказать Рейме и Марисе, о том, сколько таких молодых и дерзких человеческих жриц и волшебниц набегало на Ююко за время её работы и, главное, где все эти волшебницы и жрицы теперь находятся. Но Ююко была очень милосердна к смертным, хотя, надо заметить, что с каждым таким визитом неприятный осадочек всё-таки накапливался.

Рейму и Мариса, признали ничью и, взявшись за руки, полетели домой, обсуждая дальнейшие планы. Вроде вечер удалось направить в нужное русло, но словно какая-то тень проскочила между Рейму и Марисой. Мариса, с недавних пор, стала замечать, что всё чаще Рейму стала сдерживать себя, действовать асексуально, включать по тормозам даже там, где не стоило себя сдерживать, и, ко всему прочему, пыталась ограничивать действия Марисы. Одна сегодняшняя Сырно чего стоила... Рейму же, в свою очередь, стала замечать, что Мариса всё чаще теряет всякий контроль над своими действиями. Раньше Мариса и Рейму устраивали подобные оргии раз в неделю, или даже раз в месяц. Но теперь Мариса требовала продолжения банкета уже завтра. К тому же, прежде их мероприятия больше были похожи на дружеские посиделки, но теперь Марису не удовлетворяло ничего, кроме изнасилований. В конце концов, если беспредел будет продолжаться, то ёкаи собьются в стаю и нагрянут к ней и Марисе по месту жительства. Рейму заметно нервничала, и думала как исправить ситуацию. Может взять в команду кого-нибудь третьего? Но треугольник - такая неустойчивая конструкция, в любой момент может рухнуть. Да и кому такое можно предложить? Может Ае? Может она согласиться делать фотографии их с Марисой развлечений... Но Ая производила впечатление совершенно нормального в сексуальном плане тенгу и дорожила репутацией, в то время как у Марисы и Рейму репутация была такая, что над храмом панталоны на флагшток можно было поднимать. «Ладно, когда Ая за интервью опять прилетит, я её так в лоб и спрошу», - подумала Рейму. Поцеловавшись, Рейму и Мариса разлетелись по домам, договорившись встретиться завтра у Марисы, ближе к ужину.

Совесьть Рейму

Самый глухой ночной час в Хакурейском храме. «Как ты можешь сейчас спать, Рейму?» Рейму открыла

глаза, приподнялась из футона и стала осматриваться, пытаясь обнаружить того, чей голос её только что разбудил. На фоне перегородки она заметила чью-то тёмную фигуру. Рейму присмотрелась – похоже, это была девушка в одеянии жрицы, голова была повязана красивым бантом. В руках у неё был гокей. Рейму старалась разглядеть её лицо. Глаза понемногу привыкли к темноте, и Рейму увидела, что девушка смотрела на неё с явным укором. И тут Рейму поняла, и её аж передёрнуло – она смотрела на эту девушку как в огромное зеркало. Внешность Рейму, одеяние Рейму (только бело-синее, а не бело-красное) – всё полностью совпадало. «Да это же... – Рейму была в замешательстве. – Ты кто?» - «Я? Ты не узнаёшь меня? Я – твоя Совесть!» «Совесть? – Рейму вспоминала слегка подзабытое слово. – Почему ты меня разбудила?» - «Я не будила тебя, ты проснулась сама». – «Да что ты такое говоришь? Зачем ты вообще пришла?» - «Ты звала меня – вот я и пришла. Ты хотела со мной поговорить». - «О чём мне с тобой говорить!? И ни хрена я тебя не звала!» - возмутилась Рейму. «В последнее время твоё сердце покрылось трещинами, ему стало больно. Оно позвало на помощь, и тогда появилась я. Это нормальный порядок вещей, так бывает не только у тебя». – «Да что ты такое несёшь? – тут Рейму осеклась. – Что? Ты хочешь сказать, что вот, к примеру, к Марисе тоже приходит Совесть?» - «Да, даже к ней. Но Мариса не слышит и не видит её. Я часто видела, как её Совесть ночью зовёт её по имени и плачет. Но её хозяйка не замечает её. Видимо нашла другого собеседника». «И я тоже не хочу с тобой говорить! Убирайся, дай мне поспать, у нас на завтра большие планы!» - закричала Рейму и швырнула в свою Совесть гокеем. «Какой глупый поступок! – заметила Совесть. – Ты не понимаешь. Если я пришла – значит, ты пригласила меня. Я не могла бы прийти, если бы ты этого не хотела». «Ну и что тебе надо, что ты хочешь от меня узнать?» - всё более раздражалась Рейму. «Наверно, не я хочу, а ты хочешь что-то узнать от меня. Ты не можешь вспомнить – о чём ты хотела меня спросить?» Рейму напряглась, она почувствовала какие-то смутные воспоминания – что же такое сегодня произошло, что она решила поговорить со своей Совестью?

День как день – немного побаловались с Марисой. Ну и что такого, не первый раз и не последний. Рейму стала перебирать события дня по порядку. И тут... Рейму увидела перед собой лицо Сырны, в тот самый момент, когда Мариса лишала её анальной девственности... Сырно, закусив рукав Рейму, смотрела на неё красивыми грустными непонимающими голубыми детскими глазами. В ушах Рейму прозвучал как будто сказанный вслух немой вопрос Сырно: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» Рейму покрылась холодной испариной. Ей было нечего ответить, и она не могла больше видеть слезящиеся глаза Сырны. Она замотала головой, пытаясь прогнать видение. «А разве только это?» - снова она услышала голос своей Совести. Рейму снова посмотрела перед собой. На миг всё потемнело, но потом из темноты, один за другим, начали появляться силуэты – Алиса, Мистия, сёстры Призмривер, Ринноске, Санае, Чен, Комачи, Летти и многие другие. Они все пристально без эмоций смотрели на Рейму, осуждали её. Потом они одновременно направили на Рейму указательные пальцы. Прозвучало безмолвное обвинение: «Да! Эта жрица принесла нам боль! Много боли!» Рейму, оправдываясь, пыталась отползти назад: «Но ведь не только боль! Ведь было много чего хорошего!» Опять раздался голос Совести: «Подумай, Рейму! Скоро ты состаришься и умрёшь! Что будет – когда ты попадёшь на суд к Ююко или Ямаксанаду? Как ты объяснишь свои гомосексуальность и непотребства? Какие оправдания ты найдёшь? И что станет с твоей душой, в конечном счёте?» «ЫЫЫЫ!» - собравшиеся вокруг тени стали зажали Рейму в углу, их становилось всё больше, скоро они наверно раздавят Рейму её собственными грехами. «ЛАДНО! ХОРОШО! – закричала Рейму. – Я подумаю!» «Вот и подумай!» - мягко сказала Совесть. Когда Рейму открыла глаза – вокруг уже никого не было, ни жрицы, ни других ночных гостей. Только гокей валялся у стены. «Чёрт! Достоевщина какая-то!» - выдохнула Рейму и попыталась снова уснуть. Но сон не шёл, так Рейму и сидела до утра, обняв свои колени, пытаясь разобраться в собственных мыслях. А когда забрезжил рассвет и в храм стали проникать первые лучи солнца, жрица решительно поднялась и подобрала свой гокей. Вытащив из него секретную плетель, Рейму вышла наружу, стала лицом на рассвет и начала хлестать себя по спине, решительно и без поблажек. Слева-справа, раз-два-три! Слева-справа, раз-два-три. Начинался новый день.

Напутствие Марисе

В отличие от Рейму, Мариса безмятежно спала в своём доме, и ей снился интересный сон. Она сидела за чайным столиком, и пила чёрный чай из фарфоровой кружки, заедая пирожным. «Значит, ты довольна?» - Мариса услышала обращенный к ней вопрос. Женский голос, но немного низкий, можно сказать почти мальчишеский. Мариса не могла разглядеть собеседника, только тёмный силуэт на качелях рядом со столиком. «Да, по началу, что-то не шло, но потом Ёму всё исправила. Во всех этих скромных гимназистках, библиотечаршах, учительницах и прочих недотрогах живёт настоящая первобытная похоть. Правда, надо немало потрудиться, чтобы до неё докопаться. Хе-хе!» - самодовольно усмехнулась Мариса. «А вот мне кажется ты остановилась и не движешься вперёд», - снова раздался голос таинственного собеседника. «Это ещё почему?» - спросила Мариса. «Ты перестала меняться, Мариса. И это меня огорчает. Ты достигла определённого уровня и перестала меняться, - сказала Фигура на Качелях. – Ты ведь говорила, что тебе надоело быть добренькой волшебницей, и ты хочешь стать великой Генсокийской Ведьмой! Не так ли?» «Угу...» - подтвердила Мариса. «Почему же ты не можешь стать ведьмой? – задала риторический вопрос Фигура на Качелях. – У тебя есть ведьмина метла, хоть ты и часто используешь её не по назначению. Ты летаешь по небу, варишь зелья, пишешь гримуар, носишь ведьмину шапку и прочее... Но настоящей ведьмой стать не можешь. Хочешь, скажу почему?» «Угу», - снова угукнула Мариса.

«Ведьма – это не тот, кто просто летает по небу, варит зелья и пишет гримуар, - объясняла Фигура на Качелях. – Все это ведьме абсолютно без надобности, так... внешние атрибуты. Ведьму определяет место, где она живёт». «Разве мой дом – неподходящее место?» - спросила Мариса. Фигура отвечала: «Совершенно неподходящее. Ведьма живёт не в лесу, не в Генсоке, не в средневековых рассказах и легендах, не в фильмах ужасов. Настоящая ведьма живёт в пограничном состоянии – на границе

человеческого разума и того, что человеческому разуму недоступно. Чтобы достигнуть этого пограничного состояния, те, кто желают стать ведьмой, используют различные техники. Кто-то бегаёт по Колесу Перерождения как белка (так, кстати, делала одна моя хорошая знакомая), кто-то уходит в горы и медитирует годами, кто-то использует расширители сознания. Но вот ты выбрала путь разврата! Это интересная техника, ей не часто пользуются, чтобы стать ведьмой». «Просто это в моей природе и очень хорошо у меня получается», - отметила Мариса. «И тем не менее, ты топчешься в последнее время на месте», - опять указала Фигура на Качелях. «Зоофилия - checked, некрофилия - checked. Ну что ещё - калоедства разве что не было», - Мариса поморщилась. «Это всё техническая сторона дела, ты слишком много о ней думаешь», - сказала Фигура. - Настоящий разврат - это когда разворачивается не тело, а душа. Вот этого я в последнее время у тебя и не вижу. Только когда твоя душа опустится на самое дно и будет погребена в иле порока, когда в ней не останется даже самого маленького светлого пятнышка, вот только тогда я смогу признать тебя НАСТОЯЩЕЙ ВЕДЬМОЙ! Поработай над этим». Напутствовал Марису, Фигура растворилась в дымке. Утром Мариса проснулась бодрая, в хорошем настроении, готовая к новым злодеяниям. И совершенно забыла этот сон.

Риггл и Алиса

Мариса стояла перед зеркалом и выбирала панталоны для вечеринки, когда в дверь тяжело постучали. Открыв, она увидела серое мертвецкое лицо Рейму с чёрными кругами под глазами. «Что-то ты как из склепа вышла», - отметила Мариса. «Не спалось всю ночь!» - ответила Рейму, входя в дом. «А это ещё что такое», - удивилась Мариса, заметив кровавые пятна сзади на одеянии Рейму. Обнажив Рейме спину, Мариса обнаружила множество свежих рубцов от ударов плетью. «Ах ты засранка! - крикнула Мариса. - Значит ты вчера не домой пошла, а без меня где-то развлекалась!» Мариса стала лизать рубцы, чтобы быстрее заживали. Она предположила, что Рейму у дома догнали Ююко и Ёму, или ещё какая-то обиженная группа товарищей. «Это всё из-за Сырны», - сказала Рейму. «Тебя выпорола Сырна?!» - изумилась Мариса. «Нет, хотя было бы неплохо. И не развлекалась я нигде», - отвечала Рейму. - Я сама это сделала. По зову сердца». «Сама? Глупая Рейму! - возмутилась Мариса. - Попросила бы меня, я бы тебе помогла». Вне всяких сомнений, Рейму вела себя очень странно. И тут пронизательную Марису осенило: «Да ведь её мучает совесть! Сырны кровавые в глазах!» Надо было что-то срочно предпринять, чтобы исправить ситуацию. Мариса покопалась на заставленной всякими волшебными реагентами полке и достала малюсенький бумажный пакетик, в такой обычно упаковывают порошковые лекарства. «Вижу ты не в форме, да ещё и в профессиональном кризисе. Ну, не волнуйся, твоя лучшая подруга поможет тебе!» - объявила Мариса. «Это что за хрень!?» - нервно отреагировала Рейму. «Это снадобье, которое мне... то есть которое я изготовила из растений моего сада! Оно восполняет моральные и физические силы». Рейму всегда с подозрением относилась к саду Марисы. Он был чуть менее, чем полностью засажен высоким сорняком с многоконечными листьями. На вопрос о том, какие снадобья из него изготовляют, Мариса всегда отвечала по-разному: «от радикулита», «от запора», «чтоб не кашлять», «чтоб всё было пучком» и т.д. Было крайне сомнительно, что из одного растения можно было изготовить столько разных зелий. Но в любом случае, то, что достала Мариса, было мало похоже на продукт собственного изготовления. Мариса достала зеркальце с ручкой и дала Рейму взглянуть на собственное отражение: «Взгляни на кого ты похожа, мымра!» - «Да я уже видела». Мариса положила зеркальце на стол и высыпала на него содержимое пакетика, потом взяла нож и аккуратно сформировала из порошка что-то вроде улитки. Рейму с интересом наблюдала. Мариса взяла соломинку, надломила её и отделила короткую часть. «Вставь эту соломинку в ноздрю, зажми вторую ноздрю и вдохни через соломинку весь этот порошок. Будет жечь, но надо потерпеть. Постарайся засосать всё, потом можешь даже облизать зеркальце».

Рейму нехотя выполнила указание Марисы. Носоглотку будто обожгло. Рейму хотела вытереть нос рукавом, но Мариса предупредила: «Не надо!» Она взяла Рейму за бант и наклонила ей назад голову и прошептала в ухо: «Терпи! Втяни в себя всё, чтобы ничего из носа не сыпалось». «Плохая-плохая негодная Мариса!» - простонала Рейму. «Теперь надо немного подождать!» - сказала Мариса — А теперь я покажу, кого я сегодня нам поймала для разминки. Здоровенная такая хреновина! Я вышла полоть сад и увидела, как она жрала мои посевы». Мариса откинула массивный люк в полу, закрывающий вход в погреб, где Мариса хранила соленья и самогонный аппарат. Она спустилась вниз и через пару минут, кряхтя, вытащила здоровенную хреновину, о которой говорила Рейме. «Жук-мутант?!» - удивилась Рейму. «Таракан-трансвестит», - поправила Мариса. Перед нагибаторами лежал (или лежала) Риггл Найтбак. Оно было связано грубыми жёсткими узлами. Рейму поморщилась - Мариса вязала безыскусно, но крепко, как старый боцман. «По правде говоря, я даже не знаю, что у него ног находится, - почесала затылок Мариса. - Эй, жучара, что у тебя между ног?» Испуганное до смерти Риггло, сегодня утром видело Сырну, которая сидела задом в быстром холодном ручье и исторгала из себя крики боли и обиды, полные непечатных выражений и упоминаний Реймы и Марисы, поэтому уже знало, что на милосердие рассчитывать не приходится. «Отвалите, а то отложу вам в бошки яйца и личинки сожрут ваши мозги» - навострив антенки, пыталось угрожать Риггло. «А они у тебя есть, яйца эти, чтоб ты нам их откладывал?» - насмеялась Мариса. «Короче, Рейму, расчехляем эту хрень, пора навсегда прояснить этот вопрос!» Мариса была настроена решительно, хотя боялась, что они с Реймой могут увидеть там в промежии такой НЁХ, что потом выпадут в асексуальный детоксикоз на пару месяцев. «Рейму, давай лучше ты взгляни первой», - сказала Мариса, глядя на Рейму. К Рейму тем временем возвращался здоровый блеск лица, а глаза наполнялись мутной недобротой, рот расплывался в улыбки. Только на мгновение на месте лица Риггл она увидела Сырну, но иллюзия тут же исчезла, а ночной кошмар выветрился из головы. «Снимай портки», - рыкнула Рейму и стала возить Ригглу по полу. Штанишки Ригглы нельзя было снять, если не развязать ноги, поэтому Рейму решила их просто порвать. «Мне нравится твой настрой, сеструха!» - похвалила Мариса. Раздался крик Рейму и звук рвущейся ткани. Потом всё затихло. «Ну и? Что там?» -

осторожно покосилась Мариса. «Сама посмотри», - сказала Рейсу, раздвигая ноги своей жертве. Мариса посмотрела и рассмеялась: «Ну надо же как все просто!» Между ног у Риггл была обычная розовая девчачья киска, весьма похожая на киску Сырны. Мариса подошла и осторожно погладила её. Её знакомая библиотекарь Пачули любила читать порнокомиксы про существ, у которых из женских половых органов вдруг начинают выползать мужские. Мариса всегда боялась натолкнуться на такой случай в реальной жизни и надеялась, что ничего такого на этот раз не произойдёт.

«Какая мягкая щёлка! - похвалила Мариса Риггл. - Ты уже имела дело со straponом?» Риггл от ужаса стало знобить. Мало ей было этих двух, теперь ещё и какой-то Страпон придёт. «А, ну я так и думала», - констатировала Мариса, снимая панталоны. Рейму ухитрилась раздеваться, сидя прямо на Риггл: «Слушай, Мариш. Я её развяжу. Давай сегодня без верёвок и плети. Надоели!» Рейму понимала, что маленькая Риггл вряд ли будет сопротивляться таким двум здоровым девкам, как она и Мариса. Если что - она познакомится со знаменитым Рейминым двойным нельсоном и ничего, кроме сильного бобо не добьётся. Мариса монтировала strapon, своего старого потрёпанного деревянного боевого друга. Можно сказать даже сына - Мариса сама выточила его когда-то, вложив в него всю душу и все свои жалкие навыки столярного искусства. В Генсокё было много тех, кто гораздо лучше работал с деревом, но не могла же Мариса просто придти к ним и сказать «сделайте мне strapon». Рейму раздела Риггл, положила её на спину, а сама села сверху, зажав голову жертвы своими коленями. Она взяла Риггл за антенки, сделала больно и глаза в глаза объяснила обстановку: «Я буду тебе благодарна, если ты не будешь ныть, визжать, молить, пускать слюни и страдать прочей хернёй. Если хочешь сопротивляться, то сопротивляйся молча. Если ты выполнишь это условие, то мы не будем трогать твою дырку в заднице. Поняла?». Риггл едва заметно кивнула. Что-то напевая себе под нос, приближалась Мариса со straponом. «А вот и я!» Рейму провела ногтём по плоской груди Риггл и сказала Марисе: «Это граница! То, что выше - моё, то, что ниже - твоё». Мариса улыбнулась, присела и стала тереть щёлку Риггл, чтобы разогреть её. Рейму переместилась на лицо Риггл и приказала: «Лижки меня!» Риггл стала потихоньку лизать Рейму, уткнувшись носом в её лобок, но тут ей перебило дыхание - входила Мариса. «Какая хорошая поза!» - думала Рейму, она сожалела о том, что не попробовала её вчера с Сырно, Ююко или кем-то из кроликов. У кроликов и Ююко - шаловливые языки, а Сырно, хоть и ничего не умела... Но сколько же можно было бы получить удовольствия просто глядя ей в глаза... И Сырно бы вряд ли плакала. Но всё испортила Мариса со своими анальными унижениями. Киска Риггл для straponа Марисы была явно маловата, но Мариса любила непопадание в размер. «Когда входит с треском - это даже лучше, чем гладкий вход. Хе-хе!» - усмехалась про себя Мариса и потихоньку начала пыхтеть. Всё в общем-то шло по плану, но тут случилось непредвиденное! Совершенно непредвиденное!

Неожиданно за спиной участников закричала тяжёлая входная дверь и раздался голос: «Мариса, на ужин чечевичная похлёбка была, но мне одной слишком много. Поэто.....» Мариса вскочила с Риггл как ошпаренная. На пороге дома стояла её соседка - Алиса Маргатроид с дымящейся кастрюлей в руках и отвисшей челюстью. Рядом в воздухе висела её кукла Шанхай, с тем же выражением лица, что и у хозяйки. Зрелище, которое увидела Алиса, её мозг быстро переварить не мог. Алиса была одной из немногих в Генсокё, перед кем Мариса не решалась в полной мере показывать свою тёмную сторону, и теперь сердце бешено колотилось в груди Марисы. Она в отчаянии пыталась придумать правдоподобное объяснение - по какой причине на ней из одежды только шапка и strapon, и что они вообще делают с этим жуком. Рейму, тем временем, даже не обратила внимание на появление Алисы и продолжала тихо стонать - чем ближе к финалу, тем более бесстыдной становилась жрица. Мариса подошла к Алисе, взяла у неё из рук кастрюлю и попробовала объяснить: «Я...сегодня...в сад... вышла...а там... вот эта штука жрёт мою ган...мои лекарственные растения. Я её поймала, чтобы узнать, как с ней лучше бороться. А то вдруг целая стая приползёт... Ну... я стала её изучать... Опыты всякие ставить. Тут Рейму зашла помочь, но эта хреновина её за спину покусала и за это мы её немного наказали... Ну, в общем, такие дела... Смерть вредителям короче...» Мариса даже покраснела (очень редкое дело) от потока собственных нелепиц и отвела глаза. Алиса по-прежнему была в шоке и ничего не отвечала. Мариса поняла, что ситуация непоправима и её отношения с Алисой неизбежно изменятся, правда неясно в какую сторону. Она не могла дальше прохлаждаться, и поэтому надо было ставить вопрос ребром. «Знаешь... если хочешь, ты тоже можешь поучаствовать в исследованиях, - Мариса выдавила из себя слова. - Но если нет, то не могла бы нам не мешать. А за похлёбку спасибо. Кастрюлю я тебе завтра утром занесу». Алиса наконец пришла в себя и поняла, что от неё требуют немедленного ответа. «Ты могла бы не думать долго...» - попросила Мариса, услышав, что Рейме осталось уже недолго. Алиса было повернулась в сторону выхода, но вдруг резко остановилась. «А можно мне просто понаблюдать за вашими исследованиями?» - Мариса была несколько удивлена вопросом. Она, в общем-то, была не против, а Рейму и Риггл по этому вопросу в данный момент мнения не имели.

«Ну, располагайся», - пригласила Мариса и вернулась к своим делам. Алиса присела на стол и стала внимательно наблюдать. Как раз в этот момент, Рейму громко вскрикнула и завалилась вперёд. «Давай, Реймусь, сползай, освободи поляну для профессионалов», - попросила Мариса. Рейму из последних сил отползла в сторону, выставив на обозрение совершенно ошалевшее мокрое лицо Риггл, которая уже слабо понимала, куда она вообще попала. «Встань на четвереньки!» - приказала Мариса несчастному насекомому. Поскольку Риггл уже ни черта не соображала, то Мариса сама взяла её за шкварник, кинула на живот, а потом приподняла ей зад и вставила в основную щель strapon. Такая поза и распределение ролей лучше всего отражали внутреннюю суть Марисы. Здесь она больше всего заводилась. Несколько раз она даже Рейму уламывала пойти к ней в пассивные партнёры. Но однажды она её так отдолбала, что пошла кровь. После этого Рейму на веки вечные послала Марису с её «скачками на мустанге». «Главное не до крови!» - пыталась сдержаться в этот раз Мариса. Чтобы привести Риггл в чувство, Мариса периодически хлестала её рукой по попе. «Лишь бы не вырубилась!» - подумала Мариса. Неожиданно

краем глаза она заметила что-то интересное. Алиса с побелевшим лицом, прикусив губу, приподняла подбородок и начала мастурбировать. Её кукла от чувства стыда за хозяйку схватилась ручкой за лицо. «Значит она в обойме! – подумала Мариса. – Самое интересное только начинается». «А! Алиса? Привет!» – поздоровалась Рейму, у которой наконец сфокусировалось зрение. Но на этот раз уже Алиса её не замечала. Всё внимание Алисы было приковано к нехитрым и прямолинейным движениям Марисы, в которых проявлялся особый крестьянский эстетизм. Алиса не выдержала, спрыгнула со стола и стала приближаться к Марисе.

Мариса вздрогнула, почувствовав на плече влажные пальцы Алисы: «Всё-таки она решилась!» Она приостановилась, толкнула потрёпанную Риггл в сторону Реймы и посмотрела Алисе в лицо. Белая как полотно, Алиса, сжав зубы, бурила соседку взглядом, она явно хотела что-то сделать, но воплотить своё желание в слова или действия не могла и ждала помощи. Мариса тоже была в замешательстве – Алиса в её глазах всегда была окружена неким ореолом порядочности, всегда избегала пошлости, которой грешили многие другие обитатели Генсокё. И вот неужели теперь ей предстоит её... Да ещё сразу straponом! Как же всё стремительно... У неё даже с Реймой, у которой отродясь никакой особой порядочности не было, в своё время всё развивалось гораздо медленнее, с длительным цветочно-конфетным периодом, петтингом и поеданием соломок с обоих концов. Наконец, Мариса, вздохнув, показала большим пальцем на strapon и вопросительно посмотрела на Алису. Алиса поняла этот жест по своему, села на колени перед Марисой и прикоснулась губами к straponу. «Ё-моё, что ты делаешь, он же грязный!» – хотела крикнуть Мариса, но не крикнула. Алиса буквально была заморожена straponом – такая простая и гениальная в инженерном плане конструкция, почему она никогда её раньше не видела? Рейму, тем временем, помогла совершенно ослабшей Риггл сесть, показала рукой в сторону Марисы и Алисы и сказала: «Вот! Теперь внимательно смотри, что они будут делать, и учись!» Алиса посмотрела на Марису снизу вверх, выражая готовность подчиниться. «Не хочу видеть её без одежды, и на лицо тоже смотреть не могу!» – думала Мариса. Осмотревшись, она поняла, как надо действовать – взяла Алису за руку и подвела массивному столу в центре комнаты. Это был вечно заставленный рабочий стол Марисы. Хозяйка, даже не разбирая, что там сейчас лежит, широким движением руки скинула предметы на землю, чтобы освободить место. Разбилось несколько колб и стаканов, упали на пол книги, но Мариса не обращала внимание. Она наклонила послушную Алису на стол и задрала ей сзади юбку, подцепила пальцами её трусики и спустила вниз.

«Что я творю!? – подумала Мариса. – Ведь Алиса всегда была для меня как примерная сестра-отличница». Мариса нахмурилась. «Примерная сестра-отличница... Сестра-отличница... Примерная... Сестра...» – тут Марису сорвало, мысли наполнились ядом. «Сестра-отличница... Примерная...» Мариса прикоснулась языком к Алисиной киске и приоткрыла пальцами. «Сестра... Это твой первый strapon, сестра»

Поскольку Рейму и Мариса при 2+2, обычно синхронизировались по времени, а при 2+1 действовали совместно, то у Рейму редко была возможность внимательно понаблюдать за действиями своего напарника. Теперь она устроилась на боку и, опершись щекой на руку, с большим интересом наблюдала за Марисой, периодически удивлённо приподнимая брови: «Блин, что вытворяет, шляпа!» Мариса терзала Алису straponом, одновременно прижавшись к её спине и шепча какой-то сладкий фантазёрский любовный бред. К её удивлению Алиса не издавала ни звука, но это даже нравилось Марисе, она наяривала изо всех сил. «Сестра... Отличница...» Но ещё более удивительно, что Мариса даже не сразу поняла, что Алиса кончила. Алиса просто постучала ладонью по столу, подобно борцу проигравшему схватку. Мариса вынула strapon и озадаченно почесала затылок, а Алиса так и осталась лежать на столе. Рейму кратко и объективно резюмировала последние события: «Чёрт! Ну, ни хрена себе разминка получилась...»

После окончания мероприятий гомосексуального характера, Мариса и Рейму, как это часто бывает с насильниками, неожиданно подобрили. Они помогли Риггл одеться и налили ей тарелку алисиной чечевичной похлёбки. Мариса покопалась на кухне и добавила сэндвич с рыбным паштетом и огурцом. Рейму похлопала Риггл по плечу и похвалила: «Молодец, не ныла!» Какой всё же был контраст с Сырной, которая не могла адекватно воспринять факт собственного изнасилования. Алиса тем временем продолжала лежать на столе и, похоже, плакала. Рейму хотела подойти, но Мариса жестом показала, чтобы та оставила Алису наедине со своими мыслями. Мариса достала свой секретный гримуар и сделала в нём несколько заметок. Это не был тот гримуар, где волшебница описывала магию и карты, о котором знал в Генсокё почти каждый, и который даже, говорят, публиковался в мире людей. Нет, это была совершенно другая книга, которую Мариса не давала читать даже Рейме. В неё Мариса собрала ёмкие сексуальные характеристики обитательниц Генсокё: предпочтения, страхи, различные детали, которые помогали нагнуть жертву, реакция на различные виды сексуальных действий, проявления гетеросексуальных поведенческих атавизмов, статистика актов и т.д. Кроме того здесь Мариса вела планирование и делала зарисовки поз. Вдобавок ко всему, Мариса выставляла оценки звёздочками каждой своей жертве (по 10-бальной системе). Оценки не были постоянными, а периодически менялись, составляя что-то вроде рейтинга. Можно с уверенностью сказать, что персонажи гримуара с интересом бы заглянули туда, хотя бы для того, чтобы узнать свою оценку. Рейму, тем временем, попыталась заглянуть в душу Риггл, обняла её за плечо и спросила: «Скажи – чего ты больше всего боялась?» Риггл подумала и ответила: «Боялась, что ещё кто-то найдёт и это вообще никогда не кончится». «Достойный ответ, – подняла глаза от гримуара Мариса. – Но в общем-то ко мне в лес редко кто заходит, кроме Рейму, место-то недоброе. Вот только Алиса могла зайти, и зашла, как назло». Риггл задумалась: «Я в конце в окне лицо видела и думала ещё кто-то будет». Мариса выронила перо: «Погоди-погоди! Что еще за лицо? Рейму, ты видела что-нибудь?» Рейму покачала головой, во второй половине пьесы всё её внимание сосредоточилось на Алисиной попке, как-то она по окнам не смотрела. Саму Алису вообще не имело

смысла спрашивать, её внимание в тот момент вообще не находилось в этом мире. «Слушай, а ну-ка расскажи, что это за лицо?» - Марису охватило смутное беспокойство. «Ну, оно, оно... - Риггл тоже нервничала. - У него был один глаз». «Один глаз! - обалдела Мариса. - Пират что-ли? Циклоп?» Она судорожно старалась вспомнить - у кого в Генсоке один глаз...

«Ты не врешь случаем?» - угрожающе спросила Мариса у Риггл. «Полегче...» - попросила Рейму. Мариса и Рейму несколько по-разному относились к любителям поглазеть. Мариса была убеждена, что случайный свидетель изнасилования должен присоединиться к жертве. А вот Рейме, наоборот, даже нравилось во время непотребства краем глаза наблюдать чью-нибудь испуганную любопытную рожицу, осторожно выглядывающую из кустов. Это же был своего рода её с Марисой пиар. К тому же волна, на которую закидывал её Марисин порошок, требовала более интересного занятия, чем побегушки по тёмному лесу в поисках незнамо кого. «Ну, подумаешь, подсмотрел кто-то, как ты Алису об стол потёрла! О тебе по Генсоке и гораздо страшнее сплетни ходят!» - настаивала Рейму. Мариса подумала: «Ну, ладно, пока оставим». Однако, её беспокойство не пропало, им с Реймой стоило быть начеку. «Алис... Ты как там, Алис?» - Мариса обернулась и увидела, что Алиса уже сползла вниз и поправляла одежду. Кукла Шанхай, куда-то на время спрятавшаяся, чтобы не наблюдать падение своей хозяйки, вновь откуда-то вынырнула и гневно пялилась на Марису. Мариса, игнорируя куклу, подошла, присела и нежно поцеловала подругу в лоб: «Алис, тебе пора домой. Там тепло, спокойно, и никто тебя не обидит. Давай завтра с тобой обо всём поговорим...» Алиса жалобно потянула Марису за фартук и умоляюще посмотрела в глаза: «Не уходи!» Марису аж покорило. «Не могу. У нас важная деловая встреча, от которой может зависеть судьба Генсоке», - крайне коряво врала Мариса. Взгляд Алисы говорил о том, что она отлично осознаёт, какой характер будет носить эта деловая встреча. «Возьмите меня с собой!» - Алиса встала на колени перед соседкой. Внутри у Марисы всё сжалось, но она прекрасно понимала, что не может удовлетворить просьбу. «Сегодня не могу, давай как-то в другой раз. Ты ведь устала и потеряла много сил. Там будет опасно, и нужно много чего уметь. А ты ведь даже плетть в руки никогда не брала. Я не могу бросать тебя в такую печь без подготовки». «Я всё равно уже всё решила!» - голос Алисы был твёрд. Мариса прикоснулась ладонями к её лицу и объявила: «Наш настоящий образ жизни, с которым ты сейчас познакомилась - это как бег по лезвию, как болото из которого, чем яростнее пытаешься выбраться, тем больше вязнешь. Принять такую жизнь, хорошо не подумав - большая ошибка. Поэтому я хочу дать тебе время на размышление. И вот, если ты всё-таки не передумаешь, то я обещаю обучить тебя... А пока, иди отдыхать!» Мариса поцеловала соседку, на этот раз в губы. Рейму, наблюдавшая за этим диалогом между могучим страпоновым джедаем и его будущим падаваном, не смогла удержать слезинку.

Чен

Рейму и Мариса проводили своих гостей до калитки и попрощались, ущипнув их за зады. Алиса и Риггл удалились, при этом Риггл освещала Алисе дорогу светлячками. Теперь они остались одни и спокойно могли продолжить порочный вечер. Однако, Марисе постоянно казалось, что из темноты за ними кто-то внимательно наблюдает. «Вот бы поймать эту нинзю одноглазую!» «Знаешь, Рейм, - мягким психоаналитическим тоном сказала Мариса. - Я тебе хотела сказать в начале, но не успела. Я хорошо понимаю - почему ты samozапоролась сегодня. Тебе стыдно унижать и мучить слабых. Хотя Сырно гораздо старше нас, её разум как у дитяти. И ты чувствуешь себя, как будто надругалась над ребёнком. Разве не так?» Рейму не понимала, к чему ведёт Мариса, но согласно кивнула: «Ублюдочной педофилкой себя почувствовала! Попользовали ребёнка за мандарин. Правда там, конечно, не только это...» Но Мариса перебила: «Ну, вот! Поэтому, чтобы задобрить твою совесть, я предлагаю повысить ставки, - недобрым голосом предложила Мариса. - Если мы будем трогать только тех, кто представляет для нас опасность, то твоя совесть не сможет к тебе придрататься». Рейму задумалась, они с Марисой - опытные жестокие профессионалы, даже в Особняке Алой Дьяволицы они были способны поставить всех на четвереньки. А ведь обитатели особняка в одиночку могли поставить на четвереньки всё остальное Генсоке. Тех, кто мог представлять значительную опасность, вспомнить было нелегко. На ум приходила только одна демон-они, которая любила заявлять, что она Рейму с Марисой на рогах вертела (и ведь действительно - было такое дело). Еще может один юрист-трудоголик за речкой. Кто ещё? Ну, Юкари, конечно. «А я вот предлагаю, - тихо сказала Мариса, - начать с этого одноглазого, который сейчас следит за нами из темноты. Что-то мне кажется, что это как раз наш уровень». Рейму вопросительно посмотрела на волшебницу. «Стой на месте!» - практически шёпотом приказала Мариса.

Мариса подняла глаза и сосредоточилась: «Оно не в воздухе, иначе я бы чувствовала. Наверно на земле или на дереве». Она взлетела на метле и медленно заскользила над верхушками деревьев, внимательно прислушиваясь к любому шороху. Рейму, тем временем, шла пешком, чтобы не дать таинственному наблюдателю уйти по земле. Они методично обыскивали подозрительный участок леса. Никому бы не удалось незамеченным спрыгнуть на землю или взлететь в небеса. Неожиданно, что-то с огромной скоростью рвануло из-под ног Рейму, окатив жрицу волной земли и листьев. «Хватай, Мариса!» - крикнула Рейму напарнице. «Кого? Где?» - не поняла волшебница, но в этот момент увидела чью-то тень, перескакивающую с одного дерева на другое. «А НУ СТОЯТЬ!!!» - заорала Мариса, заложила вираж и спикировала противника. Незвестный с огромным проворством рванул по дереву вверх и почти уклонился от Марисы, но та, пролетая, мимо успела за что-то ухватить. Двое, сцепившись друг с другом, рухнули на землю. Раздался совершенно дикий визг. Враг сопротивлялся яростно, хоть был явно меньше Марисы. Итог схватки решило прибытие подкрепления в виде продравшейся на шум сквозь заросли репейника Реймы. Вместе им удалось с трудом склонить чашу весов в свою пользу: теперь Мариса и Рейму крест-накрест лежали друг на друге, прижимая незнакомца своим весом к земле. Снизу раздавалось разъярённое шипение, наружу торчало два распрямлённых как труба распушённых кошачьих

хвоста, отчаянно метавшихся по земле.

«Кто вы такие? Что вам надо? Убирайтесь! Вы хоть знаете, кто мои хозяйки?» - в ярости кричала Чен. «Хм, это же котэ из юкарино зоопарка, - констатировала Рейму. - Мариш, ты осознаёшь - какие могут быть последствия?» «Ты уже, похоже, забыла - о чём мы с тобой только что говорили, - напомнила Мариса. - Мы ведь теперь не трогаем тех, кто не может себя защитить, и тех, за кого некому заступиться. В конце концов, какого чёрта Юкари держит такого сладенького котёнка только для себя и ни с кем не делится?» Однако сомнения Рейму не были рассеяны. «Кроме того она подглядывала за нами. А за любопытство надо платить. Слышь, кошара блохастая, это ты у своей старшей хозяйки научилась за добропорядочными людьми подглядывать?» «ОТВАЛИТЕ! - взвизгом ответила Чен. - Я ничего не подглядывала. Я спала здесь на дереве, услышала шум и тут вы набросились как собаки!» «Мариш, может это и не она была, глаза-то у неё два», - заметила Рейму. Вообще, Чен говорила чистую правду, в лес она пришла, чтобы немного порыться по помойкам на окраине леса, и у домиков Марисы, Алисы и Ринноске и найти себе чего-нибудь вкусенького. В окно к Марисе она не заглядывала, и вообще к тому времени, наевшись куриных объедков, заснула, свернувшись калачиком в развилке веток большого дерева. Её разбудил крик Рейму, и она почти тут же была атакована Марисой. Но в мысли Марисы уже стала проникать привычная сладкая недоброта: «А это, в общем-то, уже и не важно». Мариса выпустила несколько волшебных искр, чтобы осветить поляну для предстоящей экзекуции, вечер был тёплый, подходящий для отдыха на природе, не было никакой нужды тащить Чен в дом. Рейму и Мариса увидели лицо Чен, она шипела, почти рычала, показывала нападавшим свои маленькие клыки, изо всех сил старалась выглядеть больше и сильнее, чем это было на самом деле: «Это я выковыряю вам глаза и съем!» «Заглохни!» - Мариса в приливе садизма схватила один из хвостов Чен со всей дури укусила его своими острыми зубами. Вопль Чен всколыхнул весь лес. Алиса и Риггл, которые в обнимку шли в сторону дома Алисы, испуганно оглянулись. Ринноске, который в это время подметал пол в Кориндо, резко бросил веник, открыл люк в подвал и поспешил там укрыться.

Кошка - маленькое милое существо, довольно слабое. Но только до тех пор, пока не довести её до состояния, когда ей становится нечего терять. Тогда в ней просыпается первобытная дикая сила. Когда-то в этом, на своём опыте, убедились Ран и Юкари. Однажды Ран решила в кои-то веки хорошенько выстирать Чен в корыте. Но так как Чен испытывала смертельный страх перед водой, то дралась так, как будто Ран топила её. На жуткие крики выбежала Юкари. Но даже вдвоём они не смогли удержать Чен. В конце концов, Чен разодрала Юкари платье, прыгнула ей на чепчик, потом на стену дома, забралась на крышу и была такова. Теперь перед Рейму и Марисой стояла не менее сложная задача. Рейму подумала: «Неужели это та самая милая смешная кошководочка, которая постоянно каталась тут и там на детском велосипеде?!» Рейму наклонилась и прошептала на ухо Чен: «Не волнуйся, тётя Мариса хочет тебе только добра». Чен посмотрела на неё переполненными болью и слезами глазами и прокричала: «ДА ПОШЛИ ВЫ ЛЕЕСОООМ!» «Рейму, верёвки! Вяжи эту скотину!» - выходила из себя Мариса. Чен ещё раз попыталась выбраться из-под нагигаторов, тех аж подбрасывало, казалось, что Чен вот-вот вырвется и улетит. «Какие верёвки!? Здесь цепи и кандалы нужны, как у Суйки!» - думала Рейму. Складывалась такая ситуация, что им придётся, или отпустить Чен, или отдубасить её до потери сознания. Но сексуальное насилие над потерявшим сознание, в системе ценностей этих извращенков, представлялось совершенным прывалом. Ведь они в основном хотели сломить не тело, а душу жертвы, и именно от этого получали самое сильное, самое тёмное удовольствие. Именно поэтому они всегда следили, чтобы насилуемые не теряли сознания почти до самого конца, и крепко били тех, кто притворялся вырубившимся. Рейму с трудом удерживала двойной нельсон. Мариса неожиданно начала ощупывать зад Чен, как будто что-то искала. «А вот!» - сказала Мариса и извлекла из-под резинки трусиков Чен маленькую коробочку, исписанную арабскими цифрами. «Их переговорное устройство», - Мариса показала предмет Рейме. «Положи на место!» - прошипела Чен. «Я предлагаю тебе сделку, - сказала Мариса. - Ты не сладенький котёнок, ты чёрт знает что! Но, по правде говоря, ты нам не очень нужна...»

Мариса пыталась повернуть неблагоприятные обстоятельства в свою пользу. В конце концов, даже если сломить маленькую мерзкую кошку, все это будет убогой рутинной, которой и так были переполнены вечера Марисы и Рейму. Хотя Рейму в общем-то это устраивало, но Мариса всё больше распалялась с каждым днём и хотела сорвать джекпот. С помощью этого знаменитого прибора можно было выманить оставшихся Якумо по одному. Чен через этот прибор вызовет Ран и скажет, что попала в лесу в капкан, или еще что-то в этом роде. Лиса наверняка бросится в лес. Через некоторое время главный приз осознает, что больше никто не откликается на её просьбу принести коньяку и начнёт искать своих подчинённых, но сможет найти только жрицу и волшебницу с длинными деревянными инструментами. Мариса стала убеждать: «Чен, если ты позвонишь своей младшей хозяйке и вызовешь её сюда, то я даю тебе честное слово Марисы, что мы не будем трогать тебя под хвостиками». «Если ты не веришь ей, то тогда я поклянусь своей честью святой девы Хакурейского храма!» - добавила аргументов Рейму. Чен перестала дёргаться и, немного подумав, ответила: «Хорошо, я позвоню!». «Только, пожалуйста, без фокусов, не буди в Марисе тентаклей!» - Рейму продолжала играть хорошего полицейского. Мариса протянула Чен мобильник: «Придумай, что-нибудь, чтобы она сюда пришла. Только одна!» Но Чен совершенно не хотела, чтобы добрая Ран, которая была ей как мама - гладила её по голове, чистила ей уши, прощала шалости и не заставляла работать, попала на Марисину метлу. Лучше бы она здесь вообще не появлялась, даже на помощь не приходила бы. Освободившись от нельсона Рейму и получив мобильный телефон, она, плюнув на свою судьбу, из всех сил швырнула его в дерево. Клавиатура и аккумулятор отлетели от корпуса. Потом с невероятной кошачьей скоростью она ударила Марису когтистой рукой по лицу, прежде чем опять была скручена Реймой. На щеке Марисы осталось несколько длинных параллельных кровавых полос, она стала похожа на Брюса Ли. Её глаза налились крошечной тьмой, такой её даже Рейму редко видела. Похоже, тентакли проснулись! Со времён легендарного верчения на рогах у

Суйки Марисе не доводилось проливать свою кровь (не считая всяких царапок и ссадин) во время работы. «Ой, что сейчас будет!» - очко Рейму непроизвольно сжалось. Мариса, как будто пришла в себя, и спокойным голосом спросила Чен: «Ты знакома с понятием АНАЛЬНЫЙ ФИСТИНГ?» У Рейму от ужаса даже бант дыбом встал: «Ты в своём уме! У тебя же кулачище в два раза больше, чем киска у этой киски! Какой ещё анальный?!»

Мариса игнорировала слова Рейму, задрала платице на приподнятом тощем задике Чен и стала драть её трусики. Чен, похоже, вложила в удар последние силы, теперь она стремительно приближалась к обрыву безумия и тихо гавкала из-под рук Рейму: «Гав-гав-гав! Гав-гав-гав!» По лицу Реймы струился пот: «Ты ведь понимаешь, что то, что ты сейчас сделаешь - это не секс, это вообще к сексу никакого отношения не имеет. Ты просто её покалечишь!» Мариса посмотрела на Рейму, как на идиотку: «Как мы её покалечим?! Она же не человек. Из всей той нечисти, которую мы раком за все эти годы поставили, мы хоть кого-то физически смогли покалечить? Все здоровые как коровы! А вот после того как кое-кто в нас рога засунул, у меня до сих пор иногда по ночам пах побаливает. Какого чёрта с ними церемониться?!». «Подумай о последствиях, - продолжала Рейму. - Если люди во внешнем мире узнают, что мы ЭТО сделали, то Юкари специально ослабит барьер и армии озбоченных мстительных ублюдков придут в Генсоке, чтобы сделать нам больно!» «Ты несёшь уже какой-то бред!» - констатировала Мариса. «Ну, ладно, зачем кулаком, давай метлой как Сырне!» - отчаялась Рейму. «Сырна себя вела хорошо!» Рейму догадывалась, что хоть дело и ограничилось лёгким вращением метлы, но всё равно ближайшие дни Сырна проведёт сидя в ледяном горном ручье, засовывая себе в попку листки подорожника и кусочки мыльца. Что же тогда будет с Чен? «Марис, сделай ей хотя бы живительную клизму из своих препаратов! Или обезболивающее дай!» «Рейму, ты, вообще, на чьей стороне?» - уже было понятно, что Марису не остановить. «Так, теперь про штрафные санкции, - Мариса обратилась к Чен. - Если ты посмеешь обкакать меня, то я обрею налысо оба твоих хвоста». Вдруг, Рейму поняла, что Мариса в последнее время незаметно подчинила её себе. Несмотря ни на что, Рейму не могла послушаться приказа Марисы и отпустить Чен. Мир вокруг Рейму потемнел, неожиданно она заметила у себя за спиной девушку в сине-белом одеянии жрицы. Эта девушка грозно смотрела на Рейму её собственным лицом и отчаянно шептала: «Останови её! Останови её!» Рейму отчаянно вращала глазами. «Что же мне делать? Что делать?» - стучался в голове единственный вопрос. Тем временем, Чен вывернула голову и попыталась посмотреть, что делается в тылу, единственное, что она увидела - это огромная зловещая остроконечная шляпа, закрывшая всё поле зрения. А в следующий момент в неё как будто врзался бульдозер...

Ая и Сырно

Утром, как обычно, самопровозглашённый лучший репортёр Генсоке Ая Шамеймару внимательно осматривала местность с высоты птичьего полёта в поисках хоть какой-нибудь интересной новости. В последнее время в Генсоке ничего интересного не происходило, одна свальная гомосядина, которая у Аи, совершенно нормального в сексуальном плане тенгу, уже в печёнках сидела. «Хоть бы война какая-нибудь началась», - вздохнул репортёр. Она поддувала себе под юбку приятный прохладный бриз, чтобы не заснуть в полёте. Но тут её взгляд уловил кое-что интересное на лесной просеке, в лесу рядом с Туманным озером. Ая сосредоточила своё острое зрение. По просеке ехал на мотороллере синий мужик. Гнал на полной скорости, совершенно не боясь навернуться на кочках, словно куда-то отчаянно спешил. «На МОТОРОЛЛЕРЕ?! СИНИЙ?! МУЖИК?!!!!!!» - от неожиданности Ая чуть не свалилась в штопор. Когда она сосредоточила зрение, мужик уже куда-то запропастился. Сколько бы Ая не искала, больше мужика обнаружить не удавалось. Она снизилась, совершила посадку и стала обыскивать местность. В начале ничего подозрительного не было, но тут она заметила, что вода в ручье, текущем по лесу была испорчена. Это было не то, что мог заметить человек, но Ая, как ёкай, сразу почувствовала - совершенно негодная вода. Она решила проверить вверх по течению. Через сотню-другую метров она обнаружила сидящую в ручье хнычущую Сырну, плохая вода вытекала прямо из-под неё. «Привет, Сырно! Что-то случилось?» - спросила Ая. Опять этот репортёр! Сырно была перепугана и замахала руками: «Ничего не случилось! У меня совсем ничего не случилось!» «А чего ты в ручье тогда сидишь?» - спросила Сырно. Сырна уже хорошо знала Аю и жутко испугалась, что завтра по всему Генсоке жители за завтраком развернут газету с огромным отвратительным заголовком, вроде «Сильнейшую отымили метлой». Потеряв над собой контроль, Сырно закрыла лицо руками и стала умолять: «Пожалуйста, не пиши ничего! Пожалуйста!» Ая уже примерно поняла, что к чему. «Хорошо, - милосердно согласилась Ая. - Только покажи мне, что там у тебя».

Сырно внутри перехватило, неужели ещё один насильник! Тем не менее, дрожа всеми крылышками, она вылезла из ручья, встала перед Аей на четвереньки и, выставив задик, наклонилась. Ая взглянула: «Ой-вэй!» Даже не стоило спрашивать, кто это натворил. Это был риторический вопрос. «Болит?» - с сочувствием поинтересовалась Ая. Сырно кивнула: «Я мыльце кладу, не помогает». Ая что-то поискала рукой на креплении веера и извлекла маленькую баночку. «Стрептоцидовая мазь тенгу, - объяснила Ая. - Так как работа у меня опасная, всегда ношу с собой. Думаю, это поможет». Положив немного мази на палец, Ая осторожно и нежно обработала израненный задний проход Сырны. «Жжётся!» - пискнула Сырна. «Сейчас пройдёт», - пообещала Ая и, немного не сдержавшись, прикоснулась языком к анальному отверстию феи. Сырно вскрикнула и приготовилась изо всех сил убежать, хоть это было явно бесполезно. Ая поняла, что это было лишнее, выставила ладони: «Прости-прости, я просто хотела проверить, насколько хорошо впиталась мазь». Если не дезинфицировать Сырну, то в неё может попасть грибок. Сырна от этого не умрёт, конечно, но её существование будет весьма мучительным. А так как феи отвечают за состояние природы, то всё живое вокруг будет разрушаться: деревья гнить, рыба в озере умирать. Поэтому в Генсоке никто бы никогда не додумался бы доводить Сырну до такого состояния.

Никто... Кроме двух всем известных отморожков. «У них что - сезонное обострение?» - подумала Ая. «Сырн! Хочешь я про Рейму разоблачающую статью напишу. Такой общественный резонанс будет, что ей даже на чай подавать перестанут». Сырно хорошо знала, что Рейму на общественный резонанс с крыши храма плевала и поэтому ответила: «Не надо...» Ая задумалась - чем она ещё может помочь. Может создать фонд помощи на поправку здоровья Сырны... «Кстати, может странный вопрос, Сырн, - вдруг вспомнила Ая. - Ты тут случайно не видела синего мужика на мотороллере?» Реакция Сырны была в высшей мере странной. Сырна вскочила, её лицо залилось слезами. Но это были уже совсем другие слёзы, лицо феи светилось: «Си-си-синий му-му-мужик!? Где ты его видела?» «Там, где-то на просеке», - примерно рукой показала Ая. Сырна, поправила мокрое платье и попыталась враскоряку бежать в указанном направлении. «ПАПААА! ПАПААА ВЕРНУЛСЯ!» Ая стояла в изумлении: «Вот так да!» На это надо было взглянуть хотя бы одним глазом.

Ая, поняв, что так Сырно далеко не убежит, сказала: «Давай я тебе помогу», взяла Сырну под мышку и взлетела. Пролетев вдоль просеки, она заметила под деревьями грозного ледяного ниндзя Саб-Зиро, копавшегося под сидением мотороллера. «Чёртов ишак!» - ниндзя зло пнул агрегат. Ая приземлилась рядом с ним и поставила Сырну на землю. Сырно прыгнула на руки отцу: «БАААТЯЯ! Я так ждала! Хнык! Хнык!» Суровые глаза ниндзи расплылись в доброте: «Сосулька! Моя любимая снежинка! Слава старшим богам, что с тобой всё в порядке» Он взял дочку под мышки и несколько раз развернулся на месте, покрутив Сырну как на карусели. Потом он поставил дочь на землю, посмотрел ей в глаза и спросил: «Ледышка, расскажи папе, что у тебя случилось». Как раз вчера вечером Саб-Зиро стоял третий раунд против Скорпиона, когда отцовское сердце почувствовало что-то неладное. Между отцом и дочерью существовала такая сильная духовная связь, что когда с одним происходило что-то нехорошее, то второй обязательно это чувствовал. Вот и в этот раз Саб-Зиро почувствовал, что с дочкой происходит что-то очень плохое. Что-то действительно ужасное, таких плохих предчувствий у Саб-Зиро ещё никогда не было. «Извини, Скорп! Дальше как-нибудь без меня. Мне срочно надо увидеть дочь!» «Да без проблем, Саб!» - сказал Скорпион. Саб-Зиро уже очень давно не навещал дочь в Генсоке. Не потому что он был плохим отцом и не любил дочь. Просто он считал, что, чтобы воспитать хорошего воина, надо с раннего детства давать ему почувствовать вкус самостоятельной жизни. А невидимая связь, позволявшая им чувствовать души друг друга, делала личное общение не столь необходимым. В Mortal Kombat все знали, как сильно Саб-Зиро привязан к своей дочери и понимали, что он не будет просто так убегать с арены под предлогом помощи. Взяв только пару самых необходимых вещей, Саб-Зиро одолжил у Лорда Райдена мотороллер, взял запасную канистру и дал полный газ. Он ехал всю ночь, не смыкая глаз, останавливаясь только на заправку. На границе он был встречен сонной Ран, которая проверила его документы и специальную генсокийскую визу, выписанную лично Юкари. Генсоке было отрезано от внешнего мира, барьер препятствовал любому проникновению. Но существовало небольшое исключение - это ближайшие родственники обитателей Генсоке, которые иногда могли делать визиты. «Вы дочку навещать?» - формально осведомилась Ран. Саб-Зиро кивнул. Ран поставила печать и на несколько секунд приоткрыла барьер, дав ниндзя въехать.

Сырно поняла, что никогда не сможет объяснить отцу словами то, что с ней произошло. Всё её лицо стало мокрым, бант понурился, она могла только тихо икать и втягивать в нос сопельки. Наконец, поняв, что произнести ничего не получится, она посмотрела на отца покрасневшими глазами и показала пальцем на свой зад, а потом рукой в сторону Хакурейского храма. Потом опять на свой зад, и опять в сторону храма. Так она и повторяла эти два действия. Отец ничего детально не понял, но зато прочёл по глазам чувства дочери. Лицо его наполнялось яростью. «Ну, ни хрена ж себе батя! - подумала Ая, глядя на ледяные пары, выходящие из-под маски ниндзи. - И что это я его раньше не встречала?!» Саб-Зиро покосился на Аю: «А это кто?» Ая нервно сглотнула слюну: «Я? Я - друг!» «Правда?» - уточнил Саб-Зиро у Сырны. Сырна собралась и выдавила из себя: «Да-а. Ая - друг. Она дала мне мазь». Ая от души порадовалась - насколько же дальновидным было её милосердие. «Я ... эээ... Очень рада была с Вами познакомиться. Хотелось бы, чтобы у всех девочек в Генсоке были такие замечательные папы. Но не хочется вам мешать», - стала откланиваться Ая. Взлетев, она сделала пару кругов, сфотографировав отца и дочь, а затем рванула подальше от этого места. Ей больше не надо было забивать свою голову тем, как помочь Сырне. Теперь у той появился действительно надёжный защитник, у которого пускай голова и болит. И дел тут больше у Аи никаких не было...

Ая в Особняке

Впрочем, в этот день скучать репортёру не пришлось, новости стали буквально сыпаться с разных сторон, Ая едва успевала их записывать и анализировать. В планах у неё сейчас было посещение Особняка Алой Дьяволицы. Как ни странно, но если в Генсоке и происходило что-то интересное, кроме свальной гомосетины, то это обычно в той или иной мере было связано с этим сонным болотом. Однако по пути её внимание привлекла одна странная лесная поляна. Она чуть менее чем полностью была покрыта всевозможными цветами. Синие, красные, жёлтые, белые... Над всем этим великолепием носились едва различимые в дневном свете бестелесные создания. А за ними с граблями в руках носилась Юка Кадзами с криком: «Пошли вон с моей делянки!» «Призраки? В Генсоке днём? - удивилась Ая. Юка заметила Аю, повернулась в её сторону и зло сказала: «Ты знаешь, чем занимаются эти м...ки в Хакугёкуро? Спорю, что чем угодно, но только не работают!» В общем-то, она была права, у Ююко и Ёму сегодня был выходной, точнее сказать отходной. Ая сделала несколько фотографий и продолжила путь.

Поскольку Ая уже всем обитателям Особняка порядком насточёртила, то с недавних пор было принято решение брать с неё входную плату, чтобы хоть как-то ограничить её посещения. Хозяйка особняка,

маленькая Ремилия Скарлет, хитрыми красными глазами внимательно с ног до головы оглядела длинную фигуру Аи, облизывая губки. «Моя вкусная птичка. Откуда сегодня пить будем?». Ая смущённо поправила юбку и несколько раз повернулась, показывая все свои места, откуда можно было попить. Хозяйка немного задумалась. «А если я из бёдрышка хочу?!» - капризно спросила Реми. Ая, вздохнула, но, не перечая, приподняла юбку, показав Ремилии своё красивое бедро. В глазах вампира загорелся огонёк. Она приблизилась к Ае и, флиртуя, провела ей ноготками по ягодице. Потом её рука сместилась немного в центр. «Не надо!» - предупредила Ая. Ремилия прищурила глаза и улыбнулась, показав свои клыки и дав Ае понять, что это хозяйка тут решает - что надо, а что нет. Ремилия медленно провела языком по внутренней стороне правого бедра Аи, выискивая подкожную вену. Когда она укусила, у Аи расплылось в глазах, она с трудом удержала равновесие. Наслаждаясь кровью тенгу, Ремилия запустила Ае руку под блузку и щекотала ноготками живот. Аю вскоре стало знобить, в голове нарастал шум, осталась одна единственная мысль: «Я отдам всё за Свободу Слова!» Наконец, Ая не выдержала и со стоном упала на колени. Это означало, что её входной билет оплачен. Ранки на бедре быстро затягивались. Пользуясь беспомощностью журналиста, Ремилия поцеловала Аю в губы. «Неужели вот такая на вкус моя кровь?» - подумала Ая. «Тенгу - замечательные, - подвела итог Ремилия. - Запретное наслаждение! Для нас, кровь человека - это вода, а кровь тенгу - это вино». Она могла бы прочитать целую лекцию насчёт того, что кровь небожителей как шампанское, кровь шинигами как виски, пить они - это как пить неразбавленный спирт, а фей вообще можно жбахать банками как дешёвое пиво. Но она решила не задерживать Аю: «Знаешь, тебя очень ждала Пачи! Так что иди в библиотеку. Что-то она там опять очень важное наколдунствовала». Бледная как полотно Ая, заплетаясь в собственных ногах, побрела в библиотеку. К счастью, для ёкая потеря крови не была так опасна, как для человека.

К тому же, зрелище, которое открылось Ае в библиотеке, мгновенно заставило её забыть про входной билет. На полу зала была выложена огромная пентаграмма из книг... Нет, не из книг, а вроде из журналов. На каждом журнале стояла свеча. Пачули, похожая на сатану, висела в воздухе над пентаграммой и впитывала в себя голубые молнии, непрерывно вылетающие из свечей. Заметив Аю, Пачули спустилась: «А я как раз собиралась сделать заявление для прессы. Не люблю публичности, но так как мои исследования могут повлиять на судьбы всего Генсокё, мне хотелось бы, чтобы все остальные знали». Ая не спеша достала блокнот: «И что же ты на этот раз исследуешь?» Пачули подняла палец и стала объяснять: «Общеизвестно, что Генсокё издревле страдает от дефицита различной продукции из-за эмбарго, которое установила Юкари. Если мы что-то сами не можем произвести, то остаётся надеяться только на её жалкие подарки, контрабанду с Луны или Ада, и всякий хлам, который иногда случайно сюда попадает». Ая спросила: «Ты хочешь открыть какое-то производство?» Пачули кивнула и продолжила: «Что-то вроде... Из многих продуктов, которых нам не хватает, есть один, дефицит которого действует на Генсокё особенно негативно, я бы даже сказала разлагающе, особенно в моральном плане. Я долго изучала проблему теоретически и, наконец, разработала практическое решение. Правда, оно ещё на экспериментальной стадии». «Честно говоря, - заметила Ая, - в твоих словах нет никакой конкретики. Что за продукт? Что за эксперименты?» «Пожалуй, лучше продемонстрировать наглядно. Эй, Коа!» Порядком затравленный маленький демон выглянул с книжной полки, а затем послушно спустился к своей хозяйке. «Ты используешь её для экспериментов?» - неодобрительно нахмурилась Ая. «Если эти эксперименты завершатся успехом, то она сможет гордиться, что подняла Генсокё на следующий уровень прогресса», - как ни в чём не бывало, отметила Пачули. Она сосредоточилась и направила на Коакуму ладонь, в следующий момент вокруг ладони собрался белый ступок энергии, а потом вспыхнуло так, что Ая на мгновение ослепла. Через несколько секунд зрение к Ае вернулось. Ещё через несколько секунд глаза на белом лице Аи выпучились, готовые выпасть из орбит, челюсть отвисла, блокнот и письменный прибор упали на пол. Перед Пачули висела всё та же Коакума, но с одним маленьким изменением. Хотя каким там маленьким... Между ног у демона находился не очень подходящий ей по размеру здоровый с лёгкой горбинкой мужской половой орган, в самом что ни на есть боевом состоянии...

Пачули расплылась в зловещей улыбке: «Я думаю - нагляднее некуда, так ведь?» «Да уж...» - придя в себя, пролепетала Ая. Тут она резко прикусила губу, как будто неожиданно о чём-то догадалась. Присев у границы пентаграммы, она прочитала два больших иероглифа на одной из обложек: «Фу-та-на-ри!» Вот значит, каков базовый материал для Пачулиных исследований! Пачули, тем временем, подошла к несчастной Коакуме и спросила: «Как в этот раз? Боли больше нет?» Коакума покачала головой. Тогда Пачули рукой помассировала пенис демона, и даже взяла его в рот. «Теперь расскажи, как ты себя сейчас чувствуешь?» - тоном учёного сказала Пачули и взяла тетрадь для записей. «Хозяйка, в этот раз не болит, в этот раз очень хорошо. Но кружится голова» - простонала маленькая Коа. Пачи записала, а потом заметила, что одно из немногих окон библиотеки, которые всегда были плотно закрыты, чуть-чуть приоткрыто, оттуда падает тонкая полоса света и торчит нос Мэйлин. Волшебница щёлкнула пальцами - окно снова захлопнулось, больно хлопнув стражника по любопытному органу. Подошла Ая. Пачули мнительно спросила: «Если ты думаешь, что я мошенничаю, что это всё фокусы или что-то ещё такое, то можешь проверить всё сама. Только не дави сильно, Коа может потерять сознание». «Благодарю, но не стоит, - вежливо отказалась Ая. - Я вполне доверяю твоему магическому искусству». Постепенно сильная интуиция Аи стала вскрывать ход мыслей Пачули. В начале её привлек непропорционально большой размер полового органа Коакумы и то, что Пачули не воспринимает это как ошибку. Потом бросилось в глаза ещё одно обстоятельство... «А что он - что-то он долго стои... то есть находится в эрегированном состоянии. Так и должно быть?» «Ну а как ещё?» - недоумённо спросила Пачули. Ая начала догадываться, что все знания, которые Пачули почерпнула о мужских половых органах, находятся в вот этих самых хентайных комиксах на полу (ну, может ещё в каких-то сексуальных игрушках Марисы), и из-за этого Пачулины представления сильно искажены. В реальной жизни Пачули пениса никогда не видела, что собственно и неудивительно.

По дороге к выходу Ая встретила Сакую, которая направлялась в библиотеку. Горничная холодно кивнула Ае и прошла мимо. Ая посмотрела ей вслед, и у неё возникло такое чувство, что Сакуя идёт по тупиковому расстрельному коридору. Сможет ли она ещё раз встретить Сакую-сан такую, какая она сейчас? Или она уже будет не такой? «Дефицит, значит... А что мы имеем в сухом остатке? – подумала Ая. – Совершенно протухшая и заплесневевшая волшебница, сидя круглые сутки в своём закутке, окончательно рехнулась от порно комиксов и теперь собирается превратить генсокийских девочек даже не в мальчиков, а вообще в чёрт знает что. Вот мне, например, член на х...й не нужен!» Ая вдруг осознала, что здесь очень быгодились помощь Рейму и Марисы – они как раз специализировались на таких проблемах. Если бы эти двое были тут, то они бы мигом выбили бы скопившуюся пыль из Пачулиной головы. И не только из головы...

Ая решила, что ей надо заскочить домой, но пролетая над бамбуковым лесом, заметила ещё кое-что интересное. Армия кроликов под предводительством Эйрин подошла к глубокой яме-ловушке и вытаскивала оттуда голеньких, плотно прикрученных друг к другу верёвками Рейзен и Теви с заклеенными ртами. Эйрин, расставив руки в стороны, командовала на краю ямы: «Майна... Майна... Теперь вира!» Наконец несчастных кроликов вытащили и развязали. Освободившись, Рейзен размяла руки и дала Теви оглушительный подзатыльник с криком: «НУ, ЧЁ!?? НОРМАЛЬНО ПОКУРИЛИ???» «Какие же всё-таки они шустрые, эти Рейму и Мариса», - подумала Ая, совершенно не сомневаясь – чьих это рук дело.

Ая и Момидзи

Подлетая к границе владений тенгу, Ая увидела свою подругу Момидзи Инубашири, которая помахала ей рукой. Это была её старая подруга, с которой они часто тёрлись носами, делили всякие вкусности и прочее. Ая приземлилась, Момидзи подошла и поцеловала её, заметив: «Что-то ты какая-то бледная!» «У меня тут кое-какие новости, которые ты должна срочно передать в деревню, - сообщила Ая серьёзным тоном, не оправдываясь. – Во-первых, по всем признакам в этом году гон у Реймы и Марисы начался сильнее раньше обычного срока. Это значит, что они могут напасть в любом месте и в любое время. В том числе и на нас. Поэтому скажи в деревне, чтобы по одному не ходили. Выставьте патрули и, если наткнётесь на них, то зовите на помощь и наваливайтесь всей толпой. И ты тут тоже одна не сиди. Вот, кстати, посмотри, что они натворили...» Ая протянула Момидзи фотографию Сырниной попки, которую она украдкой успела сделать сегодня утром в беззвучном режиме камеры. Момидзи посмотрела, на её лице появилось беспокойство: «Да уж... Серьёзные ребята!» «Есть ещё одно, - продолжила Ая. – Если вдруг прилетит кто-то из Особняка Алой Дьяволицы и будет предлагать работу, раздавать флаеры на вечеринку или приглашать записаться к ним в библиотеку, то немедленно шлите их к лешему, даже не разговаривайте. И вообще, держитесь оттуда подальше!» Момидзи занервничала: «А ты сама-то куда собралась?» «Интуиция мне подсказывает, что сегодня вечером в Хакурейском храме или в Волшебном Лесу будет происходить что-то интересное и мой долг, как журналиста, подробно об этом рассказать». У Момидзи настроение сильно упало. Убить Аю, конечно, не убьют, но некоторые ёкаи после встречи с Марисой и Рейму отлёживаются по полгода, а то и по году. А уж последствия для психики вообще становятся необратимыми. Момидзи прижалась к Ае: «Не лети туда! Я не хочу, чтобы ты туда летела! Не становись на пути этих танков! Закончи сегодня пораньше и возвращайся со мной». Ая попыталась успокоить: «Я не собираюсь драться, я займу нейтральную позицию наблюдателя». Это было ещё хуже, Момидзи знала, что когда Ая появляется над полем боя, противоборствующие стороны частенько заключают перемирие и начинают гнаться за Аей. Момидзи соскользнула по телу Аи и заскулила. «Ты что-нибудь хочешь?» - спросила Ая. Рука Момидзи робко проскользнула ей под юбку. «Не надо сейчас...» - сказала было Ая, но тут Момидзи посмотрела на неё очень-очень грустным молящим собачьим взглядом. «Чёрт, не смотри так...» - воля Аи резко пошатнулась. «Ладно!» - Ая признала капитуляцию и почесала Момидзи за ухом, в конце концов, она действительно могла выйти из игры на полгода. Момидзи расстелила на земле шерстяное полотенце, которым иногда укрывалась от непогоды, и многозначительно посмотрела на Аю...

Ая кивнула, Момидзи подошла. Лица сблизилась, они нежно потёрлись носами. Щёки Момидзи покраснели, как и полагается в такой ситуации девушке, провожающей воина на битву. Затем она стала аккуратно раздевать Аю, начав с блузки. Она осторожно снимала с подруги один предмет одежды за другим, аккуратно складывая их на земле, сняла даже токин с головы и тенгу-гета с ног. Последними были трусики. Наконец, Ая осталась совсем без одежды, её эфемерные чёрные крылья, которые не каждый мог увидеть, теперь расправились во всей своей красоте. В лучах солнца её фигура выглядела впечатляюще. «Какая она стройная и высокая, и как ей идёт эта бледность», - подумала Момидзи. Ая, как книгу читала глаза Момидзи, улыбнулась и легла спиной на полотенце. Момидзи, не раздеваясь, встала над желанным вороном и посмотрела ему прямо в лицо. Потом наклонилась, они опять потёрлись носами, в этот раз чуть более страстно. Потом Момидзи медленно стала спускаться губами вдоль тела Аи, но, почему-то, не выпуская языка. Ая, подготавливаясь, немного раздвинула ноги. Наконец, Момидзи зарылась в пушистый Аин лобок. Ая резко выдохнула и на мгновение отвернула голову в сторону. Теперь Момидзи немного высунула язык и провела им от клитора до ануса. «Только теперь больше в глаза смотреть не нужно, я этого не люблю!» - мысленно умоляла Ая. Она протянула руку и слегка прижала голову Момидзи, не давая той поднять лицо. А через несколько секунд шершавый язык Момидзи стал убивать всякие связные мысли в голове Аи. И ей уже было глубоко наплевать на рыскающих в поисках жертвы насильниц, шкафоподобного ниндзя с дочкой, сумасшедшую волшебницу с членами и всех остальных. Это всё как будто находилось где-то в другом мире, а в этом мире остались только она и Момидзи. И пусть этот её с Момидзи мир был чертовски маленьким, но зато до безумия приятным и

и прикоснулась к краю юбки. «Это Костюм Госпожи. У нас многие женщины что-то подобное носят», - объяснил папа. Ая, любопытно высовывающаяся из-за ледяных, судорожно пыталась успеть сфотографировать это великолепие для истории. Ворон у неё на плече неодобрительно качал головой. «Рейму действительно соткана из противоречий, - подумала Ая. - Может у неё даже раздвоение личности...» «Разгрови тут всё!» - приказал Саб-Зиро дочери и пошёл искать, что ещё можно аннигилировать. Ая посмотрела на Сырну, а потом последовала за её отцом. Сырно замешкалась, и ещё раз впилась взглядом в костюм. Её маленький кулачок сжался, в глазах появилась решительность. «Когда-нибудь...» - подумала она. - «Когда-нибудь Сырна тоже наденет Костюм Госпожи!» Убедившись, что папа и Ая не видят, она взяла самый красивый ошейничек и спрятала себе под платье. Потом сделала несколько шагов назад и, подняв руку, прошла греховный тайник Реймы градом сосуллек...

У Марисы

Ая хотела было подсказать в каком направлении следует поискать Рейму, но потом подумала, что промёрзший дрим-тим как-нибудь обойдётся без убого читерства. В конце концов, она только наблюдатель. Теперь всё-таки к Марисе... Ая пустила вперёд разведчика, ворон облетел лес и сообщил хозяйке, что Мариса дома, а не в засаде. Ая отпустила подручного домой. Тихо спланировав неподалёку от дома Марисы, она быстро и профессионально замаскировалась под муравейник, выставив наружу только объектив. Ближе она подходить боялась. Хозяйка долго не появлялась, потом вышла развесить панталоны на бельевой верёвке. Через некоторое время Мариса опять вышла и направилась в сад с тлячкой на плече. Растения в Марисинем саду в этом году вымахали аж выше человеческого роста, поэтому Ая ничего не могла разглядеть. Однако вскоре оттуда раздались вопли, и появилась Мариса волочащая Риггл за антенку по земле. «На ловца и зверь бежит!» - подумала Ая. Мариса опять некоторое время отсутствовала. Затем вышла уже без Риггл, присела на лавочку напротив дома и сняла шляпу. Из шляпы она вытащила какой-то маленький предмет. Ая врубила увеличение. Вроде пакетик с каким-то снадобьем... Мариса стала производить какую-то тонкую операцию, высыпая снадобье на листок бумаги и сворачивая из этого листа что-то вроде трубочки. Получилось что-то вроде сигареты. Изготовив несколько таких трубочек, Мариса сунула одну из них в рот и закурила искрой из пальца. Ая гадала, каков будет результат сего колдунства: «Может, вырастут рога, или крылья, или...» Ая поморщилась - в памяти всплыла Пачули. Но ничего такого не происходило. Через некоторое время Мариса взяла ещё одну трубочку, потом ещё одну и сидела, как ни в чём не бывало, коптя словно печка-буржуйка. «Что за засада? - недоумевала Ая. - И это топовый генсокийский насильник???» Мариса повернулась и стала внимательно смотреть на стену собственного дома, в одну точку. Сколько бы Ая не возилась с объективом, рассмотреть что-то примечательное на стене она не смогла. Вскоре она заметила, что Мариса что-то стала бормотать себе под нос и хихикать, как будто разговаривала с кем-то. «Хоспаде, зловеще-то как...» - подумала Ая.

Мариса, расслабившись, сидела на облаке, перед ней на стене собственного дома раскачивалась на качелях знакомая тень. Шла неторопливая беседа, иногда прерываемая приступами Марисиного хихиканья. «Надо признать, что сенокос в этом году удался. Поздравляю», - наконец, похвалила наставница. Мариса довольно хихикнула: «Спасибо, учитель! А Вы сами не хотите попробовать?» «Не могу! Пока я слишком слаба в этом мире. Может как-нибудь в будущем... Но, в любом случае, я благодарна, что ты это делаешь. Так мы можем слышать и видеть друг друга гораздо лучше». «Да мне это самой в радость», - ответила Мариса. «Этот укроп проясняет твой разум, фокусирует твоё внутреннее зрение и приближает тебя к званию ведьмы. Было бы неплохо, если бы ты ещё каждый вечер выпивала по бокалу вина, это старое проверенное средство». «Не люблю вино, могу первач гнать». «Первач тоже можно, - одобрила Фигура на Качелях. - Хотя помни, что основные ресурсы находятся внутри тебя. Многие таланты стали Ведьмами без всяких вспомогательных средств, хотя с самого начала выглядели так, как будто в голове у них один просветляющий укропный дым. Впрочем, это бывает редко». Лицо Марисы стало добрым, и она захихикала от остроумной шутки учителя. Та, в свою очередь, дала Марисе последние наставления: «Не задерживайся тут со мной, вечером ведь придёт твоя подруга, а ты должна быть в хорошей форме. Мне кажется, что ей сегодня понадобится твоя поддержка. Пока она не придёт, не трогай ни себя, ни того жука - лучше подумай о душе и природе разврата. И будь осторожна, вокруг твоей конуры в последнее время шляется много всякой дряни». Фигура перестала раскачиваться. И тут Мариса как будто внезапно очнулась и стала трясти головой, пытаясь выбить остатки дурмана. Затем сложила остатки зелья обратно в шляпу и вернулась домой. Галлюцинация быстро выветривалась у неё из головы, но данные установки, похоже, остались. Ая, тем временем, чесала репу у себя в муравейнике: «Во, дела! И как это понимать?» Прямо над ней кто-то громко произнёс: «Любопытная прошмандовка! Не способна меня почувствовать, даже, если я стою прямо на ней. Как же меня тошнит от слюнявого радостного энтузиазма на твоём лице! Вот эти самые слюняшки и приведут тебя к падению». Но Ая, конечно, этих слов не услышала.

Постепенно приближался вечер, ничего больше особенно интересного не наблюдалось, кроме двух хвостов, торчащих из мусорника у дома Марисы. Айин фальшивый муравейник был настолько искусен, что привлёк внимание муравьёв. Вскоре какое-то бродячее муравьиное племя пришло в него, как евреи в Израиль. Муравьи начали разбирать завалы и наткнулись на зад какого-то большого существа, который вообще непонятно, что тут делал. Посоветовавшись, они решили, что сосуществование невозможно и зад надо прогнать. Они построили плотный боевой порядок и начали терзать зад своими жвалами. Зад пульсировал и сопротивлялся, периодически откуда-то с неба падала десница демона и убивала по несколько муравьиных солдат за раз. Муравьи, не выдержав потерь, отступили. Полководцы посоветовались и решили неожиданным манёвром напасть на зад с тыла. Штурмовая группа начала атаку по сигналу и

прорвалась в самую святую святых противника, в самый нежный Рейхстаг, и были готовы разнести его к чёртовой матери, как только поступит приказ. Раздался голос Аи: «Ну, хорошо, муравьишки, я сдаюсь! Давайте так: я оставляю вам эту кучу, а вы отводите с меня войска, разрешаю забрать раненых и трупы». Так Аю прогнали в соседние кусты. «Что-то сегодня сплошняком одни фэйлы», - тревожно подумала Ая.

Когда стемнело, приползла качающаяся Рейму, которую, папа с дочкой всё-таки так и не перехватили. Аю подмывало одним глазком заглянуть в окошко дома. Напряжение нарастало, но Ая пока не решалась. Но тут, ко всему прочему, по дороге к дому с кастрюлей в руках прошла Алиса с куклой. Ая посмотрела в блокнот: Алиса не участвовала в ключевых оргиях последнего времени, и даже не подавала заявку на участие. Поэтому её появление было довольно странным. Ая прикинула - есть ли у неё компромат на Алису, но что-то не могла ничего особенного припомнить. «Надо бы всё-таки посмотреть», - после долгих раздумий решила Ая. Она немного опасалась, что внутри могут заниматься каким-нибудь мирным делом, например, банально ужинают. Наконец она поползла в сторону дома, к окну, из которого падал свет, и осторожно заглянула внутрь. Самым необычным внутри, конечно, можно было бы признать лежащую на столе Алису. Но Аю больше всего поразили движения Марисы, они были похожи на движения надёжного механизма, в них чувствовалась какая-то механическая гармония, она как будто забивала сваи в Алису. Ая сделала несколько снимков и обнаружила, что руки у неё дрожат, как у жалкого любителя. Она обычно не испытывала особых эмоций, она ведь столько всяких оргий уже переснимала и, постепенно, научилась профессионально закрывать свои чувства и порывы. Последнее время у неё не было даже намёка на возбуждение, даже выработалась неприязнь к свальному распутству. Когда ты не участник, то можно было установить перед собой непреодолимый с обеих сторон барьер. За последнее время только однажды была осечка.

Это было год назад... Тогда Ая через приоткрытое окно тайком снимала очередную ночную вечеринку в холле особняка Ремилии. И тут обнаружила, что Момидзи, тоже участвует. Момидзи тоже заметила Аю и наблюдала за ней. Наконец, освободившись от очередной партнёрши, Момидзи встала и посмотрела прямо на Аю тем самым невероятным по силе молящим щенячьим взглядом. Это явно было приглашение. У Аи затряслись руки, камера чуть не выпала, и она поняла, что надо немедленно уходить, лететь из особняка на максимально возможной скорости. А на следующий день она ужасно повздорила с Момидзи: надавала ей оплеух, надрала уши и пообещала больше никогда не тереться носами. Но вечером Момидзи пришла к окнам дома Аи и начала жалобно выть. Ая демонстративно закрыла ставни. Но вой продолжался даже к ночи. Ая заткнула уши ватой и легла спать. Посреди ночи она вдруг проснулась и вытащила ватные пробки. Вой не было, зато был слышен шелест сильного дождя. Ая открыла ставни и увидела, что под окнами стоит мокрая до нитки Момидзи, выть она уже не могла, потеряла голос. Ая ужаснулась собственному бессердечию, выбежала на улицу и затащила Момидзи внутрь, стала вытирать её полотенцем и мириться. Потом Момидзи дала ей клятву никогда больше не ходить на вечеринки к Ремилии и другие подобные мероприятия, и ссора постепенно забылась. Но вот сейчас, наблюдая за равномерными, как маятник, движениями Марисиних ягодич, Ая почему-то испытывала такую же дрожь в руках, как в тот злополучный раз.

Ая тихо соскользнула под окно и провела рукой под юбкой. «Трусики совсем мокрые, - заметила она. - Как непрофессионально!» Ая не могла понять причины, похоже, Мариса была слишком развратна для неё. Даже с Момидзи так не было. «А может... - задумалась Ая. - Да, нет! Такого точно быть не может!» Ая случайно задела пальцами свой клитор и поняла, что надо немедленно уходить, иначе через несколько секунд она просто вышибет это чертово окно и ворвётся внутрь. Она отчаянно поползла обратно в кусты, оставляя за собой дорожку из капель. Ая быстро сняла белые в синюю полоску трусики и осмотрела: «Ого, как тряпочка половая!» Постепенно возбуждение прошло. Она боялась, что на запах могут прийти обитающие в лесу ночные звери или ёкаи с хорошим обонянием. Поэтому она тщательно вытерла промежность широким чистым кленовым листом и спрятала трусики глубоко под моховую подстилку. «Ладно! Сегодня у нас вариант спортивный - без помех для движения», - успокоила себя Ая и продолжила наблюдать. Вскоре из дома вышли четыре фигуры. Риггл и Алиса, освещаемые светлячками, направились прочь. И тут Ае показалось, что оставшиеся у дома Рейму и Мариса внимательно осматривают окружающий лес. «Неужели унюхали?..» Ая прижалась к земле. Мариса взлетела, и путь наверх у Аи, похоже, оказался отрезан. Рейму, покачивая мышцами, пешком направились в сторону Аи и стала проверять кусты. Подробности было не рассмотреть, но выглядела она значительно круче и недружелюбнее, чем днём. «Да у неё точно с головой что-то не в порядке!», - подумала Ая, внутри у неё всё сжалось. Вдруг силуэт Рейму выпал из поля зрения. Ая пришла в замешательство, а через несколько секунд суровая нога жрицы раздавила веточку в двух шагах от головы Аи: «Ёкарныбабай!» - мелькнуло в голове у Аи, и она рванула с места. Раздался крик Реймы: «Хватай, Мариса!» Хотя это, пожалуй, было бесполезно, будучи самой быстрой в Генсоке, Ая очень редко против своей воли подвергалась сексуальному насилию.

Резко набрав высоту, Ая оглянулась и с удивлением обнаружила, что её никто не преследует. «Куда они делись?» День действительно был какой-то странный. Ни секса, ни погони нормальной. Лес был тёмный. Ая проверила верхнюю полусферу, но тоже ничего не обнаружила. «Ничего не понимаю... В дерево впилились что ли?» Ая была в недоумении - домой что ли лететь? У неё, в общем-то, уже был материал на пяток скандальных статей. Тут внизу что-то вспыхнуло, раздался дикий вопль. «То ли ребёнок, то ли животное», - подумала Ая. Снизившись, она увидела, как Мариса и Рейму мучают на поляне двуххвостого котёнка. Котёнок шипел, кусался, царапался, но не мог пересилить здоровых зоофилок. Поскольку не было особых сомнений в том, что Рейму и Мариса сейчас будут делать, у Аи от жалости защемило в груди. «Тут ведь случайность просто. Ведь я должна была быть на её месте!» Ая вдруг вспомнила, что видела два хвоста над мусорником у дома Марисы. В какой же нелепый кошмар попала Чен! «...АНАЛЬНЫЙ

ФИСТИНГ» - ветер донёс до Аи крик Марисы. «Что? Да это вообще уже за гранью добра и зла!» - ужаснулась Ая. Ей подумалось, что может быть всё-таки стоит вмешаться. А ведь она обещала Момидзи, что не будет лезть в драку и займёт нейтральную позицию. Однако, как можно занимать нейтральную позицию, когда две психопатки насилуют котёнка? Рейму и Мариса тем временем начали что-то вроде перебранки. И тут Ая вспомнила, как пару недель назад встретила Чен неподалёку от деревни людей. Маленькая некомата ехала по дороге из деревни на велосипеде. Увидев Аю, она протянула ей большую человеческую бедренную кость с кусочками мяса и спросила: «Будешь?» Ая решила не отказываться, взяла кость и поблагодарила. Чен бибикнула и поехала дальше. В душе Аи что-то всколыхнулась, она решила нарушить нейтралитет.

«Разожми ж..пу!!!» - прошипела Мариса Чен, когда с одного удара оборону прорвать не удалось. Мариса приподняла Чен в воздух, так, что ноги котёнка дрыгались в воздухе. Теперь Мариса схватилась за половинки тощего задика и яростно пыталась разжать их руками. Тут неожиданно сильный порыв ветра сбил её с головы шляпу. «Что за чёрт!?» - удивилась Мариса. За её спиной раздался спокойный угрожающий голос: «Убери руки от задницы и подними их вверх, так чтобы я их видела. Рейму, отпусти неку и тоже подними руки». «Кто это там такой дерзкий?» - спросила Мариса Рейму. Но Рейму в этот момент покинул разум. Глаза жрицы были почти квадратные, зрачки сошлись на переносицу, она отпустила Чен, схватилась руками за голову и стала бормотать что-то несуразное. «Повторяю! Убери руки от задницы и подними их!», - повторил голос. «Well, well, well, - медленно проговорила Мариса, выполняя приказ. - Никак Шамеймару-сан? Хотите интервью?» «Нет, я хочу забрать Чен!» - объявила Ая. «А что, если я не отдам её?» - поинтересовалась Мариса. «Тогда я буду судить тебя по законам гор! Ты потом даже присест не сможешь!» Ая гипнотизирующим тоном обратилась к потерявшейся Рейму: «Рейму, у тебя климакс и шизофрения! Ты устала и потеряла себя! Пожалуйста, иди домой! Там тихо, уютно и спокойно, там никто тебя не побеспокоит. Оставь меня и Марису вдвоём, нам надо поговорить один на один». Рейму с трудом выхватывала обрывки слов, вокруг неё танцевали её внутренние демоны, которые мешали ей что-либо понимать: «Климакс и шизофрения? Да, наверно... Тогда я, пожалуй, пойду». С этим словами Рейму встала, повернулась и направилась прочь с поляны. «Рейму!!! ЭТО ИЗМЕНА!!!» - закричала Мариса.

«Видишь? Даже для твоего напарника это слишком, - сказала Ая. - Посмотри на этого котёнка, на её ушки и хвостики. Никому, ни в Генсоке, ни за его пределами, не пришло бы в голову совать в неё кулак». «Не читай мне мораль! - грубо ответила Мариса. - Как я понимаю, за себя ты совсем не боишься. А ты не опасаясь, что с твоим любимым щенком может случиться что-то нехорошее?» «Знаешь, я начинаю сожалеть, что не показала сегодня Сырниному папе дорогу к твоему дому», - мрачно сказала Ая. «Сырнин папа? Ты серьёзно? - заржала Мариса. - Санта-Клаус что ли?» «Хотела бы я посмотреть, как ты будешь смеяться, когда его встретишь. Тебе ведь говорили не тыкать шваброй куда попало... Эээ...». Ая ослабила внимание, и это было большой ошибкой. Мариса левой рукой стремительно схватила Чен за один из хвостов и, подняв в воздух, прикрылась как заложником. В правой ладони появился белый огонёк. «Так, если не хочешь, чтобы я её зажарила, брось веер мне под ноги. Быстро!» - приказала Мариса. «Чёрт! Да что со мной!?» - с досадой подумала Ая, но, похоже, оставалось только подчиниться. Мариса вытянула верещащую от боли Чен на прямой руке, показывая свою силу: «Значит так - если ты хочешь забрать у Марисы добычу, то должна предложить кого-то взамен». Ая сложила руки на груди: «Я не имею права предлагать тебе кого-то, кроме себя». Мариса окинула Аю взглядом: «Тебя?» «Посмотри на своё расцарапанное лицо, - сказала Ая. - Вот это единственное удовольствие, которое ты можешь получить от этого котёнка. Я умею гораздо больше. И подчиняться я тоже умею». «Подчиняться - это хорошо! - облизнулась Мариса. - Но учти - я хочу анальный фистинг». На мгновение лицо Аи помрачнело. Тем не менее, она ответила: «Хорошо, будет тебе фистинг, только отпусти её». Мариса обдумала решение и, наконец, опустила Чен на землю: «Принимая во внимание то, что ты подглядывала, и ещё твои поганые статейки, склоняюсь к тому, чтобы принять предложение». Затем Мариса посмотрела на Чен: «Так! Ноги в руки и быстро дуй отсюда, пока я не передумала». Чен со слезами посмотрела на Аю. Пытаясь чем-то благодарить своего спасителя, она вытащила из рукава припрятанное куриное крылышко и предложила его тенгу. «Ооох! - Ая брезгливо приняла подарок. - Спасибо!». Чен взглядом пыталась показать Ае, что обязательно приведёт помощь, но та прекрасно понимала, что Ран и Юкари никогда в жизни не поднимут своих жирных задниц, чтобы спасти всех доставшего журналиста. «Со мной всё будет в порядке. Иди! Не зли её!» - попросила Ая Чен и некомата быстро скрылась в темноте.

Ая и Мариса

Мариса подобрала веер Аи и свою шляпу. «Тогда пойдём ко мне! - объявила волшебница. - Там у меня всё необходимое». Сегодня Марисе удивительно шла карта - целая толпа девочек, ищущих страпоновых приключений, так и ломилась прямо к ней в жилище. Она пустила Аю вперёд и, постоянно подталкивая, отконвоировала в сторону дома. Когда они зашли, Мариса сразу же вытащила из угла широкую жестяную бадью и наполнила водой из бака. «Подмойся хорошо!» - повелела она Ае, а сама полезла в подвал с соленьями. Ая послушно разделась и стала тщательно мыть своё хозяйство. Через некоторое время Мариса вылезла из подвала в Костюме Госпожи, прижимая одной рукой к груди множество всяких аксессуаров. В отличие от Реймы, основной частью её костюма было чёрное платье из стрейчевой кожи. Сверху платье обрывалась глубоким декольте, внизу оно спускалось ниже колен, хотя сбоку был разрез до бедра. На ногах были чёрные туфельки с недобро острыми каблуками, а на руках элегантные перчатки почти по локоть. Панталоны сменились на чёрные трусики. Только остроконечная шляпа по-прежнему оставалась на своём месте. Ая с удивлением отметила, что подобное платье Марисе весьма подходит, несмотря на её простецкую крестьянскую внешность. «Одень это», - Мариса протянула Ае короткий

полупрозрачный белый пеньюар. Та вздохнула и нехотя нацепила на себя тряпочку, с трудом затянув её под своими крыльями. «Теперь ошейник», - сказала Мариса, выбрала из кучи приборов шипастый ошейник из чёрной кожи и прикрепила его Ае на шею. «Не туго?» - спросила Мариса. Ая отрицательно покачала головой. К ошейнику Мариса прикрепила блестящую цепочку, не очень длинную, и намотала конец себе на ладонь. «Встань на четвереньки!» - повелела Мариса. Ая не спеша выполнила приказ, и хотела было спросить у Марисы, что дальше, но тут та неожиданно наступила ей ногой промеж лопаток. Верхняя часть тела Аи была прижата к земле. Мариса наклонилась и больно дёрнула её за недлинные чёрные волосы. Тенгу вскрикнула от боли. «Объясню ситуацию, - голос Марисы стал очень злым. - С этого момента я - твоя Госпожа, а ты - моя жалкая рабыня. Все мои команды ты должна выполнять быстро! Задавать вопросы права у тебя нет! Отвечать должна коротко и ясно! И всегда добавляй «Хозяйка» или «Мариса-сама». Ты поняла?» «Да, Хозяйка!» - прохрипела Ая. Её белый пеньюар и чёрные крылья возбуждали у Марисы фантазию: «Ты похожа на падшего ангела, которого выгнали с небес за дрянное поведение и отправили в Ад на перевоспитание». «Да, я очень дрянной ангел, Хозяйка! - признала Ая. - Меня надо наказать». Волшебница щелкнула пальцами, и над головой у Аи появился нимб, сотканный из мягкого света. Госпожа Мариса поняла, что не хватает последнего штриха. Она направилась к шкафу в прихожей, Ая, увлекаемая поводком, потрусилась за ней на четвереньках, словно собачонка. Мариса открыла шкаф, сняла свою шляпу и положила внутрь. Взамен, она вытащила из шкафа серую военную фуражку с двумя кокардами: кокарда на тулье была в виде раскинувшего крылья орла, а нижняя кокарда была в виде черепа перед двумя скрещёнными костями. Мариса нацепила фуражку, надвинула козырёк на глаза и жестоко улыбнулась: «Ну, вот! Теперь мы можем начинать, развратная тварь!»

«Для начала, прояви уважение к своей Хозяйке, полижи мои туфельки», - Мариса сунула под нос падшему ангелу свою ступню. Ая послушно стала лизать туфельку, но Мариса одёрнула её: «Не здесь, снизу!» Она приподняла туфельку, опираясь на каблук, и Ае пришлось лизать подошву. «Это был аперитив, а сейчас будет основное блюдо», - пообещала Мариса. Она взяла со стола стопку газет, сняла одну сверху и показала Ае. Та мгновенно узнала свою родную «Бунбунмару». На первой странице была большая фотография довольной и улыбающейся до ушей Суйки и огромный жирный заголовок: «НА РОГАХ». Снизу более маленькими буквами было подписано: «Дева храма и волшебница: история позора». На лице Аи мелькнул страх. Мариса одной рукой не спеша стала мять газету, превращая её в большой комок. «Как же давно я хотела это сделать», - с воодушевлением произнесла Мариса и, взяв одной рукой Аю за шею, другой стала захватывать газету Ае в рот. Справедливости ради надо отметить, что в Генсокё подобные фантазии в отношении Аи были не только у Марисы, но ей первой удалось их реализовать. «Жуй-жуй!» - подбадривала Госпожа. Бумага жевалась очень плохо, хотя Ая старалась, значительная часть газеты просто вывалилась у неё изо рта. Наконец-то она сформировала критическую влажную массу и сглотнула, чуть не подавившись. «Ну, как?» - поинтересовалась Мариса. Ая с трудом дышала, но, всё же, смогла ответить: «Я благодарна Марисе-сама за то, что она даёт мне еду. Мариса-сама даст мне добавки?» Мариса удивлённо подняла брови, но повторила процедуру и засунула Ае в рот вторую газету. Однако как Ая ни старалась, прожевать не смогла. Она обессилено опустила голову с торчащим изо рта куском бумаги. «Да ты объелась, скотина! - пришла в гнев Мариса. - Почему ты всегда берёшь больше, чем можешь проглотить?» Она дала Ае подзатыльник, так что вся бумага вылетела изо рта наружу. «Простите меня, Мариса-сама», - извинилась Ая, переводя дух. «Надеюсь, что твой чёрный ход окажется выносливее, чем парадный», - сказала Мариса и, взяв в руку прямой хлыстик, погладила рабыню по розовенькой щёлочке и анальному отверстию. Затем Хозяйка сжала кулак, тот зловеще хрустнул. «Даже не надейся на смазки или клизмы. Этого не было в нашем уговоре». «Я не хочу облегчений, Мариса-сама», - сказала Ая и приготовилась, сжав зубы и зажмурив глаза.

Первоначальное возбуждение Марисы стало сменяться какой-то злостью. Она ожидала хоть каких-то страданий, но её кулак довольно свободно был принят Аиным анальным отверстием, а сама Ая при этом не издала ни звука. Несмотря на кажущуюся неразработанность, анус тенгу оказался очень эластичным. «Да ты же шлюха, так ведь?!» - вскрикнула Мариса. «Если Хозяйка так говорит, значит Ая действительно шлюха», - выдавила из себя рабыня. «Что?!» - разгневалась Мариса. - А если не говорю, то значит и не шлюха что ли?!» Она ударила Аю свободной рукой по заду. Это было, как если бы человеку набили бы под завязку рот халвой, а потом вдруг ударили бы снизу по челюсти. Хотя Ая испытывала и продолжала испытывать множество неприятных ощущений, дух её был по-прежнему твёрд. Внешне она подыгрывала Марисе, но в душе она злорадно улыбалась, наблюдая, как её мучительница пыхтит там сзади вхолостую: «Хотя кулачище, надо признать, здоровый, тебе меня не сломать! Даже у тебя фантазии не хватит! Я ведь не всегда была самой быстрой, и моя попа и не такие хреновины на своём веку повидала». Мариса попробовала другой вход, но с тем же результатом. Ая, однако, решила немного постонать для приличия, чтобы совсем уж не приводить Госпожу в ярость. Но опытная Мариса почувствовала фальшь, бросив всё, встала и свалила Аю на землю пинком в бок: «Не кривляйся, дрянь!» Мариса решила взять перерыв, разделась и приготовила strapon. Это орудие предоставляло гораздо больше пространства для манёвра - она могла зайти в Аю под любым углом, с любого входа. «Познакомься с моим другом, Ая, - улыбнувшись, сказала Мариса. - Он очень общительный и знает многих девочек в Генсокё, но вот тебя он почему-то раньше не видел...» «Я рада с Вами познакомиться!» - Ая наклонила голову. - Будьте ко мне благосклонны!»

Теперь Мариса, то ставила рабыню на четвереньки, то укладывала её на спину, то на бок, то сажала на себя. Постепенно Ая вспотела уже по-серьёзному. Наконец, совсем распалившись, Мариса встала на колени, взяла Аю за бёдра, закинула её ноги себе на плечи и поставила на голову. «Ой-вэй!» - мелькнуло у Аи, она никогда не думала, что ей когда-нибудь придётся использовать голову таким образом и отчаянно пыталась упереться руками, чтобы не свернуть шею. Получилась какая-то неудобоваримая каракатица, и

Мариса опять со злостью скинула ангела на землю. Фантазия волшебницы, похоже, начала давать сбои, фуражка сбилась на бок. Ая снова как ни в чем не бывало приподнялась, встала на колени и, сверкая нимбом и оперев в Госпожу покорный взгляд, спокойно произнесла: «Распоряжайтесь, Хозяйка». Мариса чувствовала в её голосе почти неприкрытую насмешку. «Ладно, если ты такая устойчивая к боли и унижению, - размышляла волшебница, - то я просто разобьюсь в лепёшку, но натру тебе несколько славных потёртостей, так, чтобы ты завтра пописать не смогла бы». Мариса чуть не захихикала, представив себе как Ая и Сырно, насупившись, рука об руку сидят в ручье, и как Ая, кусая губы, пытается спрятать свой взгляд от Момидзи. «Ладно! - наконец, решила волшебница. - Завязываем с акробатикой! Займи позицию сонной библиотечарши!»

Ая задумалась, каким образом выполнить приказ. Её мозг судорожно собирал всё, что знает о сонных библиотечаршах: «Может лбом в стол? Или, склонив на бок голову, развалиться на стуле? Или растянуться на боку, опереться на локоть и устало посмотреть на посетителя? Или распластаться звездой на полу, а лицо закрыть книгой?» Мариса, посмотрев на Аин ступор, повалила рабыню на спину и по максимуму растяжки раздвинула её ноги. «Теперь положи свою руку себе на кыску и погладь себя». Ая нервно выполнила команду. «А теперь кричи - «Мариша, я хочу спать!» - Мариса произнесла фразу занудным как у Пачули голосом. Ая прокашлялась и попыталась повторить как можно более похоже: «Мариш... ээ...Мариса-сама, я хочу спать». «Иду, золотце!» - нежно ответила Мариса и в следующий момент прыгнула на Аю сверху, совершенно припечатав к земле. Теперь Мариса больше ничего не изобретала - просто механически двигалась, словно какая-то злобная машина. Равномерно, не нарушая ритма, не показывая ни малейшей усталости - как и следует тёмному генсокийскому гроссмейстеру. Она даже не отвлекалась на то, чтобы унизить горе-репортёршу, даже не смотрела ей в лицо. Это оказалось на Аю такое впечатление, что весь её боевой дух стал медленно расползаться по швам. В начале, Ая осознала, что не может даже примерно сказать - какой сейчас час. Следом мелькнуло сомнение, что это жестокое Марисино развлечение когда-нибудь кончится, так как Хозяйка казалась совершенно неутомимой. Потом она почувствовала боль, но не такую, которая была в первой части культурного мероприятия, а ноющую, мозольную (похоже, Марисе удалось пробиться через защиту смазки). Из-за этого Ая вскоре стала испытывать обиду на весь мир за то, что никто не пришёл к ней на помощь: «Почему этот херов ниндзя до сих пор не пришёл сюда? Неужели Сырнина тупость - это наследственное? И почему Момидзи меня не ищет? И где эта старая мокрощель? Ей настолько наплевать на то, что делается с её зоопарком?» Началась тихая паника, а Мариса знай себе продолжала долбить страпоном её промежность, не внося не малейших изменений. Мысли Аи стали путанными и очень грустными. Наконец, она не выдержала и из закрытых глаз по её щекам скатились слёзы, что было равнозначно признанию поражения. Когда она открыла глаза, то увидела, что Мариса, не переставая долбить, смотрит на неё злобще триумфальным взглядом, который невозможно выдержать. Последней связной мыслью, которая мелькнула в голове у Аи, было: «Ну, и чёрт с ним! Хнык! Зато я спасла котёнка...»

Якумо

Шикигами Ран подметала веранду, когда из темноты выскочила запыхавшаяся Чен и прыгнула ей на руки, крича что-то несвязное. Ран могла только разобрать отдельные слова: «Попа... Кулак...Ая... Спасать». Она посадила котёнка на стул и попросила рассказать толково. Чен, активно размахивая руками, попыталась описать происшествие. Ран только и успевала, что переспрашивать: «Две здоровые шмары? За хвост? Под хвост? И нас тоже хотели????» Постепенно картина стала проясняться. Ран погладила Чен по голове, чтобы успокоить, и стала думать, как реагировать на такое нападение. Но тут из столовой раздался голос Юкари, которая, видимо, тоже слышала рассказ Чен: «Даже не думайте куда-то ходить! Чен, подойди ко мне, пожалуйста!» Чен пошла в столовую к старшей хозяйке - та, как ни странно, не спала, а сидела за чайным столиком и из пипетки закапывала коньяк в чашку чёрного чая. Юкари позвала на соседний дзабутон и сказала: «Присядь, Чен!» Чен присела рядом с хозяйкой и с волнением приготавилась слушать. «Чен, ты проявила неосторожность и дала себя поймать двум хулиганам. И теперь ты хочешь, чтобы твоя любимая тётя Ран пошла искать этих хулиганов? И, наверно, хочешь, чтобы и я пошла?» Чен осторожно кивнула. «А кто тебе дал право из-за своих проблем рисковать жизнями - моей и тётя Ран? - строго спросила Юкари. - Что, если эти хулиганы и мне с тётей Ран сделают анальный фистинг, а потом мы от этого расстроимся, заболеем и умрём? Кто тогда будет поддерживать барьер Генсокё? Может быть ты?» Чен отвела глаза от строгого взгляда Юкари и сказала: «Я не ради себя, я ради Аи. Она ведь меня спасла!» Юкари по-матерински обняла Чен за плечи и произнесла: «Чен, ты ведь уже совсем не маленькая. Ты уже должна была понять, что Генсокё - это суровая земля, где одна девочка насилует другую девочку, а потом они вместе пьют чай. Это - суть Генсокё! На этом Генсокё стоял, стоит и будет стоять! Это только глупые людишки во внешнем мире думают, что мы тут от цветных шариков разбегаемся». Чен не очень понимала, к чему клонит её старшая хозяйка. Юкари продолжала: «Я ведь учила тебя, что хороший ёкай должен уметь сам отвечать за собственные ошибки. Почему же ты хочешь, чтобы мы с тётей Ран пили чай, который заварили специально для тебя?» Чен покраснела. «И я на твоём месте не благодарил бы Аю». Чен удивлённо подняла глаза. Юкари объяснила: «Твоё бегство от тех, кто так умело поймал тебя, захватив врасплох - проявление трусости и нежелания отвечать. И эта развратная тенгу, которая забрала себе урок, который должны были преподать тебе - не спаситель, а досадная помеха, отделившая тебя от знаний». Чен была сбита с толку хитромудрыми речами своей хозяйки. Её глаза наполнились слезами: «Неправда! Ая не развратная!»

«Ещё какая развратная, она даже самая ещё не осознаёт насколько...» - ответила Юкари и с хлопком отпила из кружки. Чен на некоторое время замолчала. Но неожиданно резко вышла из ступора, как будто пришла к решительному заключению. Она встала из-за стола и пристально посмотрела на старшую

хозяйку. Потом непослушно затопала ногами, замахала хвостиками и выбежала из столовой. Через некоторое время Юкари позвала: «Ран! Ра-а-ан!» Вошла лиса. «Слушай, Ран, - обратилась Юкари. - Почему наша кися в последнее время такая непослушная? По-моему, это потому, что ты её совершенно разбаловала! Ты должна была воспитывать её так, как когда-то я тебя воспитывала. И может из неё бы тогда получилась свирепая тигрица, а не эта краказябра на велосипеде. Может мне на время взять на себя её воспитание? ». Лицо Ран побелело, она очень не хотела, чтобы у Чен было такое же кошмарное детство, как у неё самой. «Не надо, Хозяйка! Если Вы разгневались, то выпустите свой гнев на меня! Не трогайте Чен, пожалуйста!» «Ран! - устало сказала Юкари. - Мне надоело тебя наказывать. И надоело самовыкапываться из-под кучи твоих хвостов по утрам. Если не хочешь, чтобы я трогала Ран, то поймай мне какую-нибудь вкусную девочку». «Рейму? Но Вы же сказали не ходить за ней?» «Нет, не стоит, - покачала головой Юкари - Если ходить за Рейму, то Рейму может придти за тобой. Достань лучше каталог». Ран подошла к небольшому шкафику и извлекла из него пухлый альбом. Скучная Юкари облокотилась на столик и подпёрла лицо ладонями. Ран развернула альбом прямо перед хозяйкой. Он был переполнен фотографиями генсокийских девочек, приличными и не очень. Некоторые, особенно редкие и гадкие, были куплены у Аи по совершенно диким ценам. Каждой девочке была посвящена страница, в особых случаях - даже целый разворот. Ран медленно пролистывала альбом перед глазами хозяйки, но пока признаков заинтересованности не наблюдалось. Тут вдруг у Ран мелькнула дикая мысль: «Госпожа, Вы знаете, что сегодня к Сырне отец приехал?!» «Отец Сырны?! Это мужчина? Настоящий?» - спросила Юкари. Ран задумалась: «Да, наверняка! Он во внешнем мире ниндзей работает, к нам иногда по Вашей визе заезжает, когда Сырне особенно сильно достаётся». «А, - вспомнила Юкари. - Такой синий хмырь в маске, да?» Хоть Юкари ответила пренебрежительно, Ран уловила нотки интереса в голосе хозяйки. «Знаете, когда он на меня на границе смотрит, то у меня в голове какие-то странные и непонятные мысли появляются», - призналась Ран. Юкари покривила лицо, закусила губу и углубилась в своё воображение: «Ниндзя, значит...» Потом она твёрдо посмотрела на Ран и спросила: «Ну, и что ты тут стоишь?! Давай, притащи его сюда! Сама же предложила». У Ран затрясло всё тело: «Вы хотите, чтобы я его поймала и притащила сюда?» «Ну, а что тут такого? Ты ведь у нас девушка тренированная...» Ран, немного отойдя от шока, спросила: «А что с Сырной?» «Сырна? А что Сырна? Сырна не нужна!» - зловеще улыбнулась Юкари, заставив все хвосты Ран распушиться от ужаса.

Сырно в Эйентее

Надо сказать, что ледяной клан не поймал Марису и Рейму по очень уважительной причине. После того, как папа и дочь разгромили Хакурейский храм, разошедшейся не на шутку Сырне стало очень плохо и она потеряла сознание. Саб-Зиро очень испугался, взял на руки дочь и отнёс к мотороллеру, который ему давеча с превеликим трудом удалось завести. Сырна пришла в себя, но была очень вялой и не могла держаться, поэтому папе пришлось привязать её к сиденью мотороллера. Папа повёз её в единственный известный ему местный госпиталь - в Эйентей. Место Саб помнил, а дорогу не очень, поэтому решил ехать напролом, снося бамбук собственным телом. Самое странное, что охраны в лесу сегодня не было, словно случилось что-то. Добравшись до поместья, ниндзя спросил дорогу в приёмный покой у проходившего мимо зайца (да, лунные зайцы тоже есть). Косой выпучил глаза и дрожащей рукой показал направление. Саб-Зиро внёс дочь в помещение, поставил её прямо перед группой кроликов-санитаров и главврачом Эйрин Якогоро и потребовал хриплым ледяным голосом: «Доктор, я Вам настоятельно рекомендую оставить все дела и срочно осмотреть мою дочь». Эйрин спокойно улыбнулась: «А что с ней случилось?» «Она потеряла сознание, а до этого... Эээ. Сыря, ты расскажешь доктору, что у тебя болит и почему?» - спросил отец. Сырна едва держалась, с неё лился пот, она тихо прошептала: «Пап, зачем мы сюда приехали?» - «Это больница, Сыря, здесь тебе помогут!» Сырна опять прошептала: «Пап, ты даже не понимаешь - что это за место...», и опять потеряла сознание. Отец подумал, что у неё начался бред. «Можно я её осмотрю у себя в кабинете?» - попросила Эйрин. «Да, конечно», - Саб-Зиро передал дочь санитарам.

Санитары внесли Сырно в кабинет Эйрин и вышли, оставив врача наедине с пациентом. «Ну, вот опять, Сырно... Что же это такое, а?», - вздохнула главврач всея Генсокё. Она положила ледяную фею на кушетку и стала раздевать. «Если даже отец приехал, - подумала Эйрин, - значит действительно может что-то серьёзное». Тут из одежды Сырны выпал ошейник. Эйрин со вздохом покачала головой. Она перевернула голенькую Сырну на живот, достала из шкафчика криогенный градусник и вставила пациентке в попку. Сырна недовольно простонала. Но Эйрин уже прекрасно видела, что у больной сильный жар, или в данном случае лучше сказать - сильная оттепель. А пока, Эйрин порылась на полке, вытащила медицинскую карту пациентки и быстро просмотрела её: «Так, медосмотр в этом году был... Прививки от весенней лихорадки, ёкайского туберкулёза... Впрыскивания от грибка... Последний визит... Сильная контузия и ушибы... Угу! Летала-летала и дерева не заметила. А вот ещё крапивница от арбузного мороженого...». Вообще, надо признать, что большей частью в Сырнинной карте фигурировали физические повреждения, а болезнями крепкий феин организм почти не страдал. Правда, чтобы Сырно не запускала себя, каждый год её подруги, три озорные феи, силой тащили её в Эйентей на медосмотр, который почти всегда проходил с приключениями, в основном эротического характера. Эйрин вытащила градусник: «Ну, так и есть - оттепель. Минус пять». Разминая руками Сырнины ягодицы, Эйрин определила состояние задней части: «Ну, инфекции вроде бы нет. Всё мазью, кстати, обработано. Тут скорее - последствия шока ». У неё только что были два пациента с похожими симптомами - тоже с температурой и анальными повреждениями. Тут Сырно пришла в себя, перевернулась на спину и настороженно посмотрела на Эйрин, надув губы. Врач заметила, что во время оттепели прохладное тело Сырны становится очень приятным на ощупь. «Какая же она милая, и какая молодая!» - подумала Эйрин и присела возле кушетки. Она приблизила своё лицо к лицу Сырны. «Лапочка, ну, расскажи доктору всё,

что с тобой произошло», - ласково попросила Эйрин, и нежно, как бы невзначай, потеряла маленький клитор феи. «Я щас папу позову!» - пропищала возмущённая Сырна

«Не надо звать папу...» - Эйрин отодвинулась от Сырны. Сырна не позвала, но продолжала пристально наблюдать за действиями доктора. «Кстати, он знает, чем ты балуешься?» - спросила Эйрин, показав Сырне чёрный ошейник. Та выхватила его из рук доброго доктора, буркнув: «Это моё...» Эйрин подошла к полке с медикаментами и взяла один из пузырьков. «Давай я тебе жаропонижающий укол сделаю, это сильнее и быстрее, чем таблетки. Тебе сразу будет легче». Она распечатала одноразовый шприц и наполнила его содержимым пузырька. «А теперь опять повернись на животик, - успокаивающе попросила фею Эйрин. - Тётя Эйрин больше не будит шутить, честное слово». Сырно нахмурилась, но всё-таки перевернулась, хотя и продолжала недоверчиво коситься на врача. Эйрин, протерев проспиртованной ваткой место укола, ввела иглу шприца в Сырнину ягодичную мышцу. «Ну, вот и всё! Теперь надо немного подождать, - Эйрин погладила Сырну по голове. - Ты сейчас чувствуешь, как что-то приятное расходится по всему телу, правда ведь?» Пока препарат вступал в действие, она сама, тем временем, растворила в стакане с водой пару таблеток, уменьшающих чувствительность к холоду, и выпила. Постепенно глаза Сырны стали затуманиваться, на лице появилось какое-то умиротворение. Она повернулась на бок, улыбнулась Эйрин, протянула руку и дёрнула за край униформы врача. «Хочешь, чтобы я это сняла? - спросила Эйрин. - Хорошо...» Эйрин стала расстёгивать одежду, но приостановилась и поцеловала Сырну в губы. Та отвечала: хотя слабо, но охотно. Оторвавшись, Эйрин взяла из руки Сырны ошейник и осторожно затянула на феиной шее. «Он очень тебе идёт!» - ответила доктор. Она закончила раздеваться и немного подвинула Сырну, чтобы самой сесть на кушетку. «Если хочешь, можешь сесть на меня сверху», - предложила Эйрин. Туманные глаза Сырны выражали неопределённое согласие. Тогда Эйрин поменялась с Сырной местами, легла на спину и посадила Сильнейшую сверху, спиной к себе. Сырно сразу полезла ручкой в ватрушку Эйрин и пыталась там что-то делать. Эти нелепые попытки больной одурманенной феи почему-то жутко возбуждали злоупотребляющего полномочиями доктора, она попросила Сырну: «Лапочка, можно я тебя немного подвину? Я хочу выпить из тебя все твои болезни и услышать, как ты постанываешь от моей медицины».

Стона не получилось, был только отчаянный короткий взвизг. Эйрин даже испугалась, что его может услышать Сырнин папа в приёмном покое. «Хорошая девочка! Молодец! - похвалила Эйрин, погладив Сырну по замечательному заднику, на который украдкой засматривалось всё Генсокё. - Очень здоровый хороший звук! Я думаю, что Сырно скоро выздоровеет и больше не будет болеть!» Эйрин приподняла Сырну и села: «Только теперь надо одеваться, а то твой папа наверно уже волнуется. И ошейник тоже снять надо». Сырно одевалась с трудом, поэтому Эйрин пришлось ей помогать. Эйрин тщательно проверила одежду, свою и Сырны, чтобы ледяной ниндзя ничего подозрительного не заметил. Поскольку произошедшее в кабинете в корне отличалось от того, что произошло днём ранее а храме, Саб-Зиро не почувствовал никакой тревоги за дочь. Наоборот, ему почему-то показалось, что Сырне становится всё лучше и лучше. Наконец, врач и маленькая пациентка вышли к нему в приёмный покой. Лицо у Сырны теперь было безмятежным и немного сонным. «Сыря, с тобой всё в порядке?» - спросил папа. Сырно рассеяно кивнула. Эйрин сказала: «Я дала её жаропонижающее со снотворным эффектом. Ей теперь надо полежать день, максимум два. Её организм быстро восстанавливается. Думаю, уже завтра-послезавтра она встанет с кровати и вернётся к активной жизни...» «...а главное - ничего не будет помнить», - добавила в мыслях нехорошая докторша. Затем Эйрин протянула ниндзю баллончик: «Вот, я прописала заморозку. Обработывайте поврежденное место каждые 3 часа. Платить ничего не надо». Саб-Зиро поблагодарил.

«Вы знаете, у нас в последнее время много проктологических пациентов, - неожиданно добавила Эйрин. - А скоро, думаю, их станет ещё больше». Эйрин, едва скрывая радость, развела руками в стороны. «Вот посмотрите - эти двое были сегодня как раз перед вашим визитом», - Эйрин показала рукой на стол возле регистратуры, за которым сидели Теви и Рейзен. Лица у них были такие же умиротворённые и сонные как у Сырны. Только Теви всё время проверяла пустую пачку сигарет, чтобы в очередной раз убедиться, что там больше ничего нет. Ниндзя рыкнул: «Это все те две гниды?» «Я думаю, что да, - ответила Эйрин. - Но я бы на вашем месте не стала спешить. Куда они денутся из Генсокё? Подождите, пока Ваша дочь встанет на ноги». В этом совете у Эйрин был свой корыстный интерес. Её опыт и интуиция подсказывали, что у двух известных персонажей, обеспечивающих её стабильной работой, началось обострение. Это значит, что в ближайшее время следует ожидать серии жестоких оргий и побоищ с многочисленными пострадавшими. Однако она сомневалась, что в ближайшие день или два ей удастся мобилизовать необходимое количество санитарных команд с носилками. Вот она и просила Саб-Зиро повременить. Когда реанимационные команды, наконец, будут готовы, Эйрентей быстро наполнится самыми разными пациентами, которые немедленно окажутся под заботой главного врача. И не только под заботой, но и в абсолютном подчинении. Потому что доктора в больнице надо слушаться...

Мико и выпивка

Мучаемая здоровыми как лоси генсокийскими комарами Рейму бесцельно скиталась по ночному лесу. Она уже совершенно не понимала, где сама находится и в какой стороне искать храм. Единственное, что она понимала это то, что ей очень-очень плохо. Воздействие Марисиного снадобья стало ослабевать, стала возвращаться усталость. Рейму панически боялась заснуть и снова встретиться с видениями прошлой ночи. Однако состояние Рейминого разума было таково, что призраки даже не собирались ждать, пока жрица ляжет спать. Рейму услышала шорох, повернула голову и увидела, как из дупла высокой криптомерии вылезает длинная полупрозрачная Юкари. Хранительница границы хитро улыбнулась

жрице, многозначительно подняла палец и сказала: «Очень важно хорошо выспаться!» Рейму вывернуло от ужаса, но тут она случайно обнаружила, что до сих пор таскает с собой гошей. Она подняла его, перекрестила им Юкари и крикнула: «Сгинь!» Как ни странно, Юкари втянулась обратно в дерево. Рейму побежала по какой-то заброшенной тропе и вскоре встретила на своём пути светящуюся Нитори. Та сидела на корточках и что-то как будто закручивала гаечным ключом. Раздался отвратительный хруст. Нитори встала и повернулась к Рейме. В одной руке у неё был ключ, а другой она за ногу держала маленькое тело Сырно. Шея у ледяной феи была неестественно свёрнута, она вне всяких сомнений была мертва. Нитори досадно сжала губы и поучающе сказала Рейме: «Если слишком надавить, то можно и резьбу сорвать!» «ААААА!» - заорала Рейму и, зажмурив глаза, бросилась прочь прямо сквозь Нитори.

Пробежав несколько сот метров, Рейму остановилась отдышаться. «Они не в праве так доставать меня, даже если у меня действительно климакс и шизофрения! Пусть я не защитила Чен, но я ведь не поучаствовала!» И тут она заметила за деревьями какой-то свет. Как будто здание какое-то... Неожиданно до неё донеслись отзвуки какой-то мелодии. Рейму подошла поближе, чтобы лучше рассмотреть строение. Это не был жилой дом, скорее какой-то очень большой деревянный сарай, изо всех щелей которого лились тусклый свет и музыка. И тут Рейму поняла куда забрела: «Чёрт! Да это же пролетарский баревич!» Это было питейное заведение Мистии Лорелеи - вывески с названием не было, так как хозяйка не умела читать и писать. Самые слабые и низкоквалифицированные ёкаи со всего Генсокё каждый вечер стекались в этот барчик, чтобы закинуть за воротник и рассказать друг другу о своей нелёгкой доле. Ко всему прочему можно было насладиться живой музыкой сестёр Призмривер. «Выпить!? Вот как раз то, что надо!» - подумала Рейму, но тут же засомневалась. - Да там же воняет, наверно, и мухи! Да и компания...» Тем не менее, преодолев сомнения, Рейму решила войти, для солидности открыв распашные дверцы ногой. Как только жрица ввалилась в салун, посетители и бармен резко прекратили общение и одарили её неприятными взглядами. «Ну, как и должно быть. Харкаловка натуральная! - осмотревшись, заключила Рейму. - Даже Суйка бы такой побрезговала бы..... Хотя нет, это вряд ли...»

Вечер был, похоже, в самом разгаре, чернь наслаждалась контрабандными напитками. Часть клиентов расположилась у барной стойки, а часть за кривоватыми столиками. На одном из столиков стояло большое ведро, из которого торчала голова Кисуме. Никакого стакана или бокала видно не было, видимо этот стеснительный ёкай прятался внутри ведра. Рядом с ней на стуле растянулась Парси, потягивая светлое пиво из большой кружки. Три озорные феи сидели за отдельным столиком, взяв себе по стакану виски со льдом, и перекидывались в карты. Дайёсей сидела с беспокойным видом, словно ожидая кого-то запаздывающего. Рядом с ней, подпирая руками голову, сидела Лили Вайт, озираясь мутным тоскливым взглядом, она как всегда была самой пьяной. Остальные клиенты осторожно убрали из её досягаемости все тяжёлые предметы, чтобы очередной вечер в баре не закончился приходом весны и вызовом санитаров из Эйентея. За барной стойкой сидели Коакума и Хун Мейлин, известная под кличкой Китай. Маленькая демонесса лежала лицом на стойке и, похоже, плакала, будучи единственной, кто не обратил никакого внимания на появление Реймы. Китай успокаивающе держала руку на плече Коа и говорила, видимо, что-то успокаивающее. В тёмном углу бара сидела, а может лежала (нельзя было разобрать) Румия. На возвышении сёстры Призмривер играли старый добрый генсокийский шансон. Народу, надо сказать, было меньше, чем обычно, и Рейму сразу поняла, что это не без её с Марисой вина. Рейму подошла к стойке и, смачно сплюнув, чтобы обозначить доминирование, присела. «Что ж ей, блин, не спится-то?» - со злостью подумала Мистия. «Не плюйтесь! Чай не у себя дома», - сделала она замечание жрице. Рейму проигнорировала его и заказала: «Кровавую Мэри». Мистия, совершенно не пугаясь мрачного взгляда Рейму, дерзко отвечала: «Нет, Мэри. Томатный сок кончился!» Все вокруг напряглись, опасаясь, что отсутствие любимого коктейля может разозлить жрицу-психопатку. «Может повыкидывать их всех отсюда через крышу?» - подумала Рейму, но опять услышала шёпот демонов совести. - Нет, я не могу так поступить». «А что есть-то?» - спокойно спросила она у Мистии. Тут к ней обратилась Китай: «У нас тут новый коктейль хорошо идёт - щёточка для чистки бутылочек». Рейму устало потёрла лицо: «Романтичненько. Ну, ладно, давай сделай эту свою щёточку». Мистия, хмыкнув, достала гранёный стакан и налила Асахи из бутылки, больше половины стакана. Потом взяла с полки бутылку Абсолюта и долила стакан водкой. Потом Мистия, прикрыв стакан бумажкой и ладонью, хлопнула его об стол. Содержимое стакана вспенилось. «Шмурыга какая!» - поморщилась Рейму. «Пей быстрее!» - посоветовала Китай. Рейму, решив, что промедление и брезгливость подрывают её авторитет, с бульканьем стала заливать в себя смесь.

«Отлично булькаешь!» - отметила Китай. Мистия улыбнулась во всё своё простое деревенское лицо и спросила: «Жареной миногой закусить?» «Спасибо, я не закусьваю», - ответила Рейму, стараясь выглядеть как можно более сурово. «А вот говорят, что Рейму может ведро пива залпом выпить...» - сказала Мейлин подстрекательским тоном. Рейму хотела ответить «Басни! Что я Суйка?», но почему-то ответила: «Да легко... Показать?» Китай хмыкнула, отошла от стойки и вынула из ведра Кисуме, не обращая внимание на верещание и протесты. Потом сторож особняка поставила ведро на стойку и вопросительно посмотрела на Рейму. Мистия, ухмыльнувшись, спросила: «А у тебя денег-то хватит на ведро пива?» Китай тоже было интересно: «Ты ведь нищая почти!» Рейму взглянула на неё уже не очень ясными глазами и возмутилась: «Это кто нищая? Это ты нищая!» Рейму достала из-за пояса мешочек с пожертвованиями, обернулась в зал и обратилась к клиентам: «Эй... Всем по пиву за счёт храма!» Посетители изрядно удивились, никто не ожидал такого жеста от Рейму. Ни у кого из них не было о ней хороших воспоминаний. Многие из присутствующих подвергались сексуальному насилию с её стороны. При этом кое-кого в процессе этого насилия Рейму даже словом не удостоила. И вот теперь эта жестокая и высокомерная жрица ставила им по пиву. Мистия, тем временем, сливала в ведро бочонок. «Готово» - она подтолкнула ведро к Рейму. Та попыталась подтвердить авторитет, но, конечно, ведро - это уже слишком. Она отпила, сколько смогла, обессилена опустила ведро на стойку, и утёрлась рукавом. «Что-то

я не форме...» - оправдалась жрица. Глаза её постепенно становились совсем туманными, да ещё вдобавок предательски сводились в одну точку. Многие посетители переместились ближе к стойке, чтобы рассмотреть редкого и опасного гостя, Мистия разносила им пиво. «Какая она кавайная!» - бросил кто-то из посетителей, раздалось несколько одобряющих возгласов. Рейму посмотрела на Китай, протянула ведро с пивом и приказала: «Выпей!» Китай тоже отпила, сколько смогла. Она тоже уже была хорошая - с красным носом и щеками. «И девочка твоя пусть тоже выпьет!» - сказала Рейму, показав на плачущую Коакуму. Та всхлипнула: «Не хочу!» Рейму нахмурилась: «Ты меня не уважаешь!?» Но потом смягчилась: «Выпей, легче же будет, дура!» Коакума тоже отхлебнула из ведра.

Рейму повернулась к залу, прислонившись спиной к стойке. Одной рукой она обняла Китай за спину, положив ладонь на большую грудь сторожа, и осмотрелась в поисках кого-нибудь симпатичного для второй руки. Наконец, она поманила Лили Вайт. Та, шатаясь, подошла к Рейму и привалилась с незанятой стороны. Рейму решительно обняла её за шею, чуть не придушив. «Может споём что-нибудь? - предложила Рейму и посмотрела на сестёр Призмривер. - Давайте что-нибудь народное!» Музыканты посоветовались и ударили старую народную мелодию. Рейму начала петь некрасивым пьяноватым голосом: «Дзанкоку на тенщи но ёёё ни сёёнын йо шинва ни нааарэ», но остальные посетители вскоре подхватили, скрасив звучание: «Аооии кадзэ га има мунэ но доа о татаитэмо...» Не очень трезвый хор, покачиваясь и пытаясь успеть в быстрый ритм, как умел пел песню про обнимающего небо мальчика, становящегося легендой. Древняя песня появилась наверно еще в те незапамятные времена, когда в Генсоке ещё обитали сёныны в товарных количествах. Наконец, последний раз затянув «...йо шинва ни наааарэ», они устало смолкли. «Да, вот и стали они легендой, и не хера их больше в Генсоке и нету... - прокомментировала заплетающимся языком Рейму. - Вообще тут аккордеон нужен, я бы вам показала, как играть надо. Но...» Тут Рейму помрачнела, будто вспомнила что-то плохое: «...Аккордеон мой белобрысая порвала. И не только аккордеон, она мне в жизни много чего порвала». Рейму обратилась к окружившим её плотным кольцом посетителям с грустной историей своей жизни. После особо откровенных и искренних реплик Реймы, среди слушателей раздавались возгласы удивления или возмущения: «Вот правильно говорят, попадешь в юности к извращенкам - сама станешь извращенкой... А потом она стала мне нащёптывать «вон феечка идёт, давай её потрогаем», ну, я шла и трогала... Всю жизнь живу с её панталонами на голове, ничего вокруг не вижу... А ведь раньше я хотела руками работать, пользу приносить...» «Эээх, девочки! - вскрикнула Рейму, обхватила руками головы Китай и Лили и прижала их к своей голове. - А может мне всё это бросить и начать новую жизнь? Вот к Реми, например, устроиться полы мыть». «Лучше помощником к библиотекарю», - воскликнула Коакума. Среди посетителей раздалось одобряющие возгласы «Правильно!», «Так и надо!», «Рейму с народом!». Рейму опустила взгляд на своё одеяние жрицы и, кажется, на что-то решилась. «Музыканты! Медленный давайте!» Рейму вскарабкалась на стойку. Все замерли, понимая, что сейчас будет что-то...

Как только полилась музыка, Рейму начала танцевать, ловя ритм, поглаживая руками своё тело. Она не была пьяна в хлам - хотя все барьеры в голове уже прорвало, но координацию она ещё сохраняла. Не спеша она отделила один из рукавов одеяния и отбросила его прочь. Затем она, не прекращая танцевать, провела руками вдоль всего тела и скинула второй рукав. У зрителей так и отвисли челюсти, у некоторых даже слюнки по подбородку полились. Теперь каждый раз, когда Рейму сбрасывала какой-то предмет одежды, раздавались крики восхищения и одобрения, которые постепенно становились всё громче. Из своего угла выползла Румия, на неё недовольно зашикали: «Ну, что ты припёрлась, не видно же ничего!» и оттеснили назад. Рейму взглянула вниз на своих новых друзей и поняла, что те были уже так заведены, что просто лезли по стенам на потолок. Рейму повернулась, показывая всем свою оголённую спину в рубцах, а Мистии за стойкой переднюю часть. Все разом вскрикнули, кто-то пытался остановить идущую носом кровь, кто кусал себя за пальцы, чтобы убедиться, что всё это происходит в реальности. Именно такой, изполосованной кнутами, они и представляли Рейму в своих самых постыдных фантазиях. Мистия, ничего не комментируя, просто села и налила себе стопку Абсолюта. Рейму снова повернулась, медленно спустила свои трусики, подняла их над головой и стала раскручивать их на пальце. Музыка начала сбиваться, сёстры Призмривер круглыми как блюдца жадными глазами впились в Рейму. Наконец, Рейму бросила свои белые трусишки в толпу. Множество жадных рук одновременно бросились за ними и мигом разорвали в клочья. Из-за этого чуть не началась стычка. Тут Румия, которая ещё не понимала сути происходящего, крикнула Рейме: «Рейм, а ты в курсе, что твой храм сегодня разгромили?» «Ну, и х...й с ним!» - ответила входящая в экстаз жрица.

Теперь, когда на ней остался только бант, Рейму опять повернулась спиной к зрителям и, немного расставив ноги, стала, виляя задком в стороны, приседать. Достигнув нижней точки, она, дразня, положила ладонь куда-то себе между ног и что-то там ею сделала. Зрители сзади не могли всё разглядеть и поэтому тихо стонали. Ошалелая же Мистия с выпученными глазами отчаянным глотком осушила ещё одну стопку. Рейму снова повернулась лицом к залу, представая во всём своём великолепии. Она показала всем лежащий на ладони огурчик (такие Мистия использовала для коктейлей) и сказала: «Этот огурчик я хочу подарить самому грустному!» Она медленно провела огурчиком от шеи, по груди, по животу, до лобка. Затем немного обмакнула удачливый овощ во влагиалище и пальцем поманила Коакуму. Демонесса приблизилась, её лицо сияло. Рейму присела, погладила Коа по голове и сунула ей в рот огурчик. Демон жадно и очень медленно стала его пережёвывать, чтобы как можно дольше чувствовать во рту вкус жрицы. «И мне огурчик! И мне!» - грянули многочисленные возгласы. «Может нам тоже раздеться», - подал кто-то дельное предложение. Рейму повернула голову в сторону музыкантов. Те уже просто не могли играть, казалось еще немного и они начнут трогать себя собственными инструментами. Рейму жестом пригласила их подойти. Как же ей было сейчас легко на душе. Жрица подняла руку и объявила: «Сегодняшнее своё выступление я посвящаю фее Сырно, которой нет сегодня с нами. Чтоб у неё всё колосилось...» Тут её нога предательски соскользнула, и она упала со стойки в новую жизнь. Руки

жаждущих, маленькие и большие, подхватили её на лету и стали гладить буквально со всех сторон. Влюблённая толпа понесла Рейму и положила на один из столиков, словно павшего воина. Они раздвинули жрице ноги, отчаянно споря о том, кто будет первым. Рейму так и не поняла кто начал, она вообще перестала различать лица.

Милые головки посетителей по очереди припадали попить из Рейминой лунки сока, который вдруг стал подтекать неожиданно сильно (чего у Хакурейской развратницы не было достаточно давно). Так как источник был один, остальные пытались найти новые месторождения. Десяток рук бороздил тело Реймы, запоминая каждый квадратный сантиметр жрицы. Кто-то стал поглаживать ей анальное отверстие. Тогда Рейму, вскрикнув, поймала чью-то случайную ладонь, жала на ней вместе указательный и средней пальцы и положила их себе в рот. Остальные тоже сразу же захотели дать Рейму пососать пальчик. Два храбрых язычка, видимо кого-то из маленьких фей, пробилась к подмышкам жрицы. Тело Реймы словно погружалась в горячий источник. Тем временем, те, кому не хватило места у Рейму, стали непроизвольно хватать друг друга за зады и грудки. Через толпящихся пробилась Мистия с пустой пивной бутылкой. «На...на...надо бы вставить!» - задыхаясь, предложила хозяйка заведения. «Каким концом?» - спросила Парси, теребя Реймин клитор. «А ты доньшком хочешь??? У тебя вообще мозги есть?» - как на ненормальную посмотрела на неё Мистия. Парси сказала: «А она нас ведь не жалела!» «У нас всё заживёт, а у неё нет! Дай я сама!» - Мистия присела и стала вводить бутылку горлышком во влагалище Реймы, прислушиваясь к реакции. Когда Рейму вдруг передёрнуло, видимо от болезненных ощущений, Мистия поняла, что дальше не надо. Теперь она стала осторожно совершать поступательные движения бутылкой, иногда щекоча коготком клитора. Другие тоже хотели поуправлять бутылкой, но Мистия их отталкивала. Рейму застонала, в целях безопасности у неё изо рта вынули пальцы, а то во время оргазма жрица легко могла их откусить.

Мистия довольно ловко, как настоящий бармен, довела дело до кульминации. Наконец, Рейму изогнулась так, что остальным пришлось её удерживать, чтобы она не повалила столик. Мистия вынула бутылку и облизала горлышко. Рейму выглядела совсем ватной, не шевелилась, только часто дышала. Руки и ноги бессильно висели. То, что она испытала, так разительно отличалось от обычных её с Марисой походов. Она уже и не помнила, когда последний раз оказывалась в такой замечательной любящей компании. Может и никогда... «А дальше? Мы не будем продолжать?» - спросила Румия, которую, как всегда, оттеснили в самый конец очереди. «Подожди, она сейчас совсем слабая», - сказала Мистия. Коакума хлопнула Рейму по щеке: «Рейму! Рейму, тебе хорошо с нами?» Рейму нашла в себе силы, привлекла демона к себе и поцеловала. Отдышавшись, жрица снова сфокусировала зрение и осмотрела молящие лица собравшихся у столика. «Наверно сзади хотите попробовать?» - утомлённо улыбнулась Рейму. Все вокруг мгновенно напряглись так, что даже звука издать не могли. «Неужели даже это позволит?» - пронеслась общая мысль. Феи, кроме Лили, сбились вместе и лезли друг дружку руками под платица. Рейму понимала, что просветлённое пьяное состояние долго не продлится, и она наверно заснёт, но ей так хотелось успеть порадовать рабочий люд, о чей жизни она до этого вечера знала так мало... Она дотронулась ногой до растерянной Румии: «Вот ты, тёмненькая, ты ведь ешь людей, правда?» Румия испугалась: «Я...Я же не вампир... Я очень редко это делаю...» «А хочешь меня за зад укусить?» - предложила Рейму. - Когда ещё ты сможешь жрицу на вкус попробовать...» Рейму перевернулась и подставила Румии свою замечательную попу. Румия затемнила себе лицо, чтобы никто не видел её стыда, и робко прикоснулась волшебному персику. На неё все опять зашикали, поторапливая. «Надо дать им немного моей крови, если я действительно хочу переродиться, - думала пьяная жрица. - Это будет что-то вроде ритуала». Но Румия боялась, и Рейму пришлось сделать замечание: «Не лижи! Кусай!» «Давай я её заменю» - посыпались отовсюду альтернативные предложения. Но Рейму быстро определила самого зажатого ёкая, и хотела получить путёвку в новую жизнь именно от него. Наконец, Румия, отчаянно пытающаяся представить что-нибудь вкусное на месте жрицы, собралась с духом и всадила острые зубки в упругую ягодицу. В этот момент Рейму словно вылетела из своего тела, освободившись от кого-то нестерпимого груза на совести.

Пачули и Сакуя

В Генсоке царствовала ночь. Ая ломалась под напором Марисы, Чен, сидя на высоком дереве, злилась на несправедливость этого мира, Юкари пыталась воодушевить поникшую Ран на подвиги, Момидзи, не смыкая глаз, обыскивала взглядом звёздное небо в поисках тени любимой подруги, Эйрин строила подразделения санитаров, Рейму очищалась, а Саб-Зиро жутковатым голосом пытался петь колыбельную своей приболевшей дочке. Но это было ещё не всё. Примерно в то же самое время в Особняке Алой Дьяволицы Пачули наконец удалось отладить кровоток и нервные связи и теперь она перешла на стадию испытаний. «Не так быстро... И не медленно... Ты должна соблюдать интервалы. Примерно как маятник работает», - давала она указания Сакуе. Они обе лежали на большой кровати, установленной прямо в библиотеке. На ней Пачули часто спала, если засиживалась допоздна. Гениталии Сакуи были заменены на мужские. Никакого опыта управления подобными органами у горничной естественно не было, поэтому всё, что они делали, было чистой воды экспериментом. Пачули, одетая в шапочку и поношенный коротенький розовый пеньюар, устроилась на боку, стараясь занять позицию наиболее удобную для своего подопытного. Сакуя, снявшая свою униформу, находясь за спиной Пачули, приподняла её ногу, взяла свой член в руку и попыталась ввести в узенькую книжную киску. Это в общем-то было не так трудно, но дальше ничего не получалось, движения Сакуи были слишком неловкими. «Подожди! - сказала Пачули. - Больше ничего не делай! Теперь я попробую». Она подтолкнула горничную, так чтобы они обе перевернулись с бока на спину. Сакуя придерживала госпожу руками за бока. «Теперь ничего не делай! Просто лежи и испытывай желание ко мне!» - приказала Пачули. Сакуя ответила молчаливым согласием.

Волшебница взяла инициативу в свою руку, ввела новый жезл Сакуи внутрь себя и аккуратно начала двигаться вверх-вниз. Горничная следила только за тем, чтобы госпожа не потеряла равновесие. Постепенно Пачули вошла во вкус и увеличила темп. Сакуя стала испытывать странное чувство, как будто какая-то тёмная энергия собирается в её новом органе, готовая в любой момент выброститься наружу. Кроме того появилось какое-то воодушевление, и она даже захотела подмять Пачули под себя, но не успела, потому что член неожиданно выстрелил и воодушевление стало быстро пропадать. Пачули после некоторого замешательства поняла, что Сакуя закончила, и наклонилась назад. Обняв горничную, она поцеловала её в ухо и спросила: «Можешь ещё?» «Не думаю» - ответила Сакуя, у неё почему-то появилось желание поскорее покинуть кровать, хотя бы на время. Она вежливо поцеловала библиотекаря и решила одеть униформу. Пачули осталась лежать на спине, раскинув руки и ноги. Из её влагалища вытекала подозрительная белая субстанция. Сакуя подала ей салфетки и осторожно заметила: «Не думаю, что хорошо оставлять эту жидкость внутри». Пачули, однако, не отвечала, уйдя куда-то в свои мысли. Тогда Сакуя всё сама аккуратно подтёрла. Пачули всё-таки соизволила бросить на неё взгляд: «Мы должны продолжить, когда ты отдохнёшь. А пока, принеси чаю, пожалуйста!» Сакуя окончила одеваться, ответила: «Да, госпожа!» и отправилась на кухню, оставив Пачули в раздумьях. По дороге она ещё раз примерила в руке новый орган и подумала, что надо будет достать бельё другого фасона и с ножами теперь надо будет осторожнее. На самом деле, у неё, в отличие от экспериментатора, не было особых пожеланий или возражений. Ей, в общем-то, было всё равно, что находится у неё между ног, главное, чтобы это не мешало работе и устраивало хозяев. Совсем другое дело – Пачули...

Библиотекарша лежала, закрыв глаза, и размышляла о природе белой субстанции, которая в неё попала. «Вот, значит, какая она – сперма...» В комиксах, которые она читала, тоже присутствовало подобное желе, но оно обычно извергалось невероятными массами, пачкая всех участников. А в действительности получилась всё очень скромно – создать более мощные железы было не под силу даже Пачули. Она поискала рукой в вытертой промежности и нашла немножко, чтобы попробовать. Облизав палец с капелькой спермы, Пачули отметила необычный вкус: «Может потом, как приправу к блюдам использовать, чтобы продукт не пропадал». Теперь было самое время подумать об общей стратегии на будущее. Пачули столько сил потратила на создание работающего мужского полового органа, что дорабатывать всасывание его внутрь тела или дублирование с женскими половыми органами уже совершенно не хотелось. Зато хотелось как можно скорее одарить жителей Генсокё столь полезным подарком. Пачули планировала дать его всем, кроме, наверно, самой себя. Волшебница положила руки на свои груди и оценила: «Может их тоже убрать, болтаются только и наводят на плохие мысли». Когда она осуществит всё задуманное, то Генсокё перестанет быть сборищем пьющих и гулящих девиц, а может, наконец, займётся делом. Нормальную промышленность, например, построит, или университет. Пачули так и зажмурилась от удовольствия, представляя мускулистых бывших девочек с кувалдами на плечах, стройными колоннами марширующих на производство. В общем, душа библиотекарши требовала расширения. И начать она планировала с остальных обитателей особняка.

Наконец, Сакуя вернулась с подносом, на котором был серебряный чайничек и фарфоровая чашка. Заметив, что Пачули подмерзает, не прикрывшись, Сакуя застелила её пледом. Потом налила в чашку чая и поставила поднос на грудь библиотекарши. Пачули посмотрела на горничную и похлопала рукой по свободной части кровати, приглашая присоединиться. Та кивнула и прилегла рядом, не снимая униформы. Пачули прислонила голову к её плечу и спросила: «Сакуя, а что ты думаешь насчёт моих опытов?» «Ничего», - честно ответила горничная. «Слушай, а почему у тебя никогда нет своего мнения? Это же не твоя работа! Неужели ты не хочешь наказать меня за то, что я с тобой сделала? Или ещё что-то такое...» - возмутилась Пачули. Ведь вроде даже у горничных должны быть свои мысли насчёт необходимого организму набора органов. Вот, например, Коакума только что выплакала все глаза, когда Пачули закончила, и даже показала начальнице в спину кулак (правда тут же убрала, когда та заметила). А Сакуе всё было совершенно безразлично. Пачули это внушало опасения. Она рассчитывала, что после окончания трансформаций её поблагодарят всем Генсокё, и такое вот равнодушие ей совсем не нравилось. Сакуя попыталась объяснить: «Те, кто живут уже долго, утомлены однообразием происходящего у них между ног. Поэтому в лучшем случае они посчитают Ваши опыты лёгким развлечением, а в худшем – просто не обратят внимания, вот как я. Примерно так же, думаю, будет и с хозяйками. Если Вы хотите удивления, то вам надо найти кого-нибудь совсем молодого».

Пачули хмыкнула и задумалась: «Молодого... Где найдёшь сейчас молодого?» Тут с потолка перед ней опустился воображаемый образ Марисы, прям как живой. Та при любой возможности показывала Пачули – как она не терпит её футанари-комиксы. Однажды, когда Пачули пристала насчёт того, чтобы вместе почитать ранобэ про футанари, Мариса так разозлилась, что связала библиотекаршу и хорошенько выпоролла. А потом собрала в мешок большую часть Пачулиной коллекции и куда-то унесла. Пачули потом просила отдать, но Мариса ответила, что всё сожгла. Хотя наверняка продала или обменяла. Потерю комиксов библиотекарша восполняла ещё очень долго. «Да, вот она бы точно заценила!» - подумала Пачули.

Кагуя и Моко

В Эйентее полным ходом шли приготовления к намечающемуся в ближайшее время побоищу. Эйрин построила кроликов в длинный ряд и скомандовала: «На хвост-морковку рассчитайсь!» Кролики по очереди стали выкрикивать: «Хвост... Морковка... Хвост... Морковка...» Когда расчёт был закончен, начальница госпиталя приказала: «Хвосты на носилки с Рейзен, морковки по палатам с Теви». Наступающий день обещал быть грозным: придёт засадить прорву шприцов, сделать уйму перевязок,

много чего подштопать, без усталости облегчать страдания освежающими клизмами.

Подколотые к вечеру стимуляторами Рейзен и Теви, наконец, пришли в себя от интенсивной терапии и в полной мере осознали позор и потерю авторитета. Теперь, надев белые халаты, поруганные кролики стояли рядом с Эйрин и злились, сжав зубы. Рейзен периодически отвешивала Теви подзатыльники, за то, что та подвела её под морковку в попе. В конце концов, Теви не выдержала и, выйдя из себя, врезала Рейзен по травмированной заднице так, что та с криками упрыгала в темноту. «А ну, кончай ушами меряться! - усмирила их Эйрин. - Я встретила сегодня человека, который дал мне надежду, что вскоре Шляпу с Подмышками привезут сюда с тяжёлыми телесными повреждениями. Вот тогда я отдам их в полное ваше распоряжение. Сами будете ставить диагноз, выписывать лекарства, проводить процедуры и определять дату выписки». У побитых кроликов в глазах появился огонёк надежды. Тут к ним приблизилась ещё одна фигура. «Эйрин, ты вообще сегодня придёшь?» - спросила Кагуя Хорайсан. «Родная, ты посмотри какой у нас аврал! - показала Эйрин на происходящую суматоху. - Рейму с Марисой наших кроликов пробурили. И Сырну тоже, и наверняка ещё кого-то! Когда это начинается, то это как стихийное бедствие: остановить нельзя - можно только лечить и утешать пострадавших». «Значит, опять не придёшь...» - грустно сказала Кагуя. Так как подобные вещи в последнее время стали происходить всё чаще, Кагуя начала подозревать, что с этим госпиталем что-то не то...

Лунная принцесса в печали вернулась к себе и поняла, что ей даже поговорить не с кем, потому что Эйрин забрала себе всю крольчатину. Вдохнув, она пошла собственноручно заварить себе чай. Вернувшись, она села присела на колени за низкий чайным столиком и стала заливать душевную тоску. «Наверно пора уже сказать Эйрин всё, что я о ней думаю! У нас тут что - Красный Крест!?» - злилась Кагуя, с хлопком засасывая чай, как настоящая аристократка. Из-за Эйрин в их укрытии повсюду несло лекарствами, как в аптеке.

Мрачные мысли аристократки прервало громкое копошение в кустах под окном. Раздался угрожающий голос: «Кааагуууу! Выходи биться, прошмандовка!» «Опять началось...» - устало подумала принцесса, но ничего не ответила ночному гостю. «Выходи, Кагуя! Будем драться лицом к лицу, как девушка с девушкой!» - гость даже и не думал отступить. В окно комнаты влетел камень и попал прямо в токоному, разорвав дорожную гравюру. «Выходи! А то я сама тебя вытащу и надеру задницу!» Кагуя не выдержала и подошла к окну: «Ну, чего ты орешь?! Чего ты опять притащилась, а?! Я тебе уже говорила, мы не подаём погорельцам». «Будешь хамить, сама погорельцем станешь. Давай вываливай сюда свои батоны. Сегодня у меня будет совершенно особое кунг-фу, которое гораздо сильнее этого вашего лунного кикбоксинга» - самоуверенно отвечала Фудзивара но Моко, разминая руки и ноги. Кагуя хорошо знала, что Моко нельзя прогнать, а можно только вынести в мешке для трупов. Принцесса отошла от окна и на мгновение исчезла в глубине комнаты, потом снова появилась и выкинула наружу верёвочную лестницу: «Слушай, надерун! Не хочешь чаю зайти попить?»

«Э... Подожди, Кагуя! Вылезай сюда!» - опешила Моко. «Никуда я не буду вылезать. Тебе надо - ты и лезь!» - твёрдо сказала принцесса и отошла от окна. Через полминуты Моко, кряхтя, ввалилась в комнату, поднявшись по спущенной лестнице, и смущённо огляделась: «Давненько я тут не была...» «Чай? Зелёный, чёрный контрабандный? Кофе тоже есть?» - предложила Кагуя. «А пиво с якитори есть?» - спросила Моко. «Пиво в холодильнике. Якитори нету», - сообщила лунная принцесса. «А у меня с собой есть!» - Моко извлекла из широких штанин несколько палочек с якитори. «Только есть ты их будешь сама, - предупредила Кагуя. - Дай разогрею!» «Я и сама могу разогреть!» - оскорбилась Моко. Кагуя покосилась на огнетушитель у стены, но кивнула. Моко вытянула вперёд руку с якитори, направила на курятину ладонь другой руки и выпустила струю огня. Якитори превратились в головешки. «А я люблю хорошо прожаренное», - оправдалась Моко. Тут остатки якитори пеплом осыпались на землю. Кагуя покачала головой. «Ну, и чёрт с ним! - заявила Моко. - Тащи пиво сюда». Кагуя ушла и через некоторое время вернулась с корзиной, наполненной бутылками контрабандного Асахи. Враги сели за столик друг напротив друга. Моко взяла бутылку и, с вызовом посмотрев на Кагую, открыла её зубами. Кагуя совершенно спокойно ответила на вызов и открыла свою бутылку глазом. Некоторое время они молча потягивали пиво. Кагуя не знала, как начать разговор...

Наконец, Кагуя решила: «Слушай, серьёзно! Сколько можно за мной ходить? Ну, десять лет, ну, двадцать лет, ну, сто лет... Но ты же уже на рекорд идёшь!» «Ты батю моего оскорбила, не забуду и не прощу!» - ответила Моко. «Тысяча лет прошло, я даже уже не помню, что там было», - сказала Кагуя. «Не сыпь соль на рану, а то морду набью», - пригрозила Моко. «Как хоть звали твоего папашу?» - спросила принцесса. Моко поняла, что её подловили, и закусила губу: «Я... Я всегда звала его просто любимым папочкой! И...и...я никогда не забуду, как ты отказала ему! Он пришёл домой, позвал всю семью и лёг на пол умирать...». «В прошлый раз он у тебя свалился в колодец в припадке. А до этого сделал себе харакири. Слушай, зачем ты всё время всё это придумываешь?» - спросила Кагуя, открывая очередную бутылку. Моко покраснела, вытерла пьяноватый нос и раздражённо ответила: «Даже если не помню ни хрена, всё равно тебя не прощу!» Кагуя прищурилась: «Ты ведь не за этим сюда ходишь, а?» Моко стала скалить зубы, но не нападала. Кагуя достала из угла комнаты изящную чёрную биву и предложила: «Споём что-ли...» Моко показала рукой в сторону госпиталя: «А эти как же?» «А чёрт с ними! - сказала Кагуя, беря в руку плектр. - В доктора в детстве не наигрались... Так что не услышит никто». Сначала она решила спеть сама и завела древнюю песню о тех безумно далёких временах, когда Юкари Якумо приторговывала барахлом в разных уголках Японии и заставляла жителей делать ей подношения, открывая в земле щель и вещая оттуда страшным голосом. Затем повествование перешло к мрачной легенде о том, как Юкари извела почти всех мальчиков в Генсоке. «...ЗАААЕЕЕЕЗДИИИЛАААААА!!» - красиво затягивалась Кагуя. Заканчивалась песня современным периодом - у Юкари под тяжестью грехов

разъехались в стороны глаза и теперь она прячется под хвостами своих слуг, опасаясь, что кто-то придёт наказать её. Может песня и не была строго историчной, но слог и звуки бивы были хороши. Моко стала было хлопать в ладоши, но потом спохватилась.

«Что ты споёшь?» - спросила Кагуя. «Дай мне! Я сама играть буду! Как умею, так и буду» - Моко вырвала биву у Кагуи. Она начала дурным голосом петь песню про принцессу, жившую в бамбуковом лесу, которая слишком возгордилась своей красотой и отказывала всем женихам. Эта принцесса любила задира́ть нос и выпячивать губу. В итоге её лицо стало изменяться - уши оттопырились, нос удлинился, а губы стали как у жабы. Из-за этого уродства все слуги сбежали из дворца принцессы. А она сама осталась ходить по окрестностям в полном одиночестве, пока её не подобрала милосердная девушка, живущая в лесу, который стала использовать страшную принцессу, как чучело в своём огороде. На этом песня закончилась. «И это всё?! - возмутилась Кагуя. - Принцесса не стала снова красивой???» Моко рассеянно посмотрела на столик с пустыми бутылками и ответила: «Неее! Как была уродиной, так и осталась!» Она покопалась в штанинах и извлекла оттуда пачку сигарет: «Выпив, надо и покурить!» Но Кагуя вытащила сигарету прямо изо рта дочери Фудзивары: «Знаешь, у меня есть предложение поинтересней!» Она осторожно приблизила лицо и поцеловала своего старого врага. Та не сопротивлялась и даже выпустила язык. Принцесса поправила мутноглазой Моко блузку и спросила: «Что ещё ты положила сегодня в свои штанишки? Можно посмотреть?» Моко как будто временно пришла в себя и выговорила: «А какого собственно чёрта...» Кагуя прильнула к ней и успокоила: «Не злись! Не первый же раз...» «Ты взяла меня в плен и изнасиловала!» - заверила Моко. Принцесса прошептала: «Мокочка, когда будешь уходить, возьми у Эйрин таблетки от склероза!» и заткнула противнику рот поцелуем, чтобы не тратить время на споры! Её рука, наконец, преодолела сопротивление и залезла в желанные широкие штанишки. «Ну, Эйрин, ты сама этого хотела!» - злорадно думала принцесса, видя, что Моко постепенно мякнет в её руках.

Кагуя трясушимися руками пыталась расстегнуть подтяжки Моко, чтобы спустить ей штанишки. С десятой попытки это всё-таки удалось. Как ни странно, кроме пары здоровых тесаков и зажигалки там больше ничего не было. Ну, не считая пары натренированных бледных ног, редко видящих солнце. Это было так аристократично. И нижнего белья Моко тоже никакого не носила. Кагуя расстелила futon. «Так будет удобнее», - сказала она Моко и пригласила, показав рукой на futon. Моко покосилась на неё гордо, но покорно, как повстанец, который после пыток был готов сдать своих товарищей. «Сними эту гадкую грязную блузку!» - потребовала Кагуя и стала дораздвигать своего врага. Моко последний раз попыталась посопровивляться и немного поколотила Кагую руками по спине. Это только раззадорило принцессу и она, обняв Моко, свалила её на futon. В этот раз она была твёрдо намерена оказаться сверху. «Да сними, блин, блузку!» - продолжала наставлять принцесса, сдёргивая с Моко последнюю тряпочку. «Сама... Ты сама тоже сними!» - обиделась соперница. «Щас-щас!» - одевание принцессы было сложным, и раздеваться ей в любом случае надо было самой. Кагуя перевернула Моко на живот и села ей на спину, пытаясь снять одежду через верх. Моко снизу что-то недовольно пробурчала. Тогда Кагуя собрала в руки её длинные, повязанные амулетами волосы и резко дёрнула, приподняв голову партнёра. Моко довольно вскрикнула. Наконец, принцесса с грехом пополам разделась и увидела, что Моко, вывернув голову, с нескрываемым любопытством её разглядывает. У Кагуи всё было такое изящное, как всегда и представлялось Моко в её сокровенных мыслях.

Одной рукой Кагуя заломила сопернице руку за спину, а другой погладила по попе. Затем она осторожно ввела указательный палец в прокоптившееся воротца Мокочки и потихоньку всё там разбереднила. «Что ты сейчас чувствуешь?» - спросила принцесса у аристократки. «Я страдаю!» - выдавила из себя Моко. «Что-то не похоже... - заметила Кагуя. - Из тебя же хлещет как из пробитой бочки». Она облизала мокрые пальцы. Смазка врага так приятна на вкус! Она ещё раз собрала волосы Моко в хвост, взяла за самый конец и пощекотала свой клитор как щёткой. Волосы врага тоже были очень приятными! Теперь принцесса прижалась к Моко всем телом, придавив к земле её руки. «Ты ведь старая девочка! Стааарая! Тысяча лет! - страстно шептала Кагуя. - Из тебя песок должен сыпаться, а что из тебя лётся!? Развратная бабушка!» Моко простонала: «Ты ведь старше меня!» «Да! - торжественно призналась Кагуя. - Я тоже развратная бабушка!» Принцесса стала скользить вдоль тела соперницы, словно тайская массажистка. Это было так некрасиво для персоны её ранга, даже Эйрин подобное видела очень редко, а ничтожным кроликам-плебеям такое вообще нельзя было показывать (по этикету, конечно, нельзя, а не по реалиям жизни). В этот момент Кагуя чувствовала примерно то же, что и Рейму в это же самое время. Она отвергала своё происхождение и статусные обязанности. Ранг Моко был почти, как у неё самой, но всё-таки ниже, что придавало контакту вкус запретного плода. «Проклятый статус! - досадно думала Кагуя. - И с крестьянами тоже спать нельзя! А ведь они такие симпатичные!».

Теперь Кагуя решила перевернуть Моко на спину и осмотреть поближе. Та была выше пояса какой-то грязной, а ниже - совсем белой. «Ох! Чучело какое! - подумала принцесса. - Замечательное чучело!» Моко, покраснев, отвернула голову. Кагуя целовала шею и кусала мочку уха врага, стараясь заставить посмотреть ей в лицо. Коленкой она стала стимулировать влагалище Моко. Наконец та посмотрела Кагую прямо в глаза. Моко было одновременно очень-очень стыдно и очень-очень хорошо. Она пообещала себе, что когда это всё закончится, она полгода будет убивать Кагую по два раза в день, утром и вечером, чтобы очистить карму и спасти честь рода. Хотя надо заметить, что род её особой нравственностью не отличался - девочки Фудзивара всегда очень любили погладить девочек каких-нибудь Тайра, силой или добровольно.

Моко и Кагуя соприкоснулись языками и довольно долго игрались, пока Фудзивара не спрятала свой язычок за зубами. Кагуя храбро ринулась в это убежище, но соперница прикусила язык принцессы, чтобы

немного попугать. Постепенно из-за жара, создаваемого коленкой Кагую, Моко перестала отвечать и, откинув голову, просто получала удовольствие. Кагуя стала завидовать и поменяла позицию на Инь-Ян. Впрочем, из этого ничего особо приятного не получилось: несмотря на обилие смазки, влагалище Моко отдавало гарью, а сама Моко была уже совсем разомлевшей и не старалась. Кагуя поняла, что ей самой испытать оргазм не удастся, оставалось только заставить кончить партнёра. А Моко уж от стыда кончит обязательно, в этом Кагуя не сомневалась!

Принцесса слезла с Моко и осмотрелась в поисках подходящего предмета, но кроме плектра ничего не нашла. «Ладно, я покажу ей, что умею играть не только на биве!» - Кагуя постаралась сосредоточиться. Плектр островат для подобных развлечений, и надо быть осторожной, чтобы не поранить грязноватую дырочку Моко. Держа одной рукой плектр, второй рукой Кагуя медленно ласкала тело соперницы от груди до лобка. Таким образом, она играла на Моко словно на биве. Фудзивара, показывая как ей нравится «игра» принцессы, как можно шире раздвинула ноги. Постепенно она начала несильно метаться и постанывать, на её раскинутых ладонях появились неконтролируемые огоньки. «Как бы она сейчас не взорвалась!» - успела подумать Кагуя. Но всё вроде обошлось - Моко вскрикнула, доставив Кагую большое удовольствие, и чуть-чуть только прожгла пол. Теперь Моко была трёхцветной - низ белый, серединка тёмная, а лицо совершенно красное. Кагуя дотронулась до её щеки и сказала: «Тебе ведь жутко стыдно, правда!? Так что и жить не хочется! Возьми мои пальчики пососать, тебе станет легче!»

Моко, взяв в рот три принцессиних пальчика, действительно постепенно успокоилась. «А теперь мы пойдём в ванную, - сказала Кагуя. - Я хочу тебя хорошенько отмыть! Такой неряшливой даже в лесу нельзя быть. А потом мы вернёмся, и будем спать в одном футоне. А завтра утром ты пойдёшь к себе, и вечером мы снова встретимся, чтобы убить друг друга». Моко молча кивнула. «Ты ведь такая упрямая!» - лицо принцессы стало печальным. Сегодня она победила одиночество, но перспективы у неё были совсем безрадостны. Эйрин в последнее время не обращала на неё никакого внимания и видимо намекнула кроликам и зайцам, чтобы те вели себя так же. Хотя если она увидит её с Моко, то наверняка отправит обеих в лабораторию на опыты. Вот такая вот собака на сене. Добрый доктор, блин, сифилис ей в качель!

«Ладно придумаю что-нибудь - поразмыслила Кагуя. - Может уговорить это чучело напасть на Эйрин сзади и выбить из неё эту медицинскую гордыню?» Однако принцесса быстро отменила эту идею - Эйрин даже одна, без кроликов, могла взять их обеих за шкурки и напирать как подзаборным щенкам. «Может быть, нанять профессионалов?» Эта мысль была уже более практичной, а к тому же и очень близка к тем правилам, по которым должна действовать настоящая принцесса. Где вот только можно взять профессионалов, которые справятся с Эйрин. Всё быстро свелось к двум кандидатурам, о которых Кагуя сегодня уже слышала от самой Эйрин: «Да, эти двое никакой грязью не побрезгуют!» Однажды эта пара уже приходила в Эйентей, всё погромила, надругалась над всеми, кто не успел убежать и, уходя, оставила свои визитные карточки, мол, если вас кто обижает, то обращайтесь к нам за защитой. С тех пор они, следуя каким-то только им ведомым циклам, появлялись в бамбуковых джунглях, чтобы поразвлекаться с их неосторожными кроликами, вот как сегодня. Можно было карточкой, конечно, поискать, но и без этого Кагуя знала, что психопатки живут - одна в Хакурейском храме, а другая в Волшебном лесу. Они иногда устраивали оргии на дому, в которых участвовали те, кого они морально и физически извратили, и те, кто уже давно был развратным (в основном древние ёкаи, которые боролись со скукой с помощью похоти). Кагуя туда тоже ходила бы ради интереса, но Эйрин запрещала, потому что срамные инфекции якобы можно было занести, которые из лунного жителя выковыривать очень сложно. Но Кагую казалось, что сама Эйрин не раз ходила к этим негодьям. Кагуя посадила Моко себе на спину и понесла в ванную, продолжая думать над выходом из положения: «В принципе эти мерзавцы бедны как крысы! До сих пор помню все в заплатках панталонны этой крестьянки в глупой шапке. Может всё ограничится деньгами... Главное, чтобы не попросили чего-то большего, они же совсем отморозки! Да ещё обострение!» Кагуя вздохнула и усадила Моко попой в кадку, надо было набрать и подогреть воду в о-фуру. «Ладно, о завтрашних делах лучше подумать завтра», - наконец, решила принцесса. Сегодня она всё равно уже не могла ничего сделать, кроме помывки врага...

Мариса и Ая

Марису буквально понесло, она просто не знала, что делать теперь, когда Ая сдалась и была во всех смыслах стёрта. Её просто разрывало от фантазий. Может теперь, когда скачки на диком мустанге были закончены и strapon был сброшен, напоить Аю или одурманить каким-нибудь зельем до бессознательного состояния? Так и представлялось лицо Аи с вывалившимся языком, идущей изо рта пеной и закатившимися глазами. Или может поиграть в Добрую Госпожу и обработать кровоточащее Аино хозяйство чем-нибудь ужасно щипучим, например, зелёнкой? Или свернуть гибкую журналистку в клубок и проверить, сможет ли она зализать собственные раны? Однако наиболее сильным было желание увековечить свою победу. Бросив поводок, волшебница схватила Аю за пятку и таскала её по полу через весь дом. Пол был в весьма неважном состоянии, поэтому у тенгу к прочим несчастьям добавилось и множество заноз. Наконец, Мариса что-то придумала и стала рыться в вещах Аи.

Ая посмотрела на неё заплаканными глазами и ужаснулась - Мариса держала в руках её духовную камеру. «На какую тут кнопку нажимать, а? - спросила волшебница у своей новой рабыни. - Вот на эту?» Ая поняла намерения Марисы и слёзно попросила: «Мариса-сама, не трогайте эту вещь, лучше сделайте ещё что-нибудь со мной!» Мариса поправила фуражку и презрительно посмотрела на рабыню: «Что с тобой ещё можно сделать? И кто вообще дал тебе права так говорить со мной?» Мариса вскочила лежащей Ае на спину и немного попрыгала, а потом ещё и выдернула несколько перьев из крыльев. Затем

она приподняла тенгу за волосы и сказала: «Когда я смотрю на фотографии в твоей газете, меня удивляет то, что ты никогда не оказываешься по другую сторону камеры. Такая скромница! Я хочу наградить тебя эксклюзивной фотосессией. Что-то вроде «Ая на работе и по жизни». Мариса взглядом искала наилучшее место для фотосессии. Может на столе? Или в бадье, где Ая мылась? «Всё-таки кровать нужна!» - подумала Мариса и поволокла Аю в свою спальню и кинула на кровать. Грязная вся в занозах рабыня с кровоточащим пахом на кровати госпожи! Что только не сделаешь ради истории и искусства. «Ты будешь принимать позы, какие я тебе скажу. Очень вульгарные и непотребные позы, которые и полагается принимать такому ничтожеству как ты. А я буду тебя снимать! Ясно?» «Да, Мариса-сама», - вяло ответила Ая. «Раздвинь свои ноги, сучечка!» - ласково попросила Мариса. Сначала она взяла несколько крупных анатомических планов, а потом постепенно отдаляться. Когда в кадр поместилась вся фигура Аи, вместе со всем её опухшим заплаканным лицом, Мариса подумала: «Теперь ворона не сможет отрицать, что ничего не было, а это она об дерево обтёрлась». Правда, в кадре не хватало непосредственного виновника повреждений. «У тебя тут ведь есть возможность снимка с задержкой? А, ну говори как?» - Мариса с силой зажала Аин нос между согнутыми средним и указательным пальцами. Ая вскрикнула и Мариса отпустила её. Трясушимися руками рабыня стала показывать, как установить таймер. Нос её теперь опух и из него полились сопли (чтобы у ёкая случилось такое, его действительно надо было довести до ручки).

Мариса установила задержку, положила камеру на столик перед кроватью, а затем зажала Аину шею между своих ног. В итоге снимок выглядел следующим образом: обнажённая улыбающаяся до ушей Мариса в фуражке, показывающая знак победы, и болтающаяся у неё между ног голова Аи с нимбом. Лицо Аи было такое побитое, сопливое, заплаканное и бледное, что почти у любого в Генсоке начнётся выделение смазки после одного взгляда на эту фотографию. Аины слёзы, которые никто никогда не видел, кроме самых древних ёкаев, были крупным генсокийским фетишем. И важно было показать всем - кто выложил на блюдечке этот недостижимый фетиш! Таким образом, зритель, который будет просматривать это сессию в хронологическом порядке, сначала скажет: «О, нет, что это? Неужели это то, о чём я подумал?» Потом он ужаснётся: «О, нет, кто мог это сделать? Неужели тот, о ком я подумал?» Увидев лицо тенгу, зритель изумится: «Быть не может, это же Ая!?! Я чувствую тепло по всему телу!» И, наконец, увидев последние снимки, зритель ударится в панику: «Если она пришла даже за Аей, то она придёт и за мной! Она придёт за всеми!» В общем, с помощью этой фотосессии Мариса достигала сразу нескольких целей. Во-первых, она давала Генсоке редчайшую возможность немного потрогать себя на Аю в самой низкой точке её падения. Во-вторых, она сеяла ужас и уважение к своей персоне. В-третьих, получала хорошую возможность заработать, продавая не вошедшие в ряд эксклюзивные фотографии постоянным клиентам Аи. «Кстати, тут ведь где-то и мгновенная печать была?» - спросила Мариса у журналистки, вертя в руках камеру.

Издали духовная камера выглядела допотопным фотоаппаратом, но на деле она была, что твой айфон. Мариса ткнула наугад несколько кнопочек и из камеры беспорядочно посыпались быстро проявляющиеся фотографии. Волшебница подобрала их и рассмотрела. Без особого удивления она обнаружила вспотевшую себя позади Алисы, выгрузку кроликов из ямы, чей-то измученный маленький зад крупным планом. Мариса хмыкнула: «Как приятно бывает посмотреть на результаты своей работы после тяжёлого трудового дня. Эээ... А это что???» На нескольких фотографиях она увидела, как какой-то здоровый мужик (!!!) на пару с Сырной громит помещение, подозрительно похожее на жилище Рейму. Ну, да, верно! Вот и костюм, который Рейму надевала в те дни, когда по составленному напарницами расписанию доминировала над Марисой. «Быть не может, кто это? Мальчик??? Мужик???» - криком вопрошала Мариса у Аи. Ая собрала всю оставшуюся волю и как можно спокойнее ответила: «Это сантехник, Госпожа. Пришёл прочистить Рейму колодец» - «Какой к чёрту сантехник!? Чё он погромил-то всё!?» - «Это перепланировка. Водопровод тянуть будут», - Ая не выдержала и на её лице мелькнула тень злорадной надежды. Мариса пришла в ярость, она схватила тенгу за горло и стала душить: «Значит, ты про Сырниного папу не врала!? И друга моего сердечного прямо к нему отправила, а, тварь!? Так ведь!?» Ая, пытаясь разжать пальцы на своём горле, прохрипела: «Её уже не спасти! Она сама этого хотела!» «Говори что знаешь, мать твою! Кто он такой?» - на теле Аи стало появляться множество искр, больно обжигаящих Аю и оставляющих мерзкие следы, как будто об нее сигареты тушили. «Не знаю, Госпожа, я его только этим утром встретила!» - «Чё, правда отец что ли?» - «Да они на одно лицо, тут и гадать нечего!» - «Откуда у феи может быть отец?» - Мариса ослабила хватку. Ая откашлялась и попыталась высказать свои предположения: «Сырно крупнее, сильнее и пропорциональнее остальных фей. Я думаю, что она полукровка - наполовину фея, наполовину ниндзя! Я давно такое предполагала, просто мне неинтересно было это выяснять» - «Какая она к чёрту ниндзя!? Да даже жирная скотина, вроде Ююко по сравнению с ней просто крадущийся тигр!» - «Не знаю, думаю, она без отцовского ремня просто забила на тренировки!» - «А как вообще такая полукровка могла появиться?» - «Я не знаю, Госпожа, надо у Ран, или Юкари, или ещё у кого-нибудь спросить!»

«Экая туша! - рассматривала Мариса фотографию папы ледяной феи. - Тупой и упёртый, наверно, как и дочурка его». В общем, вести переговоры и приносить извинения тут явно было бесполезно. Надо было думать, что делать дальше. Марису совершенно не радовала перспектива превращения своего домика в аварийную конструкцию. Но в одиночку драться с мужиком, которому в кулак наверно поместится оба её полупопия, ей тоже не хотелось. Если бы с ней была Рейму, то можно было бы забаррикадироваться и дать бой, у Марисы были зелья на самый крайний случай. Их надо было вводить шприцом, и если бы она и Рейму воспользовались ими, то на время потеряли бы чувствительность к боли и нормальный человеческий облик, что давало им какие-то шансы. Мариса быстро перебирала по памяти тех немногих, кто мог оказать ей помощь. Насильники, на самом деле, внутри очень замкнутые и застенчивые люди, у которых очень мало настоящих друзей. «А почему он тебя не тронул за твои поганые статейки?» - поинтересовалась Мариса у Аи. Та ответила: «Потому что Ая друг. Я обработала её раны». Мариса

смекнула и быстро нашла в вещах Аи коробочку с лечебной мазью: «Вот этим что ли?» Она сжала коробочку в ладони, превратив её в бесформенную массу. Потом кинула комок мази на землю, растоптала ногами и вытерла жирную ладонь об Аину одежду. «Хотела тайком подлечиться, да?» Ая разочарованно вздохнула. Язык мой – враг мой! «Значит, я тобой от них прикрыться могу...» - поразмыслила вслух Мариса. Ая попыталась возразить: «Мариса-сама, это плохая затея!» «Заглохни! – огрызнулась Мариса. - Даже если им наплевать на тебя, я могу укрыться за тобой как за щитом, когда они начнут кидаться криогеном. Одевайся, цыпа, только ошейник не снимай. Мы заночуем в другом месте».

Мариса взяла цепочку ошейника и произнесла заклинание на каком-то древнем зловещем языке, который даже Ае за свою долгую жизнь слышать не доводилось. По всей длине цепочки и на ошейнике проявились огненные дьявольские письмена. Теперь Ая не могла разорвать ошейник и цепочку. Если вдруг хозяйка упустила цепочку, то по щелчку пальцев та возвращалась к ней в ладонь, притаскивая за собой Аю, где бы та не находилась. Ая не могла поверить, что с ней могут произойти вещи ещё более ужасные, чем те, которые уже сегодня произошли. Дрожащими руками, перебрав свою одежду, она грустно сообщила Марисе: «У меня трусики в лесу потерялись. Пожалуйста, Мариса-сама, дайте мне что-нибудь! Ваша рабыня простудится...» Мариса закрыла ладонью своё лицо и вздохнула: «Какая же ты шлюха, Ая! Я даже догадываюсь, как ты их потеряла». Она заодно отобрала у Аи и юбку, сказав: «Снявши трусики, по юбке не плачут. Блузки хватит, там не холодно». Ая опустила на колени и смиренно сложила на них руки. Она, наконец, поняла, что каждый звук, который она издаёт, только ухудшает её положение. Она решила попробовать поиграть в покорного щенка, как это любила делать Момидзи. Но как же это трудно было для профессионального журналиста, даже для изнасилованного профессионального журналиста – не произносить ни слова. «Ладно, - сказала Мариса, переодевшись сама. - Давай на выход». Она закинула в свою какие-то нужные ей предметы, даже книгу какую-то. Со стороны казалась, что всё это весьма тяжелое и вообще в шапку поместиться не должно, но Мариса, похоже не испытывала никаких затруднений. Собравшись, волшебница вышла из дома, пустив Аю перед собой. Она погнала её в неизвестном направлении через опасный тёмный лес. Оборона волшебницы была хорошо продумана. Ая впереди делала проходы в колючих кустах и проверяла своим телом дорогу на наличие волчих ям. Сзади следовала Мариса, в одной руке она держала цепочку, а другой держала на плече метлу, готовая в любой момент уе...ть ей по вынырнувшим из темноты зловещим ледяным рожам.

Тренировка

Над Генсоке пылал кровавый рассвет, предсказывая полный трагедий день. Ещё до заката по реке Санзу наверняка поплывут тела избитых и изнасилованных друг другом девочек, которых вылавливать и приводить в порядок опять придется Комачи и Шикиеки, если, конечно, они сами случайно не окажутся в числе плывущих. Стоя на крыше Кориндо, тревожно смотрел на недоброе знамение Ринноске. В этом году восходящее солнце выглядело встающим из-за горизонта столбом или колонной. Эта оптическая иллюзия была знаком того, что в предстоящих трагедиях будет участвовать мужское начало. С тех пор как Ринноске стал импотентом (точнее его заставили им стать) и сам перестал участвовать, он ничего подобного не видел. Нутром он чувствовал брата по хромосоме, который, или уже попал в большую беду, или вот-вот попадёт. Правда, что он мог сделать? Последние годы он стал совершенно сломленным человеком, который трясся от любого шороха, в любом кусте ему мерещилась зловещая остроконечная шапка. Ринноске скорее умрёт в Кориндо с голоду, чем выйдет кому-то помочь. Сейчас он был на самой нижней ступеньки иерархии Генсоке, несмотря на постоянные страхи – его даже бить редко кто приходил, он стал своего рода неприкасаемым. Когда девочки смотрели на него, то у него было чувство, будто они смотрят на него как на мебель. Ринноске давно хотел встретиться с сильным носителем Y-хромосомы, чтобы получить хоть какое-то ободрение. Но он и представить не мог, что встреча может состояться при таких печальных обстоятельствах. Неужели с неизвестным братом сделают то же, что сделали с ним самим? Ринноске в грустных размышлениях спустился вниз и продолжил подметать совершенно чистый пол...

Почти единственной в Генсоке, кто встречал рассвет умиротворённо посапывая, была Сырно. Сон и действие лекарств доброго доктора быстро очищали память ледяной феи. Боль тоже совсем прошла. Поэтому события, произошедшие с Сырно за последние два дня, казались какими-то далёкими, как будто и не с ней происходили. Однако они всё же не стёрлись совсем, а заставили проснувшуюся фею в кои-то веки крепко задуматься. Сырно лежала на кровати в своём ледяном домике посреди озера. Папы нигде не было видно. Сырна позвала, но ей никто не ответил.

Саб-Зиро после бессонной ночи перед постелью дочери решил выйти развеяться и, заодно, порыбачить – поглотить ледяными ударами окуня на Туманном озере. Было бы неплохо всё потом засушить. Запах сушёного генсокийского окуня был просто божественный. Можно было не сомневаться, что если Саб-Зиро вернётся домой, загрузив деликатесом мотороллер, то вскоре из Внешнего Мира вылезут и начнут мозолить глаза самые прожжённые любители вкусно и нахалюву пожрать, вроде Шао Кана и Шан Цунга. Всеми силами они будут намекать Сабу, чтобы тот пригласил их выпить пива. Впрочем, пошли они куда подальше! Время было мало, ниндзя запланировал к выздоровлению дочери крупное воспитательное мероприятие, так что ловил только для себя и для неё.

Но вернёмся к Сырно. Хотя её тело и душа были в гораздо лучшем состоянии, чем день назад, но фею вдруг стали мучить трудные вопросы. Почему всё так происходит? Ведь Марисина метла была просто логическим завершением длинной цепочки нехороших событий. И причиной всего этого была Сырниная попка. Да, у Сырны была самая сексуальная попка в Генсоке – маленькая, упругая, подтянутая, холодная,

очень здорового и аппетитного цвета. Очень приятно было её щипать, кусать или тыкать пальцем. При этом синяков не оставалась, зато обе половинки начинали очень красиво и равномерно краснеть. Это было так необычно – такая холодная и такая красная! В общем, Сырна с полным правом могла говорить, что она Сильнейшая по Попкам. Но ей было стыдно говорить такие вещи, поэтому «...по Попкам» она обычно опускала. У всех местных тёткок-педофилок сносило крышу после одного взгляда на её булочки. Именно поэтому Сырно старалась носить платья, которые хорошо скрывают очертания задика. Но это совершенно не помогало, даже вполне разумные ёкаи, вроде Аи, при первой же возможности стремились потрогать, пощупать и попробовать на вкус. Их ни капли не смущало то, что к Сырниной попке, в общем-то, языком можно было примёрзнуть – это даже ещё больше их возбуждало. С каждым разом домогательства становились всё более агрессивными. И, в конце концов, позавчера вечером, когда Сырно каталась по траве возле Хакурейского храма, случилась катастрофа. Она была такой неосторожной, что её даже не пришлось ловить. Рейму просто подошла к ледяной фее, взяла по мышку и унесла. Проблема действительно серьёзная. Но самое неприятное – говорить на эту тему с папой Сырно бы никогда не решилась. Она прекрасно знала, что ему нельзя долго находиться в Генсоке и с собой он её не заберёт. К тому же, ничего интересного он не посоветует, у него же всегда один вариант решения всех проблем – «Подчиняй их взглядом! Прикончи их всех! Заморозь, а потом апперкот!» Реалии, в которых жил папа, сильно расходились с реалиями, в которых жила дочь. И такое взаимное непонимание заставляло Сырну грустить.

«Хмм, – размышляла Сырна. – Если бы моя попа не была такой маленькой и симпатичной, а была бы широкой и белой, как у тётки Летти, то ничего ужасного бы не случилось». Сырно стала размышлять над тем, как такой номер провернуть. «Наверно надо много кушать», – вздохнула Сырно. Она питалась почти одними арбузными мороженками и иногда пила алкогольные напитки в баре у Мистии, а чтобы растолстеть феям требовалось есть мясо. Но от мяса Сырну тошнило, она его почти не ела, только иногда могла позволить себе похрустеть лягушками, если никто не видел. Но лягушки это разве мясо... Так, баловство одно. «Фууу...» – маленькая фея поморщилась, вспомнив мясо. Был еще собственно один вариант – компромиссный. Сырно могла подарить свою попку кому-нибудь сильному и не очень злому. Покровитель ухаживал бы за попкой Сырны сколько ему вздумается, а сам бы отгонял от феи тех, кто хотел сделать ей больно. «Может быть Ая. Или Сакуя-сан из особняка. Она, по-моему, хоть и мрачная, но добрая. Или Нитори-сан с огурцами. Или Ююко-сан, которая поможет мне стать толстой...» – перебирала кандидатуры Сырно.

Наконец, от количества кандидаток у Сырно закружилась голова. Всё-таки долгие размышления о правильной стратегии были не для неё, поэтому, бросив это дело, она решила встать с кровати и выйти из дома, чтобы найти папу. Погода была отличная, зеркальную поверхность озера было завлакивал холодный туман. Сырно осмотрела берег и обнаружила тёмно-синюю фигуру отца на берегу. Сырно радостно перелетела к нему и тут же почувствовала что-то неладное. Саб-Зиро сидел на коленях и сурово смотрел куда-то вдаль. На некотором отдалении, за его спиной валялась кучка замороженных окуней, а перед ним стояла тарелка риса. Сырно сразу поняла, что настроение папы изменилось. Он не выразил ни малейшей радости по поводу выздоровления дочери. Опасность и месть временно отошли на второй план, и теперь он явно хотел задать дочери несколько не очень приятных вопросов. Выражение лица у папы было такое, что Сырно немного испугалась. Строгий папа – это было совсем не то, что она хотела. Ниндзя протянул дочке тарелку риса и палочки, предлагая позавтракать. Сырно терпеть не могла рис, но побоялась отказаться и, громко чавкая, опустошила тарелку. «Я всё время доверял тебе, – наконец, начал тяжёлый разговор Саб-Зиро. – Не вмешивался и не контролировал твоё обучение. Я всегда думал, что у меня разумная дочь, которая всё может спланировать сама и непрерывно тренировками совершенствует свои навыки. А теперь окончательно ясно, что ты всё забросила! Проиграть бой – не позор, иногда такое случается. Но то, что с тобой в этот раз сделали, говорит о том, что тебя тут бьют как даруму». Сырна насупилась, лицо её стало, то белеть, то краснеть: «Неправда, я тренируюсь! Каждый день тренируюсь!» В какой-то степени это была правда, но Сырна недоговаривала, что все тренировки сводятся к заморозке несчастных лягушек. «Ну, что ж! – сказал Саб. – Тогда я хочу посмотреть, на что ты способна». Он жестом приказал Сырне присесть. Но не рядом с ним, а поодаль, как ученику перед мастером. Сырна капризно надула губы: «Папа...» «СЯДЬ!» – мрачно приказал ниндзя. В этот раз с папой лучше было не спорить. Сырна встала на колени напротив папы и ткнула лбом в землю: «Отоо-сан ни рей!» Как же давно этого не делала... «Если ты говоришь, что тренируешься каждый день, то тебе наверно легко будет одолеть такого старика как я, – ухмыльнулся папа. – Я ведь не каждый день тренируюсь». Ниндзя угрожающе встал, вокруг его могучих кулаков витали морозные облачка. Сырно опешила и, не вставая с колен, попятилась назад: «Пап, ты же не будешь со мной драться...» «А чего ты испугалась? – прищурился Саб. – Настоящий ниндзя ведь не должен обращать внимание на разницу в весе. Особенно такой крутой как ты». «Но так же нельзя!» – отчаянно пропищала Сырно. «Хорошо! – папа всё-таки согласился дать фору. – Ты можешь сражаться как хочешь, а я буду наносить удары только ногами!»

Ниндзя стал в боевую стойку, а Сырно окончательно поняла, что папа озверел, и оглядывалась в поисках места, где можно было бы спрятаться. Саб-Зиро вопрошающе посмотрел на дочь. Не дождавшись ответа, он прыгнул на неё. «Аааай!» – Сырна увидела быстро приближающуюся папину ногу, стремительно взлетела и укрылась в ветвях ближайшего дерева. Папа приземлился на пустое место. Саб огляделся в поисках дочки и обнаружил её мордашку, осторожно выглядывающую из листвы. Сырно поняла, что замечена, и выпустила в папу гучу сосуллек. Тот досадно отмахнулся от них рукой. Он был почти неуязвим для генсокийских дистанционных атак. Даже если бы магическая сфера Рейму попала бы ему в лоб, он наверно не повёл бы и бровью. «Так! – строго сказал Саб-Зиро. – Подойди ближе! Или прятаться, убежать и стрелять издалека – это всё, что ты умеешь?» Сырно тряслась всем телом. Она боялась спарринга с папой. Но ещё больше она боялась, что папа обидится и уедет. Нехотя фея сползла с дерева и попыталась занять

что-то вроде боевой стойки, выглядело это крайне нелепо. Папа неодобрительно поморщился. Сырно издала подобие клича и подскочила к отцу. Но тут её уже ждал мощный папин лоукик. Сырно с удивительной скоростью, визжа и кувыркаясь, улетела в лесные кусты. Несколько минут её не было, но, потом она всё же выбралась, вся в ссадинах и синяком под глазом. Действие повторилось, и опять Сырно улетела в кусты. Опять, опять и опять... Саб-Зиро подумал, что стоит вознаградить хотя бы фирменную семейную упёртость дочери, и решил пропустить атаку, о чём вскоре сильно пожалел. Выползшая из кустов измочаленная Сырно, оборвала часть изорванного в клочья платья, сковывающего её движения, вытерла идущую из носа струйку крови и собрала воедино последние остатки воли, чести и упорства. «АТАЙ САЙКЕЕЕЕЕ НО ЙОСЭЭЭ!!!» - прохрипела фея. Лицо её страшно исказилось и переполнилось отчаянием загнанного в угол зверька (такую Сырну в Генсокё ещё никто не видел). Она взяла ужасающее ускорение и ринулась на отца. В этот момент она была похожа на голубую шаровую молнию. Саб-Зиро только успел подумать: «А не слишком ли?», как повязанная бантиком голова дочери со всей возможной мощью врезалась ему чуть ниже грудной клетки. У папы что-то хрустнуло внутри, он покачнулся и медленно осел на землю...

Шикигами Ран осторожно пробиралась по холодному утреннему лесу, вспоминая слова своей хозяйки. Юкари обнимала Ран за плечи и успокаивающе говорила: «Это они все там ниндзи! Маску нацепил и всё – типа, ниндзя. Готова поспорить, что он на самом деле сторожем ночным работает. Все мужчины – рабы по натуре! Они слабы! Их судьба – быть внизу. Они ни на что неспособны – ни в работе, ни в сражении. Единственный толк от них – это иногда на них покататься. Помнишь, что я с ними когда-то делала? Верь в себя! Ну, и подумай, какой может быть отец у умственно отсталой феи?» Но все эти многочисленные аргументы Ран как-то не убедили. Под хвостами у неё что-то судорожно сжималось. Хотя она не знала Саб-Зиро близко, но лисья интуиция подсказывала ей, что это – крайне опасный гость. Поэтому Ран судорожно перебирала в голове различные варианты. В принципе, она привыкла к унижениям, поражениям, наказаниям и всему такому прочему... Но от этого ниндзи можно ожидать чего угодно, Хозяйка же никогда её не покалечит, ничего не откусит и не оторвёт. Юкари, хоть почти никогда этого не признавала, но всё же ценила Ран – периодически вычесывала все её хвосты, собственноручно чистила лисьи уши, давала таблетки от глистов и кормила с барского стола (в том числе любимым тофу). Где Юкари найдёт вторую такую? Для Юкари Ран была чем-то вроде технического агрегата, за которым надо ухаживать, но при этом беспощадно эксплуатировать. Она буквально изготовила Ран собственными руками, подобрав её маленьким лисёнком и жестоко воспитывая её, постоянно оказывая на неё моральное, физическое и сексуальное давление. Ничего хорошего конечно, но если бы вдруг крепостное право отменили, то Ран бы наверно сошла с ума, не зная куда пойти и чем заняться. В общем, в мире существовала только одна вещь, ради которой Ран пошла бы против Хозяйки, да и та опять куда-то убежала искать неприятностей на задницу.

Напрягая изо всех сил слух, Ран услышала чьи-то голоса со стороны озера. Грубый мужской голос и тонкий девочкин. Её чувствительный нос тоже почувствовал резкий неприятный аромат, исходящий от мужской волосатости. Ошибки быть не могло. Было совершенно ясно, кто это такие. Ран сняла свою неудобную одежду, сильно сковывающую движения, остались одни трусики. Помяла шапочку, чтобы сгладить характерный силуэт и зажала между ног все свои хвосты, что было очень больно, но необходимо, чтобы избежать обнаружения. Прижимаясь к земле, она стала красться в сторону Саб-Зиро и Сырно. Наконец сквозь кусты она разглядела два силуэта на берегу озера. Отец и дочь, судя по всему, ссорились. Сырно весьма громко вопила, а отец надвигался на неё. Началась стычка, в результате отец ударил Сырну ногой, зашвырнув глубоко в лес. Ран неодобрительно покачала головой и подумала: «Мужчина не способен нормально воспитать девочку! А этот вообще всё пустил на самотёк. И, приехав раз в сто лет, ещё и занимается рукоприкладством». В силу своих обязанностей Ран хорошо знала обо всём, что происходило в Генсокё, даже про фей. И она прекрасно знала о том, какой Сырно запущенный ребёнок. Фея ходит в бар Мистии, пьёт там алкоголь. Хуже того, тамошние посетители иногда пользуются невероятной наивностью феи и отсутствием у неё устоявшихся моральных норм – они дают Сырне деньги или спиртное в обмен на разные сексуальные действия. Попросту говоря, Сырно иногда подрабатывала проституцией. А папа тем временем годами где-то занят, вечно с кем-то, похоже, дерётся. В общем, доброй Ран даже стало жалко Сырну.

Саб-Зиро продолжать бить дочь, однажды Сырна просвистела прямо над укрытием Ран. Долго это продолжаться не могло, лиса должна была, наконец, показать себя и попытаться выполнить приказ хозяйки. Ран решила призвать высшие силы перед боем и закрыла глаза. Она была очень набожной, всегда соблюдала ритуалы, как синто, так буддистские. И вот, похоже, боги решили вознаградить свою старательную лису. Ран вдруг услышала глухой звук удара и хруст, будто дерево подломилось. Открыв глаза, Ран увидела оседавшего на землю Саб-Зиро. Рядом сидела Сырно, потирая ушибленную голову.

«Паа... Паап. С тобой всё в порядке!» Папа не отвечал, глаза его закрылись. «Папа! Пап!» - Сырно стала трясти его за плечо. Никакой реакции. У Сырно началась паника. «Папа! Бака! Зачем ты это начал!?» Но вскоре бедная фея узнала, что и это не предел её несчастьям. Из леса неожиданно выскочила голая хвостатая тётя, подбежала к папе и, схватив под мышки, стала оттаскивать его куда-то в сторону. «Что ты делаешь? Убирайся!» - вскричала фея. Не в силах вынести полного отчаяния взгляда Сырны, Ран отвела глаза: «У твоего папы немного не в порядке документы. Просто небольшая проверка». Сырно была озадачена – а с каких это пор проверкой документов занимаются голые тётеньки, выпрыгивающие из кустов? Ран, тем временем, вынула из-под резинки трусиков мобильный телефон, а из шапочки – небольшой GPS-навигатор. Она звонила Юкари: «Хозяйка! Я вырубил его! Срочно заберите меня отсюда, пока он не очнулся. Мои координаты...» Ран сверялась с навигатором. Сырно поняла, что происходит что-то не то. «Я сказала! Отпусти папу!» Ран не хотела бить несчастную фею. Она просто взяла свою шапочку

и натянула Сырне на голову, по самый подбородок. Ран прошептала Сырне на ухо: «Я обещаю тебе... То есть я постараюсь, чтобы с твоим папой ничего плохого не случилось» Увидев, как Сырно защищает отца, она вдруг почувствовала себя такой мерзавкой, что аж слёзы на глаза навернулись. Сырно вслепую махала кулачками, пытаясь попасть в Ран. Наконец, она поняла, что лучше сперва стянуть с головы шапочку. Тем временем под ногами у Ран стала открываться щель. Лиса начала спускаться в неё, затаскивая за собой тело Саб-Зиро. Сырно, сорвавшая с головы мерзкую шапку, успела заметить только папины ноги, исчезающие в закрывающемся портале. «ПАААААПАААА!!!! НЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕЕТ!!!!»

Чен и храм Мория

Крайне рассерженная Чен почти не спала этой ночью, только на час свернулась клубком на дереве. Жестокость и несправедливость Генсоке возмущали её, как никогда ранее. До самого утра она думала, как всё это можно изменить. Сначала она надеялась собрать компанию, которая пойдёт и вломит Марисе и Рейму. Но её могучая старшая Хозяйка отказалась помочь, а без её влияния сильный карательный отряд было невозможно собрать. «Старуха проклятушая! Карга тухлая! - злилась Чен. - Блин, ну, почему я такая слабая?» Чен слышала, что Мариса и Рейму растляли девушек по всему Генсоке: растляли на земле и под землёй, растляли на воде, растляли на небесах, растляли в кустах, растляли на болоте и много ещё где. Это значит, что тех, кто их недолюбливает, можно найти почти повсюду. Но чтобы одолеть насильников ей требовалась сила богов. «Богов? - Чен задумалась. - В Генсоке вроде есть несколько. Может попросить помощи у них?»

Таким образом, по утру Чен отправилась просить помощи в Храм Мория, где обитали целых две богини. Заметив некому, местная жрица Санаэ Кочия воскликнула: «Утипсечки, какой котёнок, дай я тебе брюшко почешу!» За бесцеремонность Чен сразу захотелось когтями нарисовать на лице жрицы поле для игры в «крестики-нолики». Но она взяла себя в руки, дала почесать себе брюшко, заурчала и попросила Санаэ: «Можно мне поговорить с хозяевами?» Санаэ удивилась, но решила пустить Чен в храм, может у кошки есть какие-то сообщения от Ран или Юкари.

Богини в это время пили утренний кофе на своём алтаре. «Хонк-хонк!» - поприветствовала их Чен. Сувако и Канако улыбнулись. «Здравствуй, милочка! Что привело тебя в нашу скромную обитель? Тебя прислала пушистая лиса?» - спросила Канако. «Нет, я пришла сама!» - сказала Чен. «Ааа..» - богини как-то быстро стали терять интерес. «У меня есть к Вам просьба. Я хочу одолжить вашу силу!» «Нашу силу! А зачем тебе это?» - поинтересовалась Сувако. «Нууу... - стала излагать свои потребности Чен. - Я хочу биться с лесной ведьмой и развратной хакурейской жрицей. Если я одолею их, то привяжу друг к другу цепями и положу в чистом поле, чтобы каждый, кому они причинили боль, мог подойти и сделать с ними всё, что пожелает». Канако засмеялась: «Спорю, что ты совсем недавно с ними встречалась». Чен покраснела. «Это не всё! - сказала некомпата. - Потом я возьму Юкари-сама и буду бить её головой об дерево, пока она не пообреет!» «Но что же тебе мешало выполнить все эти замыслы?» - спросила Сувако. «Я не могу одолеть их сама. Мне нужна сила богов». «Ты хочешь нашей силы?» - Канако переглянулась с Сувако. Богини как-то энтузиазма не проявляли. Но вмешалась Санаэ...

Она имела личный интерес - хотела отомстить за собственное давнишнее поругание. Когда-то, после переезда в Генсоке, она по неопытности решила напасть на Хакурейский храм, но местная жрица и её любовница поиграли с ней в больничку. Поставили ей свечи (они только называли их медицинскими, на самом деле такие в канделябры ставят) и сделали тест на беременность кустарным способом. Потом, привязав Санаэ к столу, они делали ей разрезы скальпелями в разных местах и зашивали унизительными разноцветными нитками. Даже наркоза не дали. Коновалы какие-то, а не хирурги! Вдобавок Санаэ чуть не истекла кровью, она ведь человек, а не ёкай. Шрамы до сих пор оставались на её теле, особенно неприятной были латинская буква «М» под правой грудью и буква «R» под левой. Их Мариса и Рейму в знак своей взаимной любви и дружбы вырезали на Санаэ словно клеймо. На самом деле, Рейму и Мариса собирались её ещё и растатуировать, но увидели кого-то более интересного на горизонте и погнались за ним, по традиции оставив Санаэ несколько конфет, чтобы немного поднять настроение.

С тех пор Санаэ перестала быть невинной, а стала довольно циничной и расчётливой - научилась сплёвывать и сморкаться на землю, водить за нос и обворовывать собственных богинь, врать людям в глаза, даже продавала в храме гербалайф тенгу и капкам, пока лавочка не накрылась по вине Аи. Она дала себе зарок, что избавится от Рейму и её мордатой подружки при первой же возможности. Но при этом твёрдо решила, что всё сделает чужими руками.

Мечты Санаэ вдруг расцвели буйным цветом. Если Чен сможет убить Рейму, то она перепишет хакурейский сарай на свою епархию. Её богини станут главными в Генсоке, а она сама станет главной жрицей в Генсоке и на правах монополиста сможет устанавливать любые, даже самые неприличные ритуалы. В общем, достойно заменит Рейму. Она даже планировала завести себе боевую подружку, как у Реймы, правда не выбрала кого. Впрочем, сначала надо было хотя бы уговорить богинь.

«Хозяйки! Я почесала брюшку этому котёнку, оно так урчит!» - сообщила богиням Санаэ. «Да, урчим мы хорошо!» - улыбнулась Чен, выставив клык. «А посмотрите, какие у неё хвостики!» - Санаэ взяла в руки, беспокойно покачивающиеся хвосты некомпаты. Чен крайне раздражал этот раскавай, но она понимала, что это необходимо. Поэтому просто подтвердила: «Да, хвостики у меня тоже ничего!» Сувако подняла брови, Канако прикусила губу. «А ушки, ну, что за ушки!» - Санаэ взялась за уши Чен словно за штурвал. «Да, офигенные у меня ушки!» - вошла во вкус Чен. Богини осторожно приблизились. «А какие сладкие бёдрышки!» - Санаэ запустила руку под юбку и обнажила Чен бедро, продемонстрировав хозяйкам. «А вот

это лишнее!» - Чен нервно убрала руку Санаэ. «Хорошо! Мы поможем тебе!» - сказала Сувако, подозрительно вытирая нос. «Угу-угу! Одолжим тебе нашей силы сколько пожелаешь!» - согласилась Канако, облизываясь.

«Ритуал будет проводиться в саун... то есть в горячем источнике за храмом, - пояснила Санаэ. - В нём встречаются духи ветра и духи горы, и вообще в нём очень хорошо». Чен нахмурилась. «Но конечно, ты же не пойдёшь туда в одежде, оставь её здесь», - предложила Канако. Чен посмотрела в горящие глаза этих троих и пронизательно прищурилась: «Тётенки, вы меня случаем не насиловать собрались?» «Какое насилие? - удивилась Сувако. - Мы же не эти двое! Всё очень нежно и абсолютно добровольно. Это твой выбор. Мы же не можем просто дать тебе нашу силу. Ты должна высосать её из нас так, чтобы мы разомлели и лежали без чувств». «Анальный фистинг?» - сквозь зубы спросила Чен. «Господи, мы и слова-то такого не знаем» - заверила Сувако. «Соглашайся, - сказала Санаэ. - Больно не будет, будет приятно». Чен сомневалась, она вообще не понимала, что конкретно получит взамен. Она не Сырно, она собой так просто попользоваться не даст. Санаэ приобняла Чен и предположила: «Наверно немного фригидная кошечка». Чен недовольно зашипела. Канако внимательно посмотрела на некомпату: «Глупо в таком как у тебя возрасте продолжать вести себя как дитя - ездить на детском велосипеде, рыться по помойкам, спать на деревьях и не любить секс. Ну, не может такой ребёнок противостоять Рейму и Марисе. Считай - это будет твоим экзаменом во взрослую жизнь». Чен действительно секс не очень любила, но аргументы понимала. «Оставь платье мне, - сказала Сувако. - Некоторое время оно совершенно тебе не пригодится. Я укорочу его так, чтобы оно больше не выглядело детским». Чен, наконец, решилась: «Ну, чёрт с вами!» и стала раздеваться.

Как только Чен сняла платье, три пары рук наперегонки бросились, чтобы её ощупать. Она бесстыдно лезли в самые недопустимые места, целовали везде. Чен старалась убедить себя, что ничего страшного не происходит и это просто ежегодный медосмотр, который ей устраивает мама Ран (не подумайте плохо, это действительно просто медосмотр). Санаэ немножко раздвинула пальцами запретные губки Чен, посмотрела внутрь и констатировала: «Ууу, не девочка! Совсем не девочка!» Богини подхватили неку и потащили в сторону источника. Чен отчаянно пыталась себя как-то возбудить, но не получалось. Перед глазами всё время вставала мама Ран с очередным синяком от Юкари. Ну, как можно любить секс, когда самого близкое твоё существо так сексуально эксплуатируют!? «Эх, куда ни пойдёшь, везде эти старые развратные кошёлки, - досадовала Чен. - Кучковались бы себе где-нибудь на лавочках, сплетничали бы... Так нет ведь - всё туда же!» Чен была меньше ростом, чем богини и их жрица, груди у неё были почти плоские, тело и зад весьма тощие. «Ума не приложу, как они будут меня делить, - подумала Чен. - Надо притворяться. Надо постонать и покаваться, они ведь этого ждут». Но три распутницы не дали её постонать, а раскачали за руки за ноги и бросили в источник. «ФУУУУ! - Чен терпела из всех сил. - Вода». Ради силы богов она решила стерпеть даже то, чего больше всего не любила. Мокрая Чен стала выглядеть очень жалко, как и все мокрые кошки. Но эти трое только возбуждённо и нетерпеливо потирали ладоши...

Канако, Сувако и Санаэ помогли друг другу быстрее раздеться, после чего спустились бассейн-запруду, наперебой обрызгивая Чен водой. Та кисло пыталась изобразить на лице радость и удовольствие. Санаэ стала сзади и стала массировать Чен плечи, Сувако стало облизывать её маленькие грудки, а Канако полезла загнув пальцами в маленькую, совершенно необросшую щёлочку. «Что ты на меня так смотришь? - зло думала Чен, улыбаясь Канако. - В попу же залезть хочешь...» Она немного расслабила ягодички, чтобы Канако могла проверить её анальное отверстие. Все почти хором хвалили Чен - какой она хороший, сочный котёнок и сколько у неё будет силы, если она постарается. Они повисли на Чен и утащили её под воду с головой. Через некоторое время голова Чен вынырнула, выпустив изо рта фонтан воды. «Топят! Топят, проклятые, как котёнка!» - терпение её было на пределе. Она попыталась двинуться к краю запруды, но Санаэ подхватила её под мышки, а Сувако взяла за ноги. Они перенесли неку и положили её спиной на камни, которые ограничивали запруду. Она раздвинули ей ноги и осмотрели. Канако положила руки на маленькую промежность Чен и стала ласкать её клитор, наблюдая за лицом. Чен отвернулась, как бы от удовольствия, но обмануть богинь было трудно. «Так мы никакой силы в тебя не перекачаем, - сказала Канако. - Неужели ты такая бесчувственная, неужели у тебя никогда ни о ком не было навязчивых запретных фантазий. Закрой глаза и представь, что ты в самой запретной своей фантазии». Чен надула губы и попробовала припомнить самую запретную: «Ну... Не то, чтобы совсем не было...»

Чен представила леди Юкари, которая бьёт зонтом маму Ран. Ран вся в крови и отчаянно закрывает голову руками. В этот момент врывается Чен в красивых доспехах - в кольчужной блузке и юбочке. Юкари презрительно смотрит на некомпату и улыбается. Впрочем, улыбается не долго, потому что в глазные яблоки ей вонзаются колючие когти. Старшая хозяйка начинает бегать кругами, схватившись за лицо: «АААА... Мои глаза!» Рыцарь Чен бьёт её наотмашь и ненавидящая глава клана Якумо с предсмертным криком улетает в окно, освободив место для нового предводителя, при котором Генсокё станет гораздо более добрым местом. Потом Чен идёт к маме Ран, обнимает, зализывает её раны и пытается успокоить. Страх переходит в нежность, нежность переходит в страстные поцелуи. Чен героически снимает доспехи, а мама Ран берёт её на руки, как ребёнка. А потом...

«Кажется она завелась!» - отметила Сувако, наблюдая извивающееся тело и хвосты неки. Та, похоже, вошла во что-то вроде транс. Она ткнула в затылок Санаэ, которая изо всех сил присосалась к маленькому влагалищу Чен: «Хорошо работай, постарайся, чтобы она не соскользнула». Впрочем, жрица и так высасывала из некомпаты все соки: «Мы взломаем тебя, как зрелый персик и закачаем в тебя столько силы, что у этих двоих не будет ни единого шанса. Санаэ станет великой!»

Чен в экстазе стала ласкать собственную грудь. Сильная Санаэ приподняла её зад, теперь Чен опиралась только на уши. Канако встала на камень за спиной неки и сунула ей в рот, тёплую размягчённую водой пятку, Чен крепко зажала её, выпустив клыки и издавая громкий урчащий звук. Канако довольно зажмурилась, наверно у неё на пятке была эрогенная зона. «Сзади, сзади её гладь, засунь ей палец в зад!» - советовала Сувако жрице. Сувако, не переставая облизывать клитор Чен, попыталась сунуть палец ей в анальное отверстие. Зад у Чен был такой маленький и зажатый, что непонятно, как можно было просунуть туда хотя бы мизинец. Поэтому Санаэ просто стала щекотать там, заставляя разошедшуюся кошку биться в конвульсиях. Сувако присела рядом и стала тереть своё влагалище одним из мокрых хвостов Чен, несмотря на то, что тот отчаянно вырывался из рук. Так продолжалось совсем не долго, Чен вдруг изогнулась дугой, её зад вывалился из рук Санаэ и плюхнулся в воду. «Эээ... - весело вскрикнула Канако. - Она мне кусок пятки откусила!» По лицу Чен полилась кровь богини. Удовлетворённая несчастным оргазмом некомата довольно заложива клычок на нижнюю губу. Канако запрыгала на одной ноге, благо раны у неё затягивались почти мгновенно. «Ну, как ты?» - спросила Санаэ Чен. «Подожди, - сказала Сувако, помахивая зажатым в руке хвостом. - Она такая слабая сейчас!» «Ты недооцениваешь кошек», - возразила Канако, продолжая подпрыгивать. Санаэ похлопала Чен по щеке. Та открыла ошалевшие глаза и осмотрелась, вокруг не было ни мамы Ран, ни... кое-кого другого, кого она представила. Она была как-то разочарованна, снова очнувшись в окружении похотливых полужнакомых тёток. «Богини порадовали тебя, теперь твоя очередь порадовать богинь!» - сказала Канако.

На краю запруды, широко раздвинув ноги, лежали, слева-направо - Санаэ, Канако и Сувако. «Знала, что всё так будет... - вздохнула Чен, без особого энтузиазма рассматривая три расположившиеся перед ней мохнатые полянки с красноватыми прорезями. «Тётенки, вам не кажется, что пора в парикмахерскую!» - возмутилась маленькая некомата, но в ответ богини и жрица только возбуждённо захихикали. Они хорошо знали, как кошки умеют вылизывать шерстку. «А что это тут написано?» - спросила Чен, показывая Санаэ под рёбра. Жрица раздражённо ткнула голову Чен себе между ног. Некомата поняла, что наступило время поработать своим шершавым язычком. Многие в Генсоке и за его пределами хотели бы, чтобы Чен полизала их этим бесподобным инструментом хотя бы и в приличном месте, например под мышкой. Но куш сорвали эти две пенсионерки и их юная воспитанница.

Язык Чен был почти как наждачная бумага и делал немного больно нежным тканям влагалища. Но обитатели храма жили отнюдь не по-монашески и были во всех смыслах тёртыми калачами, так что им было даже очень приятно. Санаэ закатила глаза от удовольствия, а Канако сказала: «А пальчики свои засунь мне вот сюда», взяла руку Чен с длинными коготками и потянула к себе во влагалище. Коготки её совершенно не пугали. Видимо она хотела быть в приподнятом настроении к тому моменту, когда Чен покончит с Санаэ.

Некомата двигала своим язычком, словно лакала молоко из блюдца. Санаэ была ещё студентом на домашнем пансионе, так что Чен довела её клитор до ручки достаточно быстро. От удовольствия непорочная жрица в самый ответственный момент закинула ноги на спину неке и застонала так чисто и неподдельно, что её патроны стали обзавидовались. После того как Санаэ кончила, она заставила Чен заползти на себя и поцеловать в губы. Богини дружно крикнули. Вот с ними Чен явно придётся повозиться.

То, что делали сейчас с Чен - очень редкое, мало кому доступное удовольствие. Может не такое редкое, как то, что делала и продолжала делать с Аей Мариса, но всё равно. С некоматой в Генсоке старались не связываться не, потому что она сильная, а просто из-за репутации её хозяев, в основном Юкари. И вот теперь нека собралась её стучать чепчиком по дереву. Всё-таки кошки такие неблагодарные...

Чен, подёргивая мокрыми хвостами, то карабкалась на Канако и лизала ей шею, грудь, живот, то спускалась вниз и впивалась в её красноватое влагалище, потирая мокрым носом не менее мокрый клитор. Как бы это не было ей противно, но она хотела, чтобы из богини вытекло побольше силы. Поэтому она натужно улыбалась во все стороны, заложив клычок. «Вот видите, какая я послушная киса! Самая лучшая инвестиция вашей силы!» - как бы пыталась некомата внушить мысль своим новым покровителям. Однако пока ничего не происходило. Чен стала нервничать: «Неужели меня как Сырну кинули! Да я их задницы на гудки велосипедные раздеру!» Но тут некомата стала ощущать странные изменения в своём маленьком призрачном теле. Как будто кто-то стал рваться из неё наружу. Сначала несильно, пульсируя, потом всё сильнее. У Чен постепенно подпёрло дыхание, она не могла говорить. «Ладно, главное сейчас не останавливаться». Чтобы хоть немного отдышаться, Чен высунула нос из влагалища Канако и вместо этого сунула туда свою ножку, проявив чудеса гибкости и устойчивости. Два пальчика ноги хорошо заменили шершавый язычок.

Канако стала буйствовать и размахивать руками по сторонам, ударяя по лицу лежащих по соседству Санаэ и Сувако. Те схватили разбушевавшуюся подругу за руки. Канако возопила, правда немного приукрашено. Чен, стоявшая на одной ноге, потеряла равновесие и снова плюхнулась в воду, но тут же вылезла, пуская изо рта фонтанчики. «По заднице теперь её похлопай, она это любит! - приказала Чен Сувако, переворачивая свою божественную подругу. - Только без шуток, сильно бей!» Раздалось шесть мощных шлепков, по три на каждое полушарие. Последний раз Чен ударила когтями, оставив на попе Канако параллельные красные линии. Это становилось её фирменным автографом Чен. «Ой, блин!» - простонала Канако и перекинулась через Санаэ - так они вместе и лежали, отдыхая. Чен выглядела теперь не очень хорошо, кожа её приобрела странный зелёный оттенок, она поняла, что уже не может так ловко двигать конечностями. Но самое ужасное, что внутри у неё стало что-то гореть и шевелиться. Сейчас самое время было извиниться перед всеми и уйти домой лечиться. Но Чен понимала, что это не

болезнь, а просто божественная сила её переполняет. Сувако заметила её сомнения, улыбнулась и сказала: «Ты не можешь уйти, не порадовав меня! Я - настоящая хозяйка храма! Вот эти двое, - она показала пальцем на отключившихся в обнимку Санаэ и Канако, - просто мои игрушки. Силы в них не хватит даже для того, чтобы стянуть с Марисы панталоны. Только леди Сувако может дать тебе всю мощь Небесной Жабы! Так что постарайся!»

Неканоничные дополнения

Месть Сырно

Дойдя до дома, Сырно жалко заплакала. Слезы текли и текли из двух хрустально-голубых глаз, а нос аж распух. Отрыдавшись, Сырно поправила сарафанчик и гордо шмыгнула носом. "Ха, эти баки еще узнают, кто на самом деле сильнейшая в Генсокё! Да и вообще, две на одну — это нечестно!"

Ее попка снова была крепко сжата, и Сырно с решительным видом натянула панцушки. "Уууу, глупая Мариса! Моя попка не для того сделана, чтобы сувать в нее всякое. Ты будешь справедливо наказана. Рейму тоже получит свое."

"Перво-наперво нужно собрать рассыпанные мандаринки!" — подумала бака и бодро полетела к холму близ храма. Естественно, мандаринки уже были собраны внимательной Рейму, которая держала их в подоле своей рубахи.

"О, привет, Сы..."

Сырно, не долго думая, пошла в атаку, а Рейму с занятыми руками не смогла оказать сколь-либо достойное сопротивление граду сосулук. Вскоре от особо увесистой сосульки, попавшей прямо в лоб, Рейму потеряла сознание.

Рейму очнулась с широко разведенными ногами и руками, без единой тряпочки на теле. Ее конечности оказались жестко зафиксированы веревками, вмурованными в здоровенные глыбы льда. "Не правда ли, я Умнейшая?" — гордо задрала нос Сырна. "Да ты же бака, которая не умеет вязать даже простейших узлов на веревке." — с презрением хмыкнула мико. "Урусай, урусай, урусай! Сейчас ты отведаешь сосульки в попку!" "Подожди, Сырно! Я не желала тебе такой участи! Мариса чересчур увлеклась. Если хочешь, я помогу тебе скрутить её." Надо протянуть время, подумала Рейму, глыбы льда уже подтаивают, еще чуть-чуть, и я смогу высвободить руку и разнести все эти глыбы к чертям. "Возможно, но сначала ты все же получишь в попку сосульку!" — кровожадно пропела Сырно и быстро, решительно исполнила свое намерение. "Ох, черт, а она не шутит, и ни опыта, ни тормозов у нее нет! Так и до травматизма недалеко." — пронеслась мысль в голове Рейму, а затем ее сознание помутнело.

Очнувшись, Рейму поняла, что связана и висит так же, как и Сырно несколько часов назад. Но каково же было ее удивление, когда перед своим носом она увидела чью-то маленькую, но такую знакомую попку! Это была Сырно, ледяная фея, в таком же положении, как и она, мико!

"Ага, оклемалась, значит. Прекрасно." — задумчиво протянула Мариса, подходя к ней.

"Мариса, ты опять съехала с катушек? Немедленно развяжи меня!"

"Повиси пока. Знаешь, Рейму, мне давно хотелось сделать одну вещь." — Мариса провела пальцем по шее Рейму и взяла ее за подбородок. Та дернулась и щелкнула зубами, но ведьма успела отдернуть руку.

"Какая ты милая, когда сердиться!"

"Ух, простой выволочкой ты не отделаешься!"

Тут очнулась Сырно.

"Кто посмел опять связать сильнейшую меня?" — сердито запищала феечка.

"Виси тихо, мелкота!" — рявкнула Мариса, и Сырно затихла, только стуча зубами.

"Так, ну что мы тут имеем? Одну баку, и одну застannую врасплох мико? Да, дорогая моя Рейму, еще чуть-чуть, и твоя дырочка бы сильно пострадала, у этой баки совсем нет такта."

"Кто бы говорил! — фыркнула Рейму. — Сама-то чуть не превратила феечку в кусок мяса на палке!"

"Ничего, дорогуша, I'll be gentle. Начнем, пожалуй."

Они были в подземелье, стены которого были обвешаны предметами такого рода и толка, какого добровоспитанным детям и целомудренным мужам и женам знать не полагается! Недалеко стояло деревянное приспособление в виде высокого "коня" с заостренной спиной, отполированной до блеска, а недалеко лежали плетки и прочие замысловатые штучки вроде цепочек шариков разных размеров (наверно, такие экзотические бусы?) и прочих побрякушек. (Внимание, тот, кто знает не понаслышке назначение этого "коня", явно нехороший человек, дети, никогда не будьте такими!)

Мариса взяла с полки слегка то расширяющуюся, то сужающуюся по своей длине палку и подошла к корме Рейму. У Рейму расширились глаза.

О Ками-сама, эта озабоченная опять будет домогаться моего чудного отверстия. Покой нам только снится, подумала мико.

Мариса провела палкой вдоль бока Рейму и начала поглаживать пространство около ануса.

"Щекотно же, хватит!"

Мариса засопела, но улучила момент, когда дырочка чуть-чуть расширилась.

"Мариса, сейчас огребешь!" — Рейму была прекрасна в гневе, ее глаза метали искры.

Мариса вставила палку поглубже и начала водить из стороны в сторону, то вынимая, то погружая.

"Мариса, проклятая ты похотливая ведьма! О таком мы никогда, ah~, никогда не договаривались! Це~, ah~, цена проступка будет высока, ты пожалеешь, клянусь честью!" — так кричала мико, но ее крики были все менее сердитыми, и наполнялись сладостью. Запускались инстинктивные человеческие механизмы, и даже кристальный разум жрицы не мог противиться этой буре чувств.

"Ну как тебе, Рейму? — продолжала работу Мариса. — Да, работа мику держит тебя в черном теле, но, похоже, я достучалась до твоего тела. И оно горячо ответило!"

"Ууууу, глупая Мариса!" — простонала Рейму.

Кап-кап-кап, капали любовные соки жрицы, капли звенели, ударяясь об пол.

"Хочешь приостановить это и вернуть контроль над телом? Тогда сделай приятное этому чудному созданию перед тобой! Прямо язычком, не стесняйся!" — и Мариса ослабила напор.

"Гм!"

"Живо!" — Мариса резко провернула палку, и слезы выступили на глазах Рейму.

"Черт бы побрал эту фею! Это же из-за нее у Марисы поехала крыша!" — подумала Рейму и потянулась язычком к попке Сырны. Мариса подвинула ее чуть поближе и продолжила терроризировать задик мико. Рейму же с непонятно откуда взявшейся виртуозностью просунула язычок в вылизанное до блеска отверстие.

"Аааааа! Прекрати, Рейму!" — захныкала Сырна. До этого момента она не произнесла не слова, находясь в ужасе от того, как изменились стоны Рейму.

Но Рейму была занята, и теперь уже у Сырны включаются механизмы возбуждения. Не важно, откуда у вполне себе феи человекоподобные механизмы, оставим это на совести автора Вселенной, пусть и не он писал этот фик. Спишем на человекоподобность.

"Ууууу, ой, баки! Ум, что вы со мной делаете, прекратите! Аааа~ Я пожалуюсь в общество, ah~, защиты детей!" — стонала на все лады Сырна, а ее маленькое детское тело сладостно вздрагивало, когда шершавый язычок задевал особенно чувствительную точку.

Мариса оставила тяжело дышащую Рейму и взяла "бусы".

"Какая же ты милая в таком положении, Сырно! — сказала ведьма, поглаживая писечку феи. — "И какая мокренькая! И какая бака! — Мариса погружала шарик за шариком в попку феи. — И какая чистенькая! И какая с бантиком! И какая без пантушек! И!" — тут она резко дернула цепочку. Тельце Сырно дернулось от боли и опало. Сырно повисла без сознания. Мариса двумя ударами по щекам привела ее в чувство. Сырно плакала, но скоро эти слезы высохнут. Мариса приподняла тело Сырно и зафиксировала так, чтобы писечка феи находилась прямо перед Рейму.

"Ну, Рейму, работай, и получишь награду!"

"Ага, щас!"

"Как знаешь." — сказала Мариса и принялась с удвоенным усердием огуливать попку мико. У бедняжки мико уже не было сил противиться, и она принялась лизать писечку феи, слатывая ее любовные соки вместе со своей слюной. Язык тоже очень чувствительное место, и под двойным давлением ее воля дала трещину, и она полетела на качелях удовольствия, возносясь все выше, все ближе к пику. Рядом попискивала от удовольствия Сырно, от стонов гудел воздух. Писечка Рейму сочилась соками, и Мариса взяла на себя заботу убрать их, подступая к Рейму и с третьей стороны. Потом эта маньячка взяла еще палку и принялась сношать писечку Сырны.

Рейму кончила первой. Она издала длинный сладостный стон, и ее тело сотрясли множественные спазмы. Сырно чуть позже, она пискнула четыремя тонами выше. Все три девушки тяжело дышали, как после марафона, но им троим предстояла долгая ночь.

Риггл

Утро начиналось достаточно паршиво. А как ещё можно назвать очередное утро из тех, когда ты просыпаешься и понимаешь, что после вчерашнего предстоит не только убираться, но и ремонтировать храм? Вздохнув, чихнув и высморкавшись в рукав, Рейму осмотрела окружение. На полу валялись в обнимку Мариса с Суйкой. Вчера была ещё Юкари, но она уже ушла вместе Жужукой. Суйка выронила свою знаменитую флягу и сакэ лилось из неё тонкой струйкой. Выбежав из храма, Рейму в сердцах выругалась — пол уже протёк, а сакэ уже проложило дорогу к чистому доселе ручью. Забежав обратно, Рейму подняла флягу вместе с Суйкой (та даже во сне не возжелала оставаться без неё) и заткнула её какой-то тряпкой, так как крышка где-то затерялась. Оставалось только взять метлу Марисы и вымести весь сор — с сакэ пусть Суйка разбирается.

Выметя хлам, Рейму содрала свою одежду и достала из лужи сакэ свой гохэй. Чертыхнувшись, она побежала вниз к ручью, чтобы отмыть его. Присев над водой, Рейму погрузила сам гохэй в воду, второй рукой удерживая бумажные подвески над водой. Через каких-то полминуты мико вынула палку из воды и осторожно принялась. Запах сакэ почти исчез, а больше и не нужно было. Удовлетворённо хекнув, Рейму начала подниматься с колен, но кто-то тут же толкнул её в спину. Жрица упала на живот и чудом удержалась на краю берега, не поприветствовав Нептуна. Но счастья от этого не прибавилось, потому что неизвестный ткнул что-то достаточно острое, чтобы быть болезненным в спину и выворачивал одну руку. Через пару мгновений мико с ужасом поняла, что к одной из рук примотали её же гохэй. И сейчас пытаются сделать со второй. Рейму открыла было рот, чтобы закричать, но привязанная рука была резко поднята

—Тихо. Или будет куда больнее.

Жрица послушно заткнулась. Тем временем неизвестный закрепил вторую руку, а ещё через миг Рейму была перевёрнута и смогла увидеть напавшего. Белая рубашка, торчащий плащ и зелёные волосы с двумя антеннами всколыхнули память мико.

—Риггл?! Какого?.. — дальше жрица смогла лишь промычать, потому что Найтбаг накрыл её рот рукой. Что-то мягкое и безвкусное ткнулось ей в рот, а кожа почувствовала тугость эластичных ремешков, что обняли голову.

—Прекрасный день, Рейму, не так ли? Уже давно весна... — пальчик Риггл лёг на шею жрицы, прошёл путь до левой груди и немножко потеревил сосок, чтобы соскользнуть ниже и дойти до промежности — ты знаешь, что мне нужно, Рейму.

Как же так? Я, победившая всю семейку Скарлетт, спасшая этот мир уже раз десять, победительница богов! И поймана каким-то жуком-недомерком, который даже Сырну победить не сможет! Между тем лицо юной мико украсилось дорожками слёз, играющих всеми цветами радуги в лучах утреннего солнца.

Сёстры Комейджи

А мне хочется увидеть их в качестве жертв. Ооо, стоит только представить няшных сестричек Комейджи вдвоем в постельке, как они прижимаются друг к другу своими голенькими тельцами в ужасе от намерений этих двоих, как сильно они цепляются друг за друга, когда те пытаются разъединить их, чтобы притворить свой развратный план в действие без помех. Вот Рейму достаётся Коиши, и грязные пальчики жрицы незамедлительно находят свое место в девственной промежности младшей Комейджи.

- **Сестра-а-а...** - молвит Коиши на вдохе, затем шумно выдыхает, и, опустив голову, вот-вот начнет плакать от нарочно грубых движений жрицы.

Пересилив онемение от нахлынувшего возбуждения, Сатори кладет дрожащую руку на щеку своей сестры. Она понимает, что им не удастся выбраться, и единственное, что остается делать, это терпеть.

- **Я здесь... Я с тобой. Потерпи...** - шепчет она, глядя в мокрые глаза Коиши, и пытается унять в своей голове мысли взбесившейся сзади Марисы, так грубо вдевшей свою деревянную игрушку в маленькое пространство Сатори. Продвинув руку дальше с щеки на затылок, она приближает лицо сестры к себе.

- **Плачь еще, плачь... Не держи в себе, выпусти это со слезами... Я с тобой...** - успокаивает она Коиши и, прикрыв глаза, слизывает покотившуюся слезу с щеки сестренки язычком.

Повинуясь ей, Коиши совсем перестает сдерживать себя, и под тихое рыдание по ее щекам струятся потоки соленой жидкости, старательно убираемые заботливой Сатори.

Две сестры сжимают кисти друг друга, и увеличивающийся напор развратниц с поверхности заставляет их выкрикивать свои имена. Постепенно, крики их переходят в прорывающиеся сквозь влажные губы сестричек стоны, слившихся в поцелуе. Тело старшей Комейджи ритмично пошатывается от грубых движений Марисы, младшая извивается и дрожит от тонкой работы пальчиков и языка Рейму. И только на пике болезненного наслаждения их губы отрываются друг от друга, оставшись соединенными тонкой струйкой слюны, мгновение спустя лопающейся под напором двойного вопля обеих сестер.

(спойлер: Десять болезненных оргазмов спустя :3)

-Чет мне тоже захотелось сестричку - плюхнулась Мариса рядом со вздрагивающей Сатори, пихнув ту локтем. **-Как вы друг друга ублажали, я вон даже всплакнула. А как ты ее за ручку держала все время, ну Рейму и лупила тебя плеткой, бесясь... А, черт, strapon весь пропитался, надо будет просушить и обработать морилкой заново, чтобы не гнил...**

Сатори не слышала Марису. Все еще ощущая отголоски последних нескольких часов, она не могла ни о чем помыслить, кроме чувства вины перед своей сестрой. *Коиши... Сестрица моя, как же так... Почему я не смогла уберечь тебя от этого... Коиши.* Ей было плевать на себя, но простить себя за беспомощность по отношению к младшей сестре она не могла.

Коиши пришлось нелегко - Рейму выжала неопытную девушку, как губку, и та вскоре просто потеряла рассудок. Ее стоны наполняли спальню Сатори и часть дворца, от ее слюны местами насквозь промокла простыня, Рейму нещадно лупила ее плеткой, еще больше выводя из себя бедную Комейджи. И все это время Сатори пыталась помочь сестре, она тянулась к ней, держала ее за руку, в перерывах развратниц на перекур прижимала обезумевшую Коиши к себе, терпя ее укусы за плечи и пытаясь успокоить. Но злодеи возвращались, вырывали у ослабшей и плачущей Сатори ее сестру и продолжали измываться над слабыми девушками. В конце всех концов, Коиши отрубилась, и Рейму, которой надоело тыкать рукоятью плетки в повидавшие сегодня виды дырочки младшей Комейджи, почесалась и стала собираться домой, в храм, в буквальном смысле, кинув бесчувственное бледное тельце Коиши на Сатори. Та изо всех оставшихся сил, чисто инстинктивно вцепилась в него.

-Нус, саёнара, милые! С вами было круто, как-нибудь забежим еще! - и Мариса скрылась за резной дверью спальни, оставив наконец сестер одних. Наступившую, почти мертвую, тишину нарушали лишь только тихие всхлипы старшей сестры, продолжавшей бессмысленно защищать младшую сестру, которая еле слышно сопела у нее в руках.

Прототип: Сырнин папа

Вечер. Лето. Храм. Генсокё. Чай был выпит, пиво тоже - только что-то не хватает для достойного финала. Руки чешутся у жрицы, жрица тянется к гохею и летит под облаками по известному маршруту. Ну а Сырна в это время в камышах бельё стирала, краем глаза увидела жрицы тёмный силуэт.

«Закурить у Вас не будет?»

«Не курю, я же сказала!»

«Ты не куришь? Вот и славно!» - с огоньком сказала Рейму, замахнувшись кулаком.

Тут из тени вышел ниндзя - синий ниндзя в маске синей.

«Ты откуда, толстый дядя?» - сильно удивилась жрица.

«Это батя мой - Саб-зеро! Самый лучший в мире папка! Самый сильный, самый добрый! В отпуск, в гости он приехал. В тур-сафари по Генсокё».

Сырна Рейму представляет:

«Это, пап, шпана из храма! Каждый день меня дубасит со своей товаркой в шапке. Я ведь после их визитов разогнуться не могу!»

Посмотрев на батю Сырны, Рейму смутно понимает, что гохой ей не поможет и пора давать назад. Не успела, храма жрица! Папа сделал её подсечку, а потом и апперкот.

«Видно день не мой сегодня!» - трезво рассуждает Рейму, приземляясь на лопатки.

«Передай - так будет с каждым, кто посмеет дочу трогать!» - сообщает ниндзя жрице.

Рейму, зубы подбирая, убегает восвояси, передать своей подруге, гордому пилоту швабры, что отныне им, наверно, к Сырне лучше не ходить.

Из Генсокё солнце скрылось. Будто всё уже заснуло...

Только у воды две тени - папа с дочкой на коленях, не спеша лягух мороза, до утра ведут беседу...

(спойлер: Продолжение в подражание ОПу. Надеюсь от не рассердится.)

Лето мчалось горной речкой, и пришла пора прощаться дочке с самым лучшим папой

Было грустным расставанье, и всю ночь текла беседа пред отъездом возле речки.

Ну а утром папу дочка провожает на автобус. — "Стоп! Автобусы в Генсокё отродясь совсем не ходят...

Чтож, быть может не автобус папу в дальний край увозит" — так сказала себе Сырно и обратно развернулась.

"К берегу, где накануне с папой вместе мы гуляли, вот куда пойти хочу я!" —

И к реке направив стопы, песню тихо напевая,

не смотря вокруг, а в мыслях снова с папой вместе, Сырно к речке медленно идет.

Но, внезапно, кто-то сзади резко дернул за плечо!

"Что уехал уж твой папка? Мы так ждали, мы так ждали! Все, никто тебя не сможет больше силой защитить!" —

Обернувшись, Сырна видит два знакомых силуэта, то опять шпана из храма приставать собралась к ней!

Потирая руки, двое на нее собрались двигать! Что же будет? Неужели снова будут унижать Сырняшу и

дубасить каждый вечер?

Но внезапно от удара изогнулась жрица Рейму, а потом и от другого на колени в миг упала!

А товарка ее шваброй, на которой прилетела, получила по сопатке и дар речи потеряла!

Сунув в рот им по лягушке, и схватив двоих за шкурку, отнесла поближе к храму фея Сырно хулиганов.

И, обратно развернувшись, путь к реке всеж завершила.

На реке прикрывши очи, вспоминала фея Сырно вечер с папой накануне —

"Никого не бойся дочка, ты СИЛЬНЕЙШАЯ в Генсокё! Верь в себя и не стесняйся хулиганам дать отпор!"

Ну а после, лучший папка показал пару приемов, так что больше хулиганы не опасны фее Сырно!

Читать ещё

- [Русское порно](#)